

Становление Пермская воюость

Александр Соколов

Продолжение приключений Владимира, попавшего в 226 год нашей эры.

Александр Соколов

Становление. Пермская волость

Идем по середине реки курсом галфвинд со скоростью шесть узлов. Периодически всматриваюсь в прибрежные заросли, но с расстояния почти километр, заметить соглядатаев вряд ли удастся. Пытаюсь понять действия следопытов, где сядут нам на хвост и сядут ли. Они ушли вверх по реке Каме и опережают нас не более чем на сутки. Вряд ли они меня будут караулить, а потом следовать за шлюпами. Из городища Имень долбленки ушли практически сразу после нашего прихода, притом экипажи их были полностью готовы к отплытию и ждали только сигнала. Шлюпы им просто показали.

То, что мы ходим по реке Каме в городище Ибыр, где покупаем детей, а затем приходим в городище Имень уже без детей и там их опять покупаем, понять не трудно, а дальше несложно сообразить, что наш дом находится на реке шириной не менее двадцати метров одного из притоков реки Камы, не более чем в пяти — шести днях пути от Камы. Если разделить, то на пяти долбленках обследовать притоки и речки в округе, поиски надолго не затянутся.

За каждой долбленкой гоняться по отдельности — не вариант. Надо ловить их всех в засаде. Для этого необходимо обогнать долбленки, на всех парах лететь домой, разгрузаться, а затем возвращаться поближе к Каме и устраивать засаду. А лучшее место для нее — стрелка, вернее полуостров, образованный слиянием рек Сылва и Ирень, где уже раньше устраивали засаду на пятерых следопытов.

— Идем до дома без дневок полный световой день, в том числе в вечерних и предрассветных сумерках. Ночные стоянки не более четырех часов, — отдаю распоряжение экипажу и дублирую семафором его на шлюп Михаилу.

До дома дошли за пятнадцать дней. Происшествий в пути не случилось. В какой момент обогнали следопытов с уверенностью определить не могу, но предполагаю, исходя из скорости нашего хода, в районе впадения реки Белой в Каму. Как не всматривались члены экипажей, но долбленок не заметили. Скорее всего в момент обгона, следопыты обследовали приток Камы реку Белую. Небольшую остановку сделали на впадении реки Ирень в реку Сылву в месте предполагаемой засады, где оставили деревянные ведра с отходами жизнедеятельности.

2 июня после обеда на берегу Ольховки нас встречало всё племя. Эвика и Лада сразу занялись новым пополнением, отправились отмывать их баню. Племя выросло, не считая меня, до 167 человек — 87 мальчиков и 80 девочек. Члены экипажа после обмена приветствиями и обнимашками со встречающими, наперебой стали рассказывать о наших приключениях. Слушатели с открытыми ртами внимали рассказу, подбоченившимся героям, горделиво смотрящих на них сверху вниз, изображая морских волков. Дав, членам экипажей насладится минутой славы, опускаю их на землю:

— После разгрузки шлюпов, всем экипажам драить до блеска палубы и трюмы.

Вечером, после ужина и размещения новичков, у меня в кабинете собрались старички, которым рассказал о событиях, произошедших в плавании.

— Помимо купца Куруша, искать место расположения нашего дома, после уничтожения галер и ладей на реке Волге, будут и другие купцы, а также крупные племена. Искать будут с разными целями: купцы — ради мести, Куруш с целью завладеть знаниями по производству стекла и зеркал, а остальные либо в поисках союзника, либо из любопытства, либо нашего

уничтожения и захвата добычи. Рано или поздно, но нас найдут.

Старички слушали меня в полной тишине, но с каждым моим словом напряжение нарастало и уже готово было выплеснуться наружу. Жестом останавливаю ребят и продолжаю:

— О том, что на наши поиски купец Куруш отправил следопытов, в городище Имень секретом не является. Сорок воинов, это не пять лазутчиков, в тайне сохранить их поход невозможно. Следовательно, все кто хочет нас найти, будет ждать их возвращения и активных поисков сейчас вести не будут. По моим подсчетам, следопыты появятся в реке Чусовой не раньше, чем через двадцать дней. У них на пути много притоков, которые они будут исследовать. На подготовку засады нам пары дней хватит. Если мы уничтожим всех следопытов, то у нас будет время на подготовку к серьезному на нас нападению, как минимум до весны.

— Надо вокруг усадьбы строить кирпичную стену и делать стреломёты, — по-хозяйски предлагает Борис. — С ними мы от всех отобьёмся.

— А если они в осаду нас возьмут на год или два? — высказывает сомнение Эвика.

— Надо крепостицу строить на слиянии рек Сылва и Ирень, где в прошлом году на следопытов засаду делали, — быстро частит Михаил. — Заход в реку Шакву будем полностью контролировать, тогда к усадьбе никто не подойдет.

— Мальчики, там же лес стеной стоит, его и за год не вырубешь, — наморщив лобик включает в обсуждение Лада.

— Так лес можно выжечь, метров сто леса облить бензином, за пару суток выгорит всё, а поскольку вокруг вода, огонь дальше не перекинется, — предлагает Николай.

— А корневища гранатами подорвем, а затем с помощью волов, как прогорят, выкорчует, — уже загораясь, предстоящим строительством, высказывается Борис. — А кирпичи туда по Шакве на плотках сплавим.

— В крепостице постоянный гарнизон будет, от усадьбы далеко, как в случае нападения связь держать? — нахмутив лобик, интересуется Лада.

— Летом связь по Шакве на долбленках, зимой на санях, запряженных лошадьми, чуть больше суток хода, а крепостица год осаду выдержит, — отвечает Олег.

— Значит помимо стен, угловых башен для стреломётов, казармы, для того, чтобы выдержать длительную осаду нужны амбары, конюшня, коровник, овчарня, курятник, да и колодец, — уже полностью включился в предстоящее строительство Борис. — Получается, крепостица не меньше чем сорок на сорок метров, а то и на пятьдесят. Готовых кирпичей на сегодня сто двадцать тысяч штук, как раз все туда и уйдут. Для перевозки кирпичей потребуется не менее сотни плотов.

— За год крепостицу построить не успеем, — всех опускает на землю, ранее молчавший Иван и через небольшую паузу, продолжает:

— У нас готово сто двадцать тысяч кирпичей, для крепостной стены вокруг усадьбы пока маловато, надо еще минимум восемьдесят тысяч кирпичей, которые за год Борис с учениками сделает. Уже сейчас в усадьбе можно начинать потихоньку стену возводить. А вот со строительством крепости на Сылве есть проблемы. Кирпичей на крепость хватит, и даже мы их туда на плотках перевезем, но на строительство крепости у нас нет людей. Один Владимир с десятью помощниками много не накопает, подъемные механизмы и транспорт есть только в усадьбе. Остальные ребята нужны в усадьбе на сборе урожая и его переработке.

Остальные старички смотрят на Ивана, а потом свои взгляды устремляют на меня.

Мысленно полностью соглашаюсь с Иваном, что затевать строительство крепости рано, уже хотел сказать, что ограничимся деревянным редутом и срубом с пристроенным амбаром, как встает Эвика и вначале тихо, а потом всё увереннее говорит, глядя на меня:

— Когда ты первый раз зажег при нас огонь от зажигалки, мы подумали, что ты дух огня, но ты был добрый дух и только через два года мы поняли, что ты обычный человек, только очень сильный, ловкий, умный, много знающий и умеющий. И узнали, что такое зажигалка. Ты делаешь необычные вещи, а самые необычные это шлюпы, которые без весел могут ходить почти навстречу ветру, гранаты и огненные бомбы. Плывающих к нам людей убивать не нужно, ты просто побудь злым колдуном, возьми их в плен и пусть они в наказание возведут крепостицу, а потом ты их отпустишь, и они будут всем рассказывать о твоём колдовском могуществе и силе. А другие желающие на нас напасть или выследить, задумаются, стоит ли это делать.

Наступила мертвая тишина, все взгляды старичков обращены на меня.

Быстро анализирую предложение Эвики, вспоминаю из прошлой жизни про шоу факиров с их огненными фокусами и ехидно улыбаясь, смотрю на ребят.

— Ну что же, будет у нас злой колдун, повелитель огня!

— А если они убегут или на нас потом нападут. Их же сорок воинов, — волнуется Лада.

— От колдунов не бегут, им повинуются! Охрана не нужна, хватит трех жриц духа огня, которые на керосинках им готовить еду будут, а ночью напоминать о присутствии духа огня керосиновыми лампами, — с прищуром и загадочной улыбкой, отвечает Эвика.

«Похоже в роду Эвики ведьмы были», — ухмыляюсь про себя.

Пора с мистикой заканчивать, подвожу итоги:

— Михаил, ты на шлюпе идешь в Сылву к месту будущей крепости, используя бензин, поджигаешь метров сто леса на утесе. Только аккуратнее, смотри шлюп не сожги. Николай и Борис, вы готовите к сплаву плоты с кирпичами, возьмите в помощь побольше мальчишек. Иван, попробуй при варке стекол для керосиновых фонарей, добавить желтой и красной минеральной краски, может получится светить желтым и красным цветом. Эвика и Лада, на вас балахоны из красного шёлка для жриц и жрецов огня, а также сто двадцать комплектов холщовой одежды на взрослых мужчин.

Сам же на следующий день отправился чертить план крепости, делать из бумаги ее макет в виде четырех бастионов по углам, соединенные между собой куртиной, а также выковырять два рупора для усиления голоса, в будущем они и на шлюпах пригодятся. А главное, учиться быть факиром.

Горючей жидкостью выбрал керосин, он без запаха и фактически безвреден для организма, в моем детстве им горло у детей от ангины смазывали, хотя лучше его не глотать. Сначала практиковался с водой, набирал в рот, стремясь создать идеальную струю, выплевывал воду над палкой, имитирующую факел, которую держал на вытянутой руке перед собой. За счет постоянной гребле и плавания, грудная клетка у меня соответствующая и объем легких достаточно большой. Под напором выдыхаемого воздуха струя воды изо рта достигала в длину порядка пяти метров. Натренировавшись с водой, решил перейти к тренировкам с керосином.

Прихватив с собой бутылку с керосином, факел, направился в сторону Ольховки искать укромное местечко. Выйдя на небольшой пляж вниз по течению реки, огляделся, никого не обнаружив, приступил к испытаниям. Зажег факел, держу его на вытянутой руке перед собой, сделал глубокий вздох, набрал в рот немного керосина и выдохнув, выплюнул тонкой

струей керосин над горящим факелом. Перед глазами вспыхнула струя керосина, огненное пламя от моих губ уходило почти на четыре метра, а когда выдуваемый керосин во рту закончился, пламя стало удаляться от губ и превратилось в небольшой огненный шар.

И тут из кустов выбегает Эвика, бросается мне в ноги, я, садясь на песок, пытаюсь ее поднять. Эвика поднимает голову, смотрит мне в глаза преданно-обожаящим взглядом и начиная частить, что бы я ее не перебил, говорит:

— Володя! Я теперь точно знаю, что ты сын небесного бога Громовника Торума и богини Матери-Земли Калтась!

От этих слов я впадаю в ступор.

"Ну, не хрена себе", — только успеваю подумать.

Открываю рот, чтобы высказать всё, что думаю, но Эвика, не давая мне сказать, закрывает рот своей ладонью и продолжает:

— Я видела, как ты сейчас дышал огнем! Тебя изгнали Боги на землю, потому что ты добрый и не даешь уйти в царство мертвых детям. В твоём племени не умер ни один ребенок, даже не заболел. На поле всегда хороший урожай. Запасы продуктов на несколько лет. Но у нас в амбарах нет даже мышей, а на лугу змей. Ты можешь договариваться с волками, а их детеныша, назвал в честь Громовержца. А хаски, если они запрямятся, то их с места не сдвинуть, а твои команды моментально выполняют. Это может делать только богиня Мать-Земли Калтась или её сын.

Выдохнув и глубоко вздохнув, все также закрывая ладонью мне рот, продолжила:

— Ты управляешь огнем и громом! Ты сделал бензиновые бомбы и гранаты из пороха. У нас есть керосиновые лампы, фонари, зажигалки. Хотя ты объясняешь и учишь, как их можно сделать, но ты передаешь нам знания богов. Ты практически в одиночку убил десяток людоловов и гуннов, сжёг римскую галеру, взорвал семь кораблей. Но при этом даже не был ранен. Это не по силам обычному человеку. Это может сделать только Небесный Бог Громовник Торум, покровитель огня и молний, а также воинов, либо его сын.

Эвика опять выдохнув и глубоко вздохнув, продолжала:

— Ты не боишься ни грома, ни молний и разговариваешь с Богами. Когда мы были еще маленькими, а ты тогда строил сруб, началась гроза. Мы все испугались и спрятались в землянке и оттуда видели, как ты, скинув одежды, стоял под дождем, смотря в небо и простирая руки к небу, спорил с Громовником, а он тебя ругал — гремел и вокруг тебя сверкали молнии, но ты был уверен в победе, настоял на своём, гроза прекратилась и выглянуло солнце.

В голове всплыли воспоминания, что в один из дней, когда я строил сруб, была жара и с меня ручьями стекал пот и тут небо заволокло тучами и началась сильнейшая гроза. Детишки спрятались в землянке, а я с голым торсом, радуясь и блаженствуя под освежающими и смывающими пот струями ливня, подняв голову вверх и вытянув руки, от удовольствия орал песню Горького о Буревестнике: «Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем; то кричит пророк победы: — Пусть сильнее грянет буря!..» А вокруг сверкали молнии и грохотал гром.

«Вот значит, как это воспринималось детским сознанием», — проскакивает тревожная мысль. А Эвика, выдохнув и сделав глубокий вдох, всё быстрее и быстрее проговаривает:

— Твой экипаж рассказал, как ты пытался отобрать у бога Куль брата бога Торума трех человек, плывущих на лодке к богу Куль в царство мертвых. Твой дух оставил твоё тело и ушел за ними в царство мертвых, ты бился за них шесть часов, но победить не смог, как и

победить тебя не смог Куль. Твое тело то бросало в холод, то в жар. А через шесть часов ты встал, как ни в чём не бывало, только был голодный — съел тройную порцию ухи, а потом оставшийся день и ночь фактически только спал. В царство мертвых войти и вернуться оттуда может только сын Богов.

Эвика, переводя дыхание, быстро продолжила:

— На следующий год я приму твоё семя. А когда остальные девочки подрастут и будут готовы, они тоже примут твоё семя и все мы станем твоими жрицами. А когда мальчики подрастут и будут готовы, они войдут в лоно оплодотворённых тобой жриц и станут твоими жрецами.

После этих слов, Эвика вскочила, поклонилась мне и убежала. А я остался сидеть на песке в полном ступоре, как оглушённый обухом по голове. Кроме матерных слов, ничего на ум не приходит.

Постепенно прихожу в себя и задаюсь вечными вопросами: «Кто виноват?» и «Что делать?»

Виноват, тут вопроса нет, я. Я даже не задумывался о вопросах религии, вернее верований аборигенов. Христианство в зачаточном состоянии, в Риме на христиан гонения, в Персидском царстве поклоняются огню, сарматы поклоняются силе меча, вот и все мои скудные познания. Какие верования были у финно-угорских племен в 3-м веке понятия не имею. Помню, что-то про священные рощи. Но, наверняка верования в Богов есть, есть и соответствующие культы, и всё местное население им неукоснительно следует. С молоком матери ребенок воспринимает, что всё происходит по воле Богов. Сколько бы я не разъяснял, обучал ребятишек знаниям, они воспринимают их, как полученные по воле Богов, а дать им такие знания может только приближенный к Богам. А поскольку я к никаким верованиям и культам не обращался, а все, что мной задумывалось, создавалось и работало, да и о своем прошлом и откуда я, не рассказывал, то ребятишки пришли к выводу, что я если и не бог, то связан с богами.

И осталось им выяснить, только с какими конкретно. А дальше Эвика спровоцировала меня на колдовское представление. А я, как последний дурак повелся, вместо того, чтобы действовать по первоначальному плану. Ну, а факирский фокус, в мозгах ребятишек, всё расставил на свои места.

«И как теперь вылезать из этой задницы?» — чешу себе затылок. — «Что бы я не сказал о простоте фокуса, это никого не убедит — ответ будет один, боги научили».

Да и физические данные при таких обстоятельствах мне не на пользу. Я продолжаю расти и рост достиг 183 сантиметров, раздался в плечах, выгляжу намного выше и мощнее любого местного аборигена. В минус и русский язык, о котором до моего появления никто не слышал, не говоря уже о помидорах, перцах, кукурузе, картошке, зеркалах, стекле, шляпах, порохе и прочем, прочем, прочем.

Сложившуюся ситуацию мне не изменить, а значит надо изменить свое отношение к ней.

Решается вопрос с религией, вернее культом огня, во главе со мной. Ребятишки к этому относятся серьезно, значит и моё отношение должно быть соответствующим. Надо думать о культовых сооружениях и обрядах.

Практически в племени моя власть только усиливается, но при этом увеличивается ответственность. Любой промах может дорого мне обойтись. Вопросы с жрецами и жрицами в ближайшее время на повестки не стоят, будем их решать по мере поступления.

«А Эвика, всё-таки ведьма!» — окончательно успокаиваясь, констатирую про себя. — "А теперь пора продолжить тренировку".

Зажигаю факел, поворачиваюсь в сторону речки, делаю глубокий вдох, набираю полный рот керосина и выдуваю его мелкими прерывистыми частями над факелом. При каждом коротком выдохе, пламя от факела летит к моим губам, а затем удаляется в виде небольшого огненного шара и так пять раз. Затем, повторно набираю в рот керосин и выдуваю его одним сильным выдохом. Выдох продолжается около десяти секунд, струя пламени от моих губ летит на пять метров, на последней секунде со всей силой выплевываю остатки керосина, образовавшийся огненный шар, пролетев четыре метра, хлопком взрывается и догорающие капли керосина, разлетаются искрами в разные стороны.

Справа от меня раздаётся единовременный в сотню глоток выдох. Поворачиваюсь, на краю пляжа стоит всё племя и восхищенно-преданным взглядом смотрит на меня двумя сотнями глаз, а потом падает ниц.

«Эвика — ведьма!» — уже без всякой иронии, мысленно принимаю, как данность.

За упавшим ниц племенем замечаю трех хаски, которые несмотря на постоянно бьющую через край энергию, остановились как вкопанные и с явным недоумением смотрят на происходящее.

«Нужно входить в новую ипостась, придется добивать племя», — пролетает мысль.

— Племя! В десять шеренг по десяткам, становись! — поднимаю племя и одновременно жестами отдаю команду собакам лежать и ползком двигаться ко мне.

В первой шеренге стоят старички, за ними мой экипаж, а далее по десяткам остальное племя, только новичков и Михаила нет. Он рано утром со своим экипажем на шлюпе на Сылву пошел.

Все племя обращает внимание на ползущих ко мне собак. Замечаю удивленные взгляды. Тем временем подаю, незаметно для племени, жестом команду «Ко мне», собаки поднимаются подходят ко мне, обходят с правой стороны за спиной и ровным рядом

сидят у моей левой ноги, повернув морды, смотрят мне в глаза своими синими глазами.

"Знали бы ребяташки, что в эвакуации приходилось помогать дрессировать собак, от самых благородных кровей до последней дворняжки, чтобы собаки на фронте под фашистские танки с миной в подзудке подползали и их взрывали, ценой своей жизни. Притом команды отдавались только жестами", — нахлынули воспоминания прошлой жизни.

Все взгляды с собак устремляются на меня. Николай, Борис, Иван, Эвика и Лада смотрят фанатично-преданным взглядом, что же говорить об остальных.

«Володя, ты перебарщиваешь, религиозно-преданные фанатики тебе не нужны, а то додумаются преданность, навешиванием на себя вериг, доказывать, с фанатиков станется», — мысленно останавливаю себя и уже в слух:

— Свою преданность вы можете доказать учебой и применением на практике знаний, которые я вам даю. Эти знания нужно защищать, поэтому вы должны много тренироваться, быть сильными и ловкими, в совершенстве владеть всеми видами оружия. На нас будут нападать враги, но мы должны защитить себя, наш дом, знания и умения. Биться придется не на жизнь, а до смерти, но не своей, а смерти всех врагов. Мы победим и будем жить! Мы победим?!

А в ответ восторженный хор голосов, с горящими глазами:

— Да-а!!!

— Мы будем учиться?!

— Да-а!!!

— Мы станем самыми сильными и ловкими?!

— Да-а!!!

— Один за всех!!! — достаю меч, а в ответ восторженный крик сотни глоток:

— И все за одного!!!

«Ну вот и славно, а с богами и культурами буду позже разбираться, на скорую руку нельзя, нужен методологический подход», — фиксирую себе в памяти.

— Сейчас старшие мальчики помогают Борису и Николаю с плотами, остальные занимаются текущими делами. Разойдись!

За следующие два дня собрали десять плотов, которые загрузили паллетами с двадцатью тысячами кирпичами. Погрузку осуществляли деревянными разборными кранами, состоящих из однобалочной стрелы, лебедки, канатного троса и блоков с пятью шкивами. Плоты сцепили друг за другом канатной сцепкой, а на первом плоту установили рулевое весло.

К этому времени вернулся шлюп под командованием Михаила.

— Бензина не пожалели, перед уходом из пращи закинули две бензиновые бомбы, вспыхнуло знатно, думаю только к сегодняшнему утру пожар закончился, — с довольным видом докладывает Михаил.

— Надеюсь не весь полуостров спалил.

— Нет. Скорее всего не больше двухсот метров леса выгорит, я же аккуратненько всё сделал.

— Ну, ну, знаю я твое аккуратненько, — пытаюсь сделать строгое выражение лица, но смешинка, предательски сорвалась с губ.

А дальше перехожу к насущным делам:

— Я сейчас начну сплав на плотам, думаю за три дня доберусь до Сылвы. Борис, ты вместо меня принимай командование моим шлюпом и возьми с собой макет и чертеж крепости, на месте разметку крепости начнете делать. Ты и Михаил, загружаете в шлюпы

пару волов, шанцевый, столярный и прочие инструменты, гвозди, скобы, керосиновые примусы и лампы, разборные краны, две повозки и десять тачек, а также продовольствие и корм для скотины и догоняйте меня. Николай и Иван, на вас остается вязка плотов и загрузка их кирпичами, а также изготовление стреломётов. Эвика, ты отправляешься на шлюпе с Борисом и возьми с собой семена клевера и люцерны, пепелище засеять. Лада, на тебе остается всё хозяйство и новички.

Быстро попрощавшись, погрузив на первый плот каяк, палатку и припасы, оттолкнувшись шестом, начал сплав по течению. На речке Ольховке поворотов мало, веслом много работать не пришлось. До реки Шаквы сплавился за три часа. А еще через час меня обогнали шлюпы, только и смог им помахать одной рукой в след. На Шакве практически рулевое весло из рук не выпускал, слишком много поворотов.

До Сылвы сплавлился три дня, работал веслом весь световой день, на ночь вставал на якорь, который сбрасывал с последнего плота. При входе в Сылву, меня поджидал Савлий и бросил мне конец каната, который я закрепил, а два вола, на противоположном берегу Сылвы подтянули плоты через реку к полуострову.

На полуострове было полностью выжжено гектаров двенадцать леса. Пахло гарью. Если бы не ночные дожди, от запаха гари находится на полуострове было бы невозможно.

— Миша, и это ты называешь аккуратненько? — на что тот только скорчил виноватую рожицу и понурился взгляд с глубоким вздохом сожаления, только развел руками.

И тут меня осеняет, на двенадцати гектарах огромное количество золы, а если ее смешать с негашеной известью, то получится раствор для кирпичей, который с каждым годом будет всё крепче и крепче и будет продолжать твердеть столетиями. Ухмыляясь про себя, обращаюсь к ребятам:

— Раз в оправдание вам сказать нечего, то копайте шпук двадцать ям по границе пожарища, потом ров на их основе выкопаем, а сейчас всю золу в ямы складировать.

Лица у ребятшек моментально стали кислыми.

— Вопросов не задавать! Это приказ! А как золу соберёте, засевайте землю семенами клевера и люцерны.

За время пока я сплавлился по реке Шакве, ребята разгрузили шлюпы, установили краны. На месте будущей крепости, с помощью волов выкорчевали выгоревшие пни и нанесли на землю разметку будущей крепости. У леса, куда не добрался огонь, соорудили очаг и летнюю кухню, поставили шалаши и начали возводить временный барак.

Похвалив ребят за проделанную работу, сам отправился на каяке в обратный путь в усадьбу. За двенадцать суток сделал еще три сплава плотов с кирпичами и мешками с негашеной известью.

А дальше началось ожидание следопытов. Раз в день опрокидывал в реку Сылву содержимые в бочках продукты нашей жизнедеятельности, ранее оставленные нами. Запах ещё тот. Скорость течения реки не превышает двух километров в час. За сутки они сплавятся километров на сорок, если раньше не утонут или растворятся в речной воде.

Одного плана и макета крепости мало. Ожидание использовал с пользой. Пару дней, выкапывая шурфы, практически на ощупь исследовал почву и грунт, глубину залегания скальных пород. Определил наиболее подходящее место для строительства. А дальше делал расчеты, учитывая приблизительную нагрузку стен и башен на грунт и необходимый фундамент. Готовые результаты отдал Борису, который их изучил, сложил бумаги в папку, с которой больше не расставался.

На седьмые сутки ожидание закончилось. Наши наблюдатели — Виктор, Петр и Семен на долбленке, загребая шестью веслами, на всех парах неслись к нам.

— Пять долбленок по восемь человек в каждой в десяти километрах ниже по реке. Через два часа будет у нас, — докладывает Виктор.

Опрокидываю в реку последнюю бочку и команду:

— Все по шлюпам! Действуем по заранее отработанному плану.

Мой шлюп с экипажем стоит на якоре за небольшим выступающим мысом полуострова в реке Ирень в ста метрах от ее впадения в Сылву. Шлюп Михаила стоит также за небольшим выступающим мысом полуострова, но на реке Сылве. Борис и Эвика остаются на верху полуострова. К 21 часу солнце еще не зашло, но уже скрылось за верхушками деревьев. А через двадцать минут появились все пять долбленок. По их траектории движения было понятно, что они будут заходить в реку Ирень.

С двух бортов моего шлюпа Ракс и Семен из бочонков небольшой струйкой выливают в воду бензин, который узкой змейкой по течению реки плывет на встречу долбленкам.

Когда долбленки входят в реку Ирень, шлюп Михаила снимается с якоря и с реки Сылвы заходит к ним в тыл. Я снимаю с якоря мой шлюп и медленно двигаюсь навстречу долбленкам. Поджигаем бензин и две огненные змеи неспешно приближаются к долбленкам, а между ними идет шлюп, а Ракс и Семен продолжают подливать тонкой струйкой в воду бензин. Я стою на носу шлюпа, подо мной четыре керосиновые лампы с плафонами желтого цвета и четыре зеркала под небольшим углом, отражающие свет ламп на меня и вверх. Передо мной острый стеклянный уголок, состоящий из листов стекла, спаянных Иваном из стекла размером А4, смазанным маслом и с внутренней стороны обклеенный последними остатками скотча. Со стороны выглядит, что я стою в колонне солнечного света. Говорю, а голос, усиленный рупором, звучит громогласно:

— Люди! Вы вторглись во владения духа огня! С этого момента ваша жизнь принадлежит мне!

Но прониклись не все. Около десяти следопытов с расстояния от семидесяти до ста метров стреляют в меня из луков и стреляют точно. Но за счет острого угла стеклянного уголка, стрелы рикошетят и уходят в сторону, не причиняя мне вреда, лишь одна из последних, под более тупым углом, краем наконечника разбивает стекло, но отскакивает в сторону. За счет скотча, стекло не разлетается на осколки, а всё в мелких трещинах остается на месте.

В этот момент стреломёты со шлюпов производят выстрелы по два по левому и по два по правому берегу на границе уреза воды, а остальные члены экипажей из пращи запускают в воздух бензиновые гранаты с небольшим пороховым зарядом. Практически одновременно на каждом берегу грохочут по два взрыва, а в воздухе на высоте тридцати метров взрываются шесть бензиновых бомб, моментально превращаясь в огромные огненные шары, изрыгающие из себя протуберанцы языков пламени.

Реакция следопытов не заставила себя ждать. Человек тридцать, не удержавшись на долбленках, рухнули в воду, а оставшиеся в долбленках просто пали ниц.

А дальше около часа вылавливали бедолаг из воды и переправляли их на верх утеса. Двоих следопытов, наглотавшихся воды, спасти не удалось. Остальные тридцать восемь человек молча сидели кружком на выжженной земле полуострова опустив головы. Их оружие складировали невдалеке в общую кучу. Десять членов экипажей окружили присмиривших следопытов полукольцом, держа в руках взведенные арбалеты.

Встаю перед следопытами, ни один из них голову не поднимает, глаза всех смотрят в землю. Пора переходить к следующему акту спектакля.

— Вы все умрете! — наблюдаю, как по телам следопытов пробежала дрожь, а их головы ещё больше прижались к земле.

Выждав паузу, продолжаю:

— Но, если кто-то из вас принесет мне клятву верности и тяжелым трудом загладит нанесенное мне оскорбление, выразившееся во вторжении на мою территорию, то через три месяца я вас отпущу с вашим оружием и долбленками в городище Имень. Кто готов умереть, переходит в очерченный круг, с левой от вас стороны. Кто готов принести клятву, переходит в правый очерченный круг, — указываю им направление перемещения.

Как я и ожидал, тридцать семь следопытов захотели жить и перешли в правый круг и лишь один, их предводитель, выбрал смерть, перейдя в левый круг. Левый круг диаметром шесть метров. По его окружности заранее была прокопана неглубокая канавка, куда перед самым приходом следопытов мной, незаметно для всех, был залит бензин.

— Ты смелый воин и должен принять свою смерть в бою. Я разрешаю тебе взять свое оружие, войти в круг и сразиться со мной. Если ты меня убьёшь, то сможешь свободно уйти со своим оружием и одной долбленкой, — после чего, беру у Аршака, принесенный им мой меч и кинжал и зажженный факел.

Предводитель следопытов посмотрел на меня и в его глазах я увидел искорку надежды.

«Он сильный, хотя и сбит с толку происходящим и чувствует себя не очень уверенно, но он воин и в бою будет действовать на инстинктах, вся его неуверенность испариться, поэтому убивать его надо с первого удара, а такой исход боя полностью лишит надежду на возможность меня убить и у других следопытов», — просчитываю в уме варианты и последствия боя.

Чтобы дезориентировать противника, а заодно лишить всяких надежд остальных следопытов, незаметно для всех, через соломинку из фляжки, притороченной за плечом, набираю в рот керосин, выдуваю струю керосина над факелом, но вниз в направлении канавки с бензином. Вырвавшаяся струя пламени, попадает в канавку, в которой вспыхивает пламя и огонь по окружности огораживает круг. Отбрасываю факел, скидываю рубашку с притороченной с изнанки фляжкой и остаюсь с голым торсом. В правой руке у меня меч, в левой — кинжал.

Через огонь в круг впрыгивает предводитель следопытов. Он вооружился железным мечом, в левой руке щит с умбоном, из защиты ламинарные доспехи, поножи, на голове железный шлем.

Не останавливаясь, он несется на меня, намереваясь нанести, вкладывая всю силу, рубящий удар сверху вниз, чтобы разрубить меня по диагонали начиная от левого плеча. Когда расстояние становится критическим, делаю стремительный шаг влево одновременно поворачиваю тело на девяносто градусов вправо и затем моментальный шаг правой ногой назад, меч следопыта проскальзывает в паре сантиметров от моего носа и его тело по инерции продолжает двигаться вперед, открывая мне не защищенную шею, в которую я левой рукой вонзаю кинжал. Предводитель уже мертв, но продолжает двигаться вперед, ноги его подкашиваются, и он падает на землю. Не смотря на него, стряхиваю кровь со своего клинка и отдаю меч и кинжал Аршаку.

Члены моего племени смотрят на меня и их взгляд выражает полный восторг и восхищение. В глазах же следопытов, только обреченная покорность.

Подхожу к следопытам, приказываю им снять рубахи, остаются они с голым торсом, после чего принимаю у каждого в отдельности клятву верности. Дав клятву, каждый следопыт падает ниц.

— После вашей клятвы верности я вашему сердцу передам часть плоти огня, сейчас она будет немного жарковата, затем она сравняется с теплотой ваших тел и вы не будете её чувствовать, но если вы попытаетесь нарушить клятву, то плоть огня станет обжигающей и ваше сердце сгорит изнутри.

Беру в руки горящие восковые свечи и каждому следопыту под левую лопатку капаю по капле расплавленного воска. Почти каждый из них от страха обделался.

— Всем бегом в речку, быстро мыться и стирать одежду, после мытья получите по холщовой рубахе и штанам, потом вас накормят. Спать будете в бараке, а утром всем расскажут о вашей работе. Подъем с рассветом, отбой после заката, кормить будем утром и днем. А кто не обделался, — таковых оказалось четверо. — Перевозят труп на долбленке на тот берег и хоронят вместе с его оружием и доспехами. Для рытья могилы возьмите лопаты и кирки.

«Заодно проверю действие клятвы», — отмечаю это уже про себя.

Четверо следопытов, а теперь фактически рабов духа огня, подняли труп бывшего своего предводителя, прихватив его оружие и доспехи, а также лопаты и кирки, спустились с утеса к реке Ирень, погрузились в долбленку и переправились на противоположный берег. Отсутствовали они около сорока минут. После возвращения получили по комплекту одежды, пошли мыться на речку и стирать старую одежду.

«Эвика оказалась права. Духу огня подчиняются», — ухмыльнулся пролетевшей мысли.

Ужинали все вместе кулешом из ячменной крупы с утятинной, за поставленным моими ребятами, столом тридцатиметровой длины, с лавками с двух сторон, такой же длины. Меня посадили во главе стола в полу кресло. Каждому рабу выдали по литровой глиняной миске, полулитровой кружке и деревянной ложке.

После ужина рабов отправили спать в барак, выдав каждому по циновке, матрацу и подушке на рогозовом пухе и холщовому покрывалу, а сами на ночлег расположились в шалашах.

27 июня после подъема в четыре часа утра, водных процедур в реке Ирень и обильного завтрака, новоявленные рабы духа огня были построены у места разметки будущей крепости.

— Вы должны неукоснительно выполнять все распоряжения моего архитектора Бориса, — услышав незнакомое слово архитектор, Борис бросает на меня недоуменный взгляд, я ему подмигиваю. Рабы же никак не реагируют, слишком много необычного с ними за сутки произошло, чтобы еще и на неизвестные им должности реагировать, главное для них понятно, что Борис их начальник, а незнакомое название должности повысит авторитет и почитание Бориса, все-таки ему еще одиннадцать лет.

Борис распределяет фронт работ. Первая задача копать траншею под фундамент.

«Два солдата из стройбата заменяют экскаватор», — ухмыляюсь про себя,

вспомнившемуся афоризму из прошлой жизни. — «Посмотрим, что может сделать взвод рабов духа огня».

Оставляю на полуострове за главного архитектора Бориса, ему в помощь жрец духа огня Эвику, Опис и Оре, на которых ложится приготовление еды, а также шлюп Михаила с его экипажем — Савлием, Денисом, Олегом, Виктором и Петром для охраны и добычи утятинь и рыбы, сам на шлюпе с Аршаком, Раксом, Семеном ухожу домой в усадьбу.

На следующий день пришли в усадьбу. Николаю, Ладе и Ивану рассказал об удачно завершившейся операции о временном превращении в рабов тридцати семи следопытов и начале строительства крепостицы. Николаю поручил закладывать третий шлюп, подобрать пять-шесть ребятишек для команды шлюпа, заодно самому восстановить навыки управления шлюпом в моё отсутствие, да и сходить на охоту.

Сам же, оставив шлюп с экипажем Николаю, отправился сплавливать две оставшиеся сцепки плотов с кирпичами и негашеной известью.

Вернувшись с плотами на полуостров, образованный между реками Сылва и Ирень, увидел и честно говоря удивился результатами, достигнутыми за четыре дня моего отсутствия. Пепелище было полностью очищено от золы и корневищ, выгоревших деревьев. Как никак, а минимум десять гектар выжженного леса можно использовать под сельскохозяйственные посадки. Траншеи под фундамент вырыты и началась укладка фундамента. Из выбранного грунта плодородный слой гумуса разбросали по будущему полю. Рабы выглядели умиротворенными и недовольства в них не ощущалось, несмотря на шестнадцатичасовой рабочий день. Эвика с Опис и Оре кормили рабов как на убой огромными порциями два раза в день. Михаил с экипажем обеспечивали свежей рыбой и утятиней, даже удалось добыть лося. В рацион также входили картошка, морковь, квашенная капуста, фасоль, горох, репчатый лук и чеснок, ячменная, овсяная и пшеничная крупы, взвары из сухих трав и ягод, для готовки использовали подсолнечное и кукурузное масло. Так, что проблем с питанием не было.

Обошёл стройплощадку, остался довольным увиденным, но для порядка пару раз пыхнул небольшими струями пламени. Эвика накормила меня кулешом с лосятиной, после чего на каяке отправился за последней связкой плотов.

Обернулся за четыре дня. За эти дни был полностью готов фундамент и началось возведение первой башни. На стройплощадке чистота и порядок, все стройматериалы разложены по своим местам, ни одного брошенного или небрежно лежащего инструмента не заметил. Борис полностью вжился в образ архитектора, даже внешне на него похож стал. Ходит степенно, в руках папка с бумагами и чертежами, рабы относятся к нему с почтением, незамедлительно выполняют его команды. Девочки, помимо приготовления пищи и заботы о двух волах, начали собирать поспевшие к этому времени дары леса, добавляя в рацион питания ягоды. Ребята со шлюпа поставили коптильню. Так, что питание только улучшается. Поле вспахали и начали боронить, попутно засевая клевером и люцерной.

Рабы, завидев меня падали ниц. Делал вид, что воспринимаю это как должное, периодически попыхивая небольшими огненными шарами. Борис, Эвика, Опис и Оре, видя эти огненные шарики, напрягались и хотя и понимали, что огненные шары направлены не на них, низко кланялись, что же тогда говорить о рабах.

Порадовавшись темпами строительства, вместе с Борисом обсудил вопрос о подвалах крепости и создании винных погребов.

— С учетом скорости строительства, думаю, что и погреба успеем соорудить, —

задумавшись, отвечает Борис. — Только еще двадцать тысяч кирпичей понадобится, да и котлован большой рыть придется. Земли много будет и что с ней делать?

— Кирпичи еще сплавлю на плотях, а вот с землей... — задумываюсь, а потом вспоминаю. — Из земли, соломы и извести будем делать саманные кирпичи. Конечно печки и стены крепости из них не построишь, а вот для домиков для жилья, конюшен, амбаров и прочих хозяйственных построек, саманные кирпичи в самый раз будут. А плодородный слой гумуса перекидаете на поле.

— Сделать то мы их сделаем, а где из этих кирпичей строить будем и как их вывозить? Отсюда ведь только к реке Каме сплавить их можно.

— Часть используем здесь, а зимой на санях потихоньку перевезем в место, где лошадиную ферму планировали строить.

— Так сани большие понадобятся.

— За сани не беспокойся, Николай придумает. А я тебе со следующей партией кирпичей и извести, привезу соломы и формы для саманных кирпичей. Выделишь пару-тройку рабов, пусть саман формируют.

Поблагодарив ребят за их труд, тронулся на каяке в обратный путь. Утром придя в усадьбу, собрал Николая, Ивана и Ладу.

— Нужно готовить еще один сплав плотов с двадцатью тысячами кирпичами. Что у нас в отсутствии Бориса с их производством?

— После отплытия Бориса, его ученики не останавливаются. Сейчас у нас около тридцати тысяч кирпичей, — отвечает Николай.

— Хорошо, тогда двадцать тысяч готовьте к сплаву. Николай, ещё нужна самая большая бочка для воды в водонапорную башню.

Николай на секунду задумывается, чешет затылок и выдает свой вердикт:

— Сделаю из осины, но больше чем на шестьсот литров не получится.

Киваю Николаю в знак согласия и обращаюсь к Ладе:

— Лада, что у нас с соломой?

— Володя, соломы очень много, уже и не знаю куда её девать.

— Тогда сколько её поместиться, тоже грузите на плоты. Как и негашеную известь, её тоже побольше нужно.

— Володя, извести много, вряд ли за один раз, ты всё отвезешь, — сообщает Иван.

— Нужно за одну ходку всё отправить, свяжите еще три плота в сцепку, — ребята кивают, а я продолжаю: — Николай, нужно срочно формы для саманных кирпичей, сколько успеете сделать, их также загрузите на плоты, а к зиме нужно сделать несколько больших саней, для перевозки саманных кирпичей к месту будущей лошадиной фермы. Расскажи, как прошли тренировки на шлюпе с новичками.

— Володя, подобрал команду в экипажи шесть ребяташек, четыре мальчика и две девочки, пока осваивают шлюп, тренируемся, сходили один раз на охоту.

— Я через час отправлюсь с Аршаком и Раксом посмотреть, как летом выглядит место, присмотренное для лошадиной фермы. По Ольховке пойдем на шлюпе, заодно посмотрю на умения новичков. Вернусь максимум дня через три, как раз плоты будут готовы.

Загрузив шлюп шестью лошадьми, пойдем о дву конь, познакомившись с новичками, пошли вверх по Ольховке. В пути погонял новичков и остался довольным, раскидав их по шлюпам, получим три хороших экипажа, только кто будет капитаном третьего шлюпа, надо думать. До места выгрузки дошли за полтора дня. За старшего оставил на шлюпе Семёна,

оставшегося на борту единственным от моего экипажа, наказав ждать три дня.

Я с Аршаком и Раксом, ведя лошадей на поводу, преодолели лес и вышли на просторы лугов. На лошадях ехали не спеша, не больше десяти километров в час. По пути отмечали балки и овраги, вкапывая вешки, чтобы зимой не попасть в ловушку, хотя таковых было немного. Кругом пасутся стада косуль, в которых несчетное их число. В паре километрах паслось стадо крупных копытных голов в пятьдесят, похожих на зубров, а может и туров. При рассматривании в прицел, пришёл к выводу, что это туры, уж больно огромными они выглядели, не меньше двух с половиной метров в холке. За этим стадом километрах в четырех начиналась холмистая местность. Высота холмов постепенно увеличивалась, а на горизонте уже виднелись Уральские горы. Лес, преградивший нам по диагонали прямой путь на юг, к которому мы неумолимо приближались, по всей вероятности, на восток простирался до Уральских гор. Хотя, на границе с горами, наверняка есть свободное от леса пространство, ведь сарматы и гунны, как-то сюда добрались, да и стадам проход для миграции нужен.

До места, где зимой спускались на русло речки, добрались за полтора часа. Естественный спуск был пологим, шириной около пятидесяти метров, очень удобный для водопоя лошадей. Сама речка была шириной пятнадцать — восемнадцать метров, фактически с прямым руслом. У уреза воды не широкая полоса зарослей рогоза, на обоих берегах есть небольшие пляжи. Оба берега обрывистые, высотой в районе трех метров. По правому берегу, на котором мы находились, простирался луга с вкраплениями небольших рощ. По левому берегу стоял стеной девственный смешанный лес. Левый берег с довольно частой периодичностью разрывали овраги с впадающими в речку ручьями.

По обрывистым берегам достаточно большой выход разнообразных глин, в том числе каолиновых и огнеупорных, последние хотя и с меньшим содержанием шамота, чем на Ольховке, но для небольших печек будет в самый раз.

На осмотр предполагаемого места строительства коневодческой фермы затратили около часа. Лошади за это время отдохнули, и мы тронулись дальше вдоль берега вниз по течению речки. Как и ожидали, через сорок минут, проехав пять километров, вышли к утесу, на котором зимой отбивались от волков. Летом утес выглядел еще более непреступным. Со всех сторон окруженный водами речки, за исключением узкого не более двадцати метров шириной перешейка, с обрывистыми берегами высотой до двадцати метров, с ровной площадкой на вершине и пологим спуском к перешейку. Место хорошее, только от кого здесь крепостица будет нас защищать. Дальше речка сворачивает в лес и идет строго на юг, к реке Сылве, где зимой я облюбовал ещё одно место для крепости. Через лес на лошадях сюда с юга не пройти, только по речке, но если в ее устье будет крепость, то тут она точно не нужна.

Хотя крест ставить рано, нужно речку вверх по течению проверить, но это уже на следующий год. Нельзя при нашей скудности людских ресурсов, разрываться на разные проекты. Сейчас главное закончить со строительством крепости на стыке рек Сылвы и Ирень.

За день проехали с учетом пешего перехода через лес около двадцати двух километров, хотя на часах пять вечера, решили лошадей не загонять и вставать на ночлег.

Поручил ребятам обустроить лагерь и обихаживать лошадей, сам же, решил покопаться в ручьях на противоположном левом лесном берегу речки. Прихватив лопату и лоток, переплыл речку и стал обследовать ручьи и брать шлиховые пробы. В первых трех

ручьях пробы впечатления на меня не произвели, хотя и попадались золотые крупинки, но тут они практически в каждом ручье. А вот четвертый ручей, обрадовал. С первой же пробы попало два золотых самородка с ноготь большого пальца руки. Продвинувшись вверх по ручью, взял еще одну пробу, в ней также золотые самородки. Так продвигаясь вверх по течению ручья через каждые десять метров брал пробы. На шестой, золото кончилось. Вернулся на пять метров назад, стал брать пробы через каждый метр и наткнулся на золотую жилу и не просто жилу, а жилищу. Побольше будет всех вместе взятых, что я находил ранее.

Казалось, что мои изыскания много времени не заняли, но стало смеркаться. Прихватил добытое в пробах золотишко, по весу на взгляд грамм восемьсот получилось, переплыл речку и вернулся в уже давно обустроенный Аршаком и Раксом лагерь. Золотой жилой заниматься некогда, разработку отложил на далекое будущее.

Ночь прошла спокойно и с первыми лучами солнца отправились в обратный путь. До леса перед шлюпом доскакали за два часа и еще час потребовался для прохода сквозь чащу до реки Ольховки. Пока пробирались по чаще, задумался, а почему бы нам тут не прорубить просеку, а перед ней на лугу поставить небольшой форпост, если мы задумались о расширении территории, то рано или поздно просеку прорубать придется и не только до Ольховки, а вдоль её берега до дома. Думаю и волки на нас не обидятся, зимой за счет уничтожения нами стаи волков, у седого вожака увеличилась охотничья территория и больше ему жаться к лесу смысла нет.

Экипаж шлюпа за время ожидания добыл трех косуль. Погрузившись на шлюп, пошли в усадьбу, где уже была готова к отправке загруженная сцепка из тринадцати плотов. Плюнув трижды через левое плечо, попрощавшись с Ладой, а также Иваном и Николаем, наказав последним к следующему моему возвращению изготовить как минимум четыре стреломёта, отдав швартовы, начал сплав плотов.

В этот раз сплавлился тяжело, задние плоты постоянно не успевали проходить повороты, цеплялись за коряги, садились на мель, задевали прибрежные заросли осоки и рогоза, а также прибрежные ивняк, да ещё бочка создавала дополнительную парусность. Постоянно приходилось работать не только веслом, но и шестом. Сплав продлился на сутки дольше обычного, но груз удалось доставить в сохранности.

За неделю моего отсутствия, строительная площадка преобразилась. Началось возведение стен и башен, которые уже возвышались по всему периметру на высоту один метр. Внутри вырыт огромный котлован глубиной в шесть метров и началось возведение колонн, будущих опор сводчатых потолков подвала, рассчитанного на два этажа. Рядом с крепостными стенами гора земли, а чуть поодаль штабеля бревен с разобранных плотов, часть которых переработана в брус. На поле зеленым ковром взошли клевер и люцерна.

Рабы, увидев меня, моментально пали ниц. Выдержав паузу, после чего приказал продолжать работу, для порядка, пыхнул небольшим шариком огня. Рабы выглядели здоровыми и умиротворенными. От постоянного физического труда и обильного питания на их теле стала визуально проявляться мускулатура.

Поздоровавшись с Борисом, Эвикой, Опис и Оре, выслушал доклад Бориса сообщившего, что работы ведутся с опережением графика и проблем с рабами нет, а также поделился нуждами стройки:

— Володя, скоро стены придется укладывать кирпичами на высоте, нужны строительные леса. У нас много бревен, а больше нужны доски, которых на плотях было ограниченное количество, а лесопилки тут нет. А еще понадобятся дополнительно десяток тачек, по строительным лесам кирпичи и раствор наверх доставлять, а также к имеющимся, нужно еще два стреловых подъёмных крана.

— С досками проблем нет, а также с тачками и подъёмными кранами, в следующий раз привезу, как и еще формы для саманных кирпичей. Сейчас привез только сто.

— Сто мало, это одному рабу на пару часов работы в день, нужно не меньше тысячи. Буду заболевших переводить на легкий труд, но пока таких нет.

— Эвика, как у тебя и девочек дела, нужна ли какая помощь?

— Володя, у нас всё в порядке. Рабов кормим на убой. Похоже они за всю свою жизнь так сытно не ели. Может и уходить не захотят, — заливается звонким смехом.

— Борис, раз бревен много, чтобы рабы не простаивали, пока я буду сплавлять доски, пусть строят по кромки леса пару срубов для жилья, конюшню на восемь лошадей, скотный двор на десять голов, овчарню и амбар.

Убедившись, что всё в полном порядке, задерживаться не стал и на каяке отправился в обратный путь.

На следующий день дошёл до усадьбы и опять стал раздавать задания:

— Николай, следующие плоты делаем из досок с минимальным количеством бревен, хватит четыре плота и загружайте их досками, формами для саманных кирпичей, двумя разборными стреловыми подъёмными кранами и десятком тачек, а также огнеупорными кирпичами и керамическими трубами.

Николай, призадумавшись, отвечает:

— Если только делать на плотях каркас из брёвен, то их хватит. Готовых брёвен практически больше нет, на лесопилке остается запас не более чем на десять дней работы. Когда плоты загрузим, доски готовые тоже закончатся, останутся только на постройку нового шлюпа. Огнеупорных кирпичей у нас шесть тысяч штук, керамических труб много, погонных километров пять будет.

— На лесопилке половину брёвен только на доски пилите, остальные оставите про запас. Валежника вокруг нас в лесу практически не осталось. Зимой придётся заниматься вырубкой, позже намечу места, заодно будут просеки для дороги. Да и на лесопилке пора ремонт делать. Огнеупорных кирпичей грузите четыре тысячи штук и немного раствора для кладки печек, а труб тысячу метров.

Себе же устраиваю выходной, отправляюсь в баню, с наслаждением парюсь, а потом у себя в мезонине заваливаюсь в кровать и сплю до утра.

На следующий день, пока сколачивают плоты и их загружают, занимаюсь расчетами по постройке лесопилки на тягловой силе волов. Поскольку давно задумал строить новые лесопилки, необходимый запас пил, шестерен, валов и прочих металлических деталей на четыре лесопилки в запасе имеется, как и на ремонт старой.

Опять рано лег спать, а с самого раннего утра, отдав швартовы, начал сплав сцепки из четырех плотов, прихватив для членов племени пару корзин с первыми свежими овощами. Семёну, поставленному мной временно командовать шлюпом, наказал продолжать тренировки, а через три дня с самого утра идти на Сылву к месту возведения крепости, загрузившись продуктами, кормами, четырьмя коровами, парой лошадей и тридцатью курицами с петухом, а также материалом для строительства лесопилки. Пока есть время, решил обследовать Сылву выше по течению и осмотреть приглянувшуюся зимой сопку под возможную еще одну крепостицу.

В этот раз сплав проблем не доставил, плоты шли без рысканий, легко управлялись и входили в повороты реки. Через три дня плоты были пришвартованы к полуострову.

Увидев меня, рабы как всегда поли ниц, а я для проформы пыхнул огненным шариком. После чего они споро принялись за разгрузку и разборку плотов.

За шесть дней моего отсутствия, рабы построили у кромки леса два сруба, конюшню, скотный двор, овчарню и амбар. В крепости был полностью перекрыт нижний этаж подвала и шло перекрытие верхнего этажа. Стены крепости и башен поднялись до полутора метров. А под навесом сушилось шестьсот саманных кирпичей.

Борис, осмотрев всё мной доставленное, просто всем своим видом излучал блаженство от охватившего его предвкушения будущего фронта работ, даже руки, от нетерпения их скорейшего начала, потирал.

— Володя, сейчас мы во всю развернемся!

— Борис, рабы то у тебя не надорвутся?

Борис смеется:

— Да нет, они наоборот стремятся все быстро делать, да и сноровка уже у всех появилась, так что скорость строительства только увеличивается, а рабы всё здоровее и здоровее становятся. Да и девочки их огромными порциями кормят, так что у них аж за ушами трещит.

Вижу, что Борис от нетерпения продолжить работы, не только руки потирает, но уже и ногами стал переступать, отпускаю его:

— Вот и славно. Вижу тебе архитектором быть нравится, иди уж, продолжай творить.

Борис сделав пару шагов, возвращается:

— Володя, я всё спросить тебя хотел, архитектор это кто?

— Борис, архитектор это учёный строитель каменных зданий и замков.

Борис моментально приосанился и поклонившись, степенно удаляется руководить работами.

Подошедшая Эвика, кланяется:

— Здравствуй Володя! Пошли на кухню, покормлю тебя, ведь давно горячего не ел.

В животе предательски заурчало. Отправляюсь за Эвикой на летнюю кухню, где она выставляет на стол почти литровый горшочек с ухой из осетра и кумжи. У меня прямо слюни потекли от предвкушения трапезы. Моментально орудуя ложкой умял уху за обе щеки, а Эвика, с пылу с жара, ставит передо мной сковородку с жаренной картошкой с луком и грибами. Не останавливаясь, опустошаю сковородку. Откидываюсь на спинку полу кресла и небольшими глотками пью из литровой кружки горячий ягодно-травяной взвар.

— Спасибо Эвика! Давно так вкусно не ел.

Эвика кивает, губы ее нежно улыбаются, и она молча смотрит на меня счастливыми глазами.

После сытного обеда вместе с Михаилом, Савлием, Олегом, Виктором и Петром оставив на шлюпе дневальным Дениса, в срубах складываем из огнеупорного кирпича печи, а в конюшне, скотном дворе, овчарне — небольшие печурки, израсходовав весь привезенный раствор. Управились за три часа, как раз к приходу моего шлюпа.

Переночевав на шлюпе, с первыми лучами солнца отправляемся вверх по течению реки Сылвы к примеченной зимой сопке. Идем со скоростью пять узлов. По пути решаю осмотреть ледяную пещеру, про которую знаю из прошлой жизни. Через два часа, в пятнадцати километрах от крепости, делаем остановку и со всей предосторожностью приближаемся к пещере, отрабатывая двойками навыки разведки.

На удивление следов присутствия человека не обнаружили. Кругом девственный лес. Нет ни следов, ни предметов либо их осколков, ни остатков кострищ, ни костей, ни каких-либо признаков строений, нет ничего, чтобы говорило о появлении в этом месте человека в прошедшие как минимум пятьдесят, а то и ста лет.

Во внутрь пещеры глубоко заходить не стали, ограничились пятьюдесятью метрами. Знаю из прошлой жизни, что она огромная, имеет озера, большое число ответвлений и лабиринтов. Не хватало еще в ней заблудиться. Температура внутри пещеры разочаровала, где-то не ниже плюс пяти-шести градусов. Надежда, на место длительного хранения замороженных продуктов, упорхнула.

Продолжили свой путь. Оба берега реки холмистые и обрывистые, высотой от трех до пятнадцати метров, много выходов разнообразной глины. Есть небольшие заводы, несколько раз попадались старицы, разделенные от основного русла островами, вытянувшимися на несколько километров, заросшие осиной, березами, ивами и окруженные зарослями осоки и рогоза. По правому берегу сплошная стена смешанного леса, по левому тоже лес, но попадаются и небольшие луга. Много ручьев по обоим берегам впадающих в Сылву.

До конечного места нашего путешествия дошли за десять часов, преодолев восемьдесят пять километров. Зашли в устье речки, которая выше по течению протекает мимо присмотренного мной местом под лошадиную ферму. Отсюда до него километров пятнадцать. Бросив якорь, по сходням перебрался на берег.

В экипаже на шлюпе, помимо Аршака, Ракса и Семена, еще шесть кандидатов и матросы — четыре мальчика и две девочки.

— Аршак и Ракс, остаются на шлюпе в боевой готовности за стреломётами, Семён поднимается на сопку, а там забирается на дерево и наблюдает за окрестностями, остальные, разбиваются на двойки и прочесывают территорию вокруг сопки на расстояние до километра.

Семён бегом поднимается на сопку, помогает себе руками, всё-таки подъём крутой под пятьдесят градусов. Новички разделяются по парам, на удивление девочки идут не вместе, а пары образуют с парнями, разбегаются по сторонам. Я также поднимаюсь на сопку.

Вид с вершины сопки открывался такой же величественный, какой я отсюда наблюдал зимой. Только вместо белого безмолвия, сейчас буйство зеленого цвета всех оттенков, с разрезающей его сине-голубой ленты реки, сверкающей на солнце, а сверху всё великолепие накрывает голубое небо, на востоке поддерживаемое тёмно-серыми Уральскими горами.

На юго-западе от подножья сопки, на что зимой не обратил внимание, расположен полуостров, который с востока, юга и запада огибает широкой дугой, почти петлёй, русло Сылвы. С севера полуострова перешеек, с востока упирающийся в сопку, на которой я стою, а с запада еще в одну сопку, высотой метров двадцать пять и в реку, делающей крутой поворот градусов в сто двадцать, образуя на противоположной стороне реки острый мыс с широким пляжем. Диаметр полуострова в районе трех километров, а площадь полуострова, на взгляд, не меньше двенадцати километров. Ширина перешейка в районе одного километра. Полуостров представляет собой ровную площадку, поднятую над рекой на семь-восемь метров, с растущими на ней одинаковыми стройными соснами, возрастом не более восьмидесяти-ста лет. Скорее всего выросли на месте пожарища.

«Да тут огромное городище по местным меркам можно построить, а об его защите природа уже сама позаботилась», — фиксирую себе в памяти. — «А на этой сопке через год, максимум два, надо ставить крепостицу».

Пока я всё осматривал и обдумывал, возвратились новички из разведки. Как я и предполагал, на севере в девственном лесу следов жизнедеятельности человека и даже его следов они не обнаружили.

Время приблизилось к семи часам вечера, еще час ушел на приготовление ужина, после которого прошелся вверх по речушке, ширина которой в устье около тридцати метров, вверх по течению уже через километр не превышала двадцати метров. На шлюпе вверх по течению пройти можно, но не далеко, в узкой речке поток ветра слабый, а вот развернуться вообще не получится. Тут скорее всего для перевозки груза небольшая вёсельная ладья нужна, у которой с каждой стороны нос. Но грести на грузовой ладье пока не кому, ребятишкам надо подрасти. Вернувшись на шлюп, распределил ночные дежурства и дал команду «отбой».

Ночь прошла спокойно. В предрассветных сумерках отправились в обратный путь. Управление шлюпом по переменно передавал Семёну и Аршаку.

К трем часам дня вернулись к строящейся крепости. За наше отсутствие, стены крепости обросли строительными лесами, два раба формировали саманные кирпичи, теперь их производство, с учетом привезенных мной форм, увеличилось до одной тысячи ста кирпичей в день. Остальные тридцать пять рабов трудились на стенах и заканчивали возводить сводчатый потолок верхнего этажа подвала.

Двумя экипажами шлюпов стали возводить лесопилку. Рабов к её строительству подпускать нельзя. Эти технологии только для моего племени. Рабы могут на ней только работать, а как она устроена им знать не нужно. Построили за три дня и еще день потребовался на наладку. На пятый день начал проводить испытания. Лесопилка на воловьей тяге превзошла все мои ожидания. Вол со своей задачей двигателя в одну воловью силу справился на отлично. Скорость работы пил была больше, чем на лесопилке с водяным колесом в усадьбе. Я даже на радостях присоединил пятую пилу. Теперь из бревна одновременно получалось четыре доски и два горбыля. Но было много, но — вол уставал,

его надо было кормить, в отличие от водяной лесопилки, которая могла работать без устали круглые сутки и есть не просила. С другой стороны, волов можно менять, и они могут работать зимой, а лесопилка с водным колесом зимой простаивает.

На следующий день на шлюпе ухажу с новичками и экипажем, за исключением Опис и Оре, в усадьбу. Начинается сбор урожая и каждые руки на счету. Прощаюсь с Борисом, Эвикой, Опис, Оре, Михаилом и его экипажем — Савлием, Денисом, Олегом, Виктором и Петром:

— Начинается сбор урожая, я нужен в усадьбе. Вернусь не раньше, чем через месяц. Вы без меня справитесь?

— Не волнуйся, Володя. Всё будет в порядке, — с грустью в голосе прощается Эвика.

— Володя, если ты вернёшься только через месяц, то тут всё преобразится. Привези из амбара у моей мастерской всю черепицу, к твоему возвращению она скорее всего понадобится.

Битва за урожай продолжалась весь август. За счёт севооборота, сидерации, внесения перегноя, навоза, селитры в качестве удобрения, да и подкормкой садовых деревьев картофельными очистками, урожай собрали на двадцать процентов больше прошлогоднего. Сад наконец-то дал приемлемый урожай яблок, вишни и слив. Единственно огорчил виноград, так и оставался кислым, по вкусу похожий на изабеллу, так что пойдет на вино, а так хотелось съесть гроздь сладкого винограда. На полях ещё остаются поздние сорта и предстоит еще один покос, но основной сбор закончили.

1 сентября, загрузив шлюп свежими продуктами, кормом для волов и черепицей, отправился к крепости. В экипаже только старички — Аршак, Ракс и Семён. Остальные остаются в усадьбе — началась битва за спасение собранного урожая. На его переработке лишних людей не бывает.

За месяц моего отсутствия на полуострове выросла крепость, нет, скорее средневековый рыцарский замок. Ещё с реки Шаквы, за пару километров до впадения её в реку Сылву, увидели башню, вернее донжон, высотой не менее двадцати метров.

После швартовки, поднимаюсь на утес. Рабы, выстроившиеся в шеренгу, падают ниц. Перед ними стоят Борис, Эвика, Опис и Оре, которые тоже кланяются.

Видя моё, нескрываемое мной, восторженно-удивленное выражение лица, Борис, расплывается довольной улыбкой, а Эвика смотрит на меня нежно-счастливым взглядом.

Борис дает команду рабам на продолжение работ и разгрузку шлюпа. Десять рабов принимаются за разгрузку, а остальные быстро разбегаются по своим рабочим местам.

Хотя стены и башни замка еще в лесах, но уже полностью видно непреступное великолепие замка. Донжон и три башни четырехугольной формы, две высотой около десяти метров и одна около пятнадцати метров, соединены между собой кирпичной стеной высотой около семи метров, наполовину покрытой известково-зольной штукатуркой. Одна башня расположена на западе прямо на стрелке рек Сылвы и Ирень, на расстоянии шестидесяти метров от нее, донжон, возвышающийся над протекающей под ним Сылвой и смотрящий на север — на устье реки Шаквы, хотя с него просматривается вся территория в округе. Далее в шестидесяти метрах, смотрящая на восток, одновременно на делающее поворот русло Сылвы и в глубь полуострова воротная башня, и последняя, также в шестидесяти метрах, смотрит на юг, возвышаясь над рекой Ирень. Три стены и все башни расположены практически на краю утеса с крутыми обрывистыми краями у подножья которого неспешно несут свои воды реки Ирень и Сылва, соединяясь воедино под западной башней. Только одна стена, соединяющая восточную воротную башню с южной башней, не имеет водной защиты.

Смотрю на это великолепие и только могу вымолвить:

— Борис! Как?!

— Володя, всё очень просто. Рабы искренне почитают дух огня.

«Два солдата из стройбата — заменяют экскаватор. А один Володин раб — заменяет весь стройбат», — с трудом сдержался, чтобы не рассмеяться и не продекламировать. Вслух же говорю:

— Борис! Снаружи замок выглядит великолепно. Показывай, что внутри.

Борис расплывается в благодарной улыбке, подводит меня к дубовым воротам, которые наполовину, с помощью ворота и блоков втянуты наверх — во внутрь второго этаж восточной башни. Чуть пригнув голову, вслед за Борисом прохожу в небольшой тоннель около семи метров длиной, шириной два с половиной метра и высотой три метра с бойницами на высоте двух с половиной метров. Тоннель заканчивается такими же воротами, через которые прохожу во внутренний двор замка. Двор замка вымощен булыжниками. На всю длину стен между башнями выстроены двухэтажные каменные постройки, крыши которых покрыты соломой.

Борис комментирует мной увиденное:

— От восточной воротной башни к северной самой высокой башне построили казармы, а к южной башне конюшни и хлев, на втором этаже можно хранить корм для лошадей и скота. От южной башни к западной на первом этаже съезд в подвалы, можно заезжать на повозке, а за съездом и на втором этаже помещение для мастерских либо под жильё. От западной башни к северной на первом этаже кухня и баня, на втором этаже помещения под мастерские или жильё. В этом же крыле колодец, пришлось на четырнадцать метров углубляться.

Не удержался, прошёл в помещение. Внутри оказался обыкновенный колодец, с воротом и осиновым ведром.

Сделав небольшую паузу, давая мне возможность взглядом рассмотреть постройки, Борис продолжает:

— В южной и западной башнях по четыре этажа, в восточной воротной пять этажей и

во всех трех по два подземных. С третьего этажа каждой башни выход на галерею, опоясывающие все стены на высоте пяти с половиной метров. На стены также можно попасть из казармы. На крыше башен, огороженных полутораметровым парапетом, можно установить по два стреломёта. Северная башня высотой двадцать метров, в ней шесть этажей. Также во всех башнях и казарме сделали туалеты, канализацию вывели в реку. Теперь же прятаться нет смысла?

Я согласно киваю, а Борис продолжает:

— На крыше северной башни также есть место для трех стреломётов. Еще у неё три подземных этажа и есть вход в подвал. В подвале два этажа — места для ледника, винного погреба и хранения припасов. В восточной воротной башне на втором этаже передаточные шестерни, лебедки и два ворота, поднимающие во внутрь этажа ворота. Пятый этаж используется как водонапорная башня. Воду для заполнения её бочки поднимаем в более мелкой таре на платформе,двигающейся наверх также, как и ворота, с помощью ворота и блоков, а из бочки вода по керамическим трубам может поступать практически во все помещения, за исключением двух верхних этажей северной башни.

Сделав еще паузу и глубоко вздохнув, заканчивает:

— За пару-тройку дней покроем крыши и галереи черепицей и отштукатурим раствором извести и золы стены. Останется только установить печи в казармах, конюшне и хлеву, на них огнеупорных кирпичей не хватило, дымоходы там проведены, ещё на верхних этажах оконные рамы со стеклами, да и обустраивать помещения.

— Борис, ты молодец! Спасибо тебе!

Борис расплывается в улыбке и кланяется.

Разглядываю крепость и вновь задаю вопросы Борису:

— Боря, на всё это великолепие кирпичей не должно было хватить. Как удалось без них всё построить?

— Володя, тут по берегам много ручьёв, а в ручьях и по берегам рек огромное количество камней, булыжников и гальки. Вот их и использовали для фундаментов и подземных этажей и внутри стен укладывали. Вот кирпичей на всё и хватило. А ещё вместе с галькой собрали килограмма на три золотых самородков, — и передает мне увесистый мешочек.

Подкидываю в руке мешочек и передаю его Аршаку, который вместе Раксом, а также подошедшими Эвикой, Опис, Оре, Михаилом, Савлием, Денисом, Олегом и Виктором собрались во дворе крепости. Один Семен остался дневальным на моем шлюпе и Петр на шлюпе Михаила.

Аршак с мешочком золота быстро уходит, направляясь к шлюпу. За ним по пятам следует Ракс, держа на изготовке заряженный арбалет.

«Похоже Ракс уже становится кунаком Аршака», — с удовлетворением отмечаю про себя, а далее продолжаю разговор с Борисом:

— Борис, а какой раствор ты для кладки печек использовал?

— Володя, тут тоже глины хватает и каолиновой, и шамотной, так что с раствором проблем не было. Можно и огнеупорные кирпичи тут слепить, но это долго, да и обжигать их в усадьбе сподручнее, проще привезти из усадьбы, тем более там еще две тысячи штук осталось, как раз на печки хватит, еще наверное на пару мелких печек останется.

В ответ, соглашаясь с Борисом, киваю.

Только собрался продолжить осмотр уже внутренних помещений построек, башен и

подвала, как меня и присутствующих членов племени, останавливает Эвика.

— Володя, а как ты крепость назовешь? А то, как только не называем — полуостров, утес, стройка, — Эвика задается действительно назревшим вопросом.

Задумываюсь на пару секунд, а чего думать, название у этого населенного пункта уже есть, хотя и в будущем.

— Предлагаю назвать Кунгур.

— Почему так, ведь на угорском языке это теснина. А где она здесь? — задумывается Эвика.

— Так крепость и есть теснина, больше здесь без нашего разрешения никто не пройдет!

И все члены племени закивали головами, соглашаясь с названием Кунгур.

Дальше Борис продолжает проводить экскурсию. Заходим в казармы и попадаем в тамбур, в котором лестница на второй этаж, а слева вход в саму казарму. Помещение первого этажа длиной около сорока пяти метров, шириной метров восемь и высотой почти три метра. В двух с половиной метрах от каждой стены два ряда колонн, поддерживающие своды потолка, по двенадцать колонн в каждом ряду. В торце, за стенкой туалеты. На втором этаже такая же планировка, а из тамбура лестница, ведущая на стену с крытой галереей. В казарме оставлены места для печей, при этом дымоходы уже проведены.

— Володя, если ставить двухъярусные койки, то на каждом этаже можно разместить от восьмидесяти до ста человек, а если потесниться, то и сто пятьдесят на каждом этаже поместятся.

Киваю, а про себя пытаюсь подсчитать: — «Сколько же лет понадобится, чтобы заселить казарму воинами племени?»

Галерея наверху стены шириной около двух с половиной метров. Воинов на стене защищают мерлоны зубчатой формы. По галереи проходим на третий этаж северной башни — донжона, заходим в коридор, шириной около двух метров. По стене башни лестницы, одна, непосредственно перед нами, через проём в полу, шириной в один метр, идет на второй этаж, а другая в конце коридора вверх, где через проём в потолке, расположенный над нами, выходит на четвертый этаж. Через дверной проём, расположенный по середине коридора, с торчащими скобами для крепления дверей, проходим в прямоугольное помещение со сторонами десять на восемь метров, высотой потолка около трех метров, в котором кроме печки, больше ничего нет. На четвертом, пятом и шестом этажах такие же по размеру помещения, только высота потолков сантиметров на двадцать выше.

С площадки крыши, огороженной парапетом, открывается восхитительный вид на реки Сылву, Ирень, Шакву. Сылва вниз по течению просматривается не меньше чем на десять километров. На крыше также находится деревянный подъёмный кран. На остальных башнях также по подъёмному крану.

— Оставили на крышах подъемные краны, чтобы стреломёты поднимать, — опережая мой вопрос, поясняет Борис.

Закончили осмотр донжона на самом нижнем подземном этаже, с таким же по размеру помещением, но высота в нём не превышала двух метров двадцати сантиметров.

«Вот и казематы у меня есть», — ухмыляюсь про себя.

Поднявшись на один пролет, прошли в подвалы. Каждый этаж подвала был не менее двухсот пятидесяти метров, с высотой потолков три метра. Из подвалов по грузовому въезду вышли во двор и осмотрели остальные помещения.

Полностью удовлетворенный увиденным, еще раз поблагодарил Бориса.

— Володя, работы тут еще много. Нужно штукатурировать стены, настелить полы, сложить недостающие печи, стеклить окна.

— Борис, Михаил завтра уйдет на шлюпе в усадьбу за огнеупорными кирпичами и стреломётами, которые рабам близко видеть не надо, как и стекла. Рабам осталось только постелить полы, на окна поставить ставни, установить двери, закончить штукатурировать стены и будем их отпускать. Остальное потихоньку доделаем своими силами.

Переночевав, утром Михаил со своим экипажем ушёл на шлюпе в усадьбу, прихватив с собой двух волов, которые уже две недели практически круглосуточно паслись на поле с люцерной и клевером. В Кунгуре они пока не нужны, на лесопилке с воловьей тягой распилили на доски почти восемьдесят процентов брёвен, а в усадьбе пара волов без работы не останутся. После осенней вспашки полей, волов вернем, бурелом расчищать, на обогрев крепости зимой много дров понадобится. А в крепость на всякий случай двух лошадей доставим.

Прощаясь, наказал Михаилу помимо кирпичей, стройматериалов, домашней утвари, стрелометов, двух лошадей, продуктов, привезти теплые накидки и тридцать семь торб, с рассчитанным на две недели сухим пайком.

Аршак, Ракс и Семен остаются на моём шлюпе нести охранение. А Борису поручак выделить трех рабов на косьбу, разросшихся люцерны и клевера, часть которых останется на поле для сидерации, а вторая часть на сено.

Сам же, чтобы не отвлекать рабов от работы, а то только завидев меня, падают на колени, вжимая голову в землю, отправился обследовать близлежащие окрестности. Крепость построили, а что вокруг делается — не знаем, был ранее только беглый осмотр и то в основном по краям полуострова и до перешейка. Одев старый, но всё ещё крепкий камуфляж, нацепив разгрузку с метательными ножами, десятком гранат, саперной лопаткой, геологическим молотком, приторочив на спине меч, через плечо арбалет, направился в лес обследовать полуостров.

Лес старый, вокруг почти непроходимый бурелом, приходится либо обходить, либо перемещаться по упавшим огромным стволам деревьев, под которыми лежат совсем старые, превратившиеся в труху, когда-то бывшие лесные исполины.

Достаточно много попадается выходов скальных пород, в основном гранита с мелкокристаллической структурой, что свидетельствует о её высокой прочности и стойкости против выветривания и в тоже время хорошей колкости и полируемости, по сравнению со скальными породами другой структуры. Скальная порода местами достигает в высоту трех метров и до тридцати метров в диаметре.

Обследовать полуостров принялся со всей тщательностью. Разделив его на сектора, перемещаюсь от Сылвы к Ирену и обратно. За пять часов фактически удалился от крепости не более чем на два километра, до перешейка по прямой еще не менее одного километра. Передо мной гранитная скала высотой метров пять. У её подножья устраиваю привал, перекусываю порцией пеммикана и запиваю из фляжки клюквенным морсом, сваренным Эвикой.

Пока отдыхаю, продумываю дальнейшее развитие крепости. Для обживания, защиты Кунгура и пути в усадьбу, как минимум нужно десять человек. До весны останется Борис, ему крепость доводить до ума. А вот в помощь Борису и охраны придется направлять десяток ребят по сменно не больше чем на месяц. Учебный процесс надолго прерывать нельзя. Производства сюда смысла переводить нет, за исключением небольшой столярной

мастерской для изготовления мебели и других столярных изделий для нужд крепости из напиленных здесь досок и уже имеющейся небольшой молочной фермы из четырех коров, да и трех десятков куриц с петухом. В винный погреб надо перевезти бочки с коньяком и часть с виски, заложенных на длительное хранение, да и место в усадьбе для хранения освободится. Тридцать пять тысяч саманных кирпичей позже из Кунгура перевезем вверх по Сылве на облюбованную под крепостицу сопку.

Передохнув двадцать минут, решаю обследовать скалу. Обхожу её по часовой стрелке, пройдя вокруг три четверти её диаметра с южной стороны обнаруживаю проход, скорее теснину, шириной около метра во внутрь скалы. Решил до конца обойти скалу, а потом исследовать проход. Пройдя вокруг еще двадцать метров, вышел к месту привала. Когда обходил скалу, на восточной стороне обратил внимание на наличие выступов на скале на доступной мне высоте, до которых можно дотянуться, а затем подтянувшись, по выступам взобраться наверх.

Обхожу скалу, с восточной стороны на высоте около двух метров находится выступ сантиметров в двадцать, а над ним в полуметре еще один, а далее вверх и правее еще пара небольших выступов. Подняться наверх труда не составило. Наверху скала почти плоская, за столетия, а то и тысячелетия отполированная ветром и осадками, с небольшим подъёмом в 3–4 градуса к центру, её диаметр метров сорок. Подхожу к центру скалы и с южной стороны наблюдаю проём шириной около метра, идущий на север вглубь скалы длиной около пятнадцати метром, при этом последние пять метров проём делает плавный поворот на северо-запад.

Спустившись по тем же выступам, подхожу к проёму — теснине. Со всей предосторожностью захожу в неё. Стены теснины также отполированы ветром и осадками, медленно продвигаюсь вперед. Дойдя до конца теснины и ничего не обнаружив, решил уже возвращаться, как моё внимание привлекла небольшая лужица, диаметром около десяти сантиметров, расположенная в метре до тупика проёма, почти по центру прохода. Вода в лужице пузырилась, как при кипении.

«А вот это уже интересно. Похоже это небольшой выход природного газа на поверхность, грязевого кратера вокруг выхода нет, только вода. Скорее всего метана, так как он не имеет запаха и бесцветный», — проносится мысль.

Быстро выхожу из теснины, возвращаясь к месту привала. В теснине достаточно замкнутое пространство и газ в ней мог скопиться, не хватало мне еще газового отравления. Делаю глубокие вдохи и выдохи — на всякий случай очищаю легкие. Газоанализатора у меня нет, нет и канарейки, единственный доступный способ проверить наличие газа и мощность его выхода на поверхность, это огонь. Но если газа скопилось много, будет мощнейший взрыв. Вряд ли его хватит, чтобы разрушить гранитную отполированную скалу, но выход пламени по теснине и вверх будет более чем серьезный. С другой стороны грозы здесь не редкость и наверняка рядом сверкали молнии, но следов взрывов на скале я не увидел. Да и размер лужицы совсем небольшой. Значит можно рискнуть.

Делаю факел, его поджигаю, держа на вытянутой руке, медленно, со всей предосторожностью, чуть согнув ноги в коленях, чтобы была возможность быстро отпрыгнуть, подхожу к началу проёма, но в него не захожу, прижимаюсь вплотную к скале с внешней стороны и правой рукой забрасываю в глубину теснины горящий факел. Происходит тихий взрыв, вернее хлопок с огненной вспышкой, взметнувшейся вверх на три метра и моментально погасшей, и всё. Выждав двадцать секунд, заглядываю в проём. На расстоянии десяти метров перед поворотом теснины лежит потухший факел.

Анализирую произошедшее:

"Газ в проёме действительно скопился, но в очень небольшом количестве. От горящего факела он возгорелся и взорвался, ударной волной погасив факел. Значит сейчас в теснине скопившегося газа нет, а есть только тот, который выходит из земли".

Захожу в проём, двигаюсь по теснине, дохожу до поворота, делаю еще три шага и останавливаюсь как вкопанный. В пяти сантиметрах над лужицей, как будто вися в воздухе, горит пятнадцатисантиметровый столбик голубоватого пламени.

В голове носится рой мыслей. Пытаюсь их поток остановить, но получается плохо. Останавливаюсь на одной:

«У меня есть вечный огонь!»

Остальные мысли надо привести в порядок, поэтому решаю продолжить движение. Оставшуюся до перешейка территории девственного леса обследовал два часа. Каких-либо новых находок не обнаружил, всё такой же тяжелый лес с небольшим вкраплением скальных пород и обрывистыми берегами обеих рек с высотой около семи метров.

Сам перешеек, около двухсот метров, между реками Сылвой и Ирень, метра на три ниже полуострова и лес на нем больше лиственный, с преобладанием березы. Бурелома значительно меньше. Видимо, полуостров раньше был островом, а перешеек образовался значительно позднее от наносных пород двух рек. Если над перешейком поставить стену, то проход к Кунгуру полностью с перешейка будет закрыт. Но это вопрос не сегодняшнего дня.

Дальше обследовал территорию не так тщательно. Вдоль берега реки Ирень прошел два километра, после чего река вверх по течению повернула на юг. Пройдя еще на восток километров пять, вышел к небольшой речушке, шириной метров десять, несущую свои воды на север. Форсировать речку не стал и вдоль ее берега двинулся вниз по течению. По привычке капнул грунт. Шлиховая проба помимо глины, содержала вкраплениями мелких частиц каменного угля и меди. Чтобы более детально исследовать, нужно подниматься вверх по течению речки, на что времени нет. Делаю пометки в блокноте на будущее, после чего продолжил движение вниз по течению, периодически беря пробы грунта.

В пути я уже больше десяти часов, принял решение вставать на ночлег. Под раскидистой ивой обнаружил небольшой пляж, где обустроил лагерь.

Утром продолжил движение вдоль русла речки, продолжая брать пробы грунта и где-то через три километра наткнулся на выход почти на поверхность гипса, залегавшего под верхним слоем почвы. Больше ничего интересного вдоль речки не обнаружил и через два часа, пройдя около девяти километров, вышел на берег Сылвы практически напротив ледяной пещеры. Возвращался к перешейку напрямик через лес. Путь занял три часа, а еще

через тридцать минут вышел к гранитной скале с вечным огнем. Хотя за время моего хождения, прошёл небольшой дождик, горение пламени не изменилось.

«Ну, что же, пора возвращаться в Кунгур и думать, что с этим делать», — решил про себя и двинулся к крепости.

За время моего отсутствия, рабы полностью закончили штукатурить стены и башни, черепицей покрыли внутренние строения крепости и половину крыш галерей. Часть рабов приступила к внутренней штукатурке помещений и укладке дощатых полов, еще часть занималась столярными работами по изготовлению дверных коробок и самих дверей, а также ставней на окна. Также закончили формирование саманных кирпичей, которые в количестве тридцати пяти тысяч штук сушились под навесами.

Посмотрев на объем саманных кирпичей, каждый из которых в три раза крупнее глиняного кирпича, понимаю, что вывозить такой объём зимой на санях будем долго, да и из усадьбы везти их в более чем два раза ближе. Решаю начать их вывоз в усадьбу на шлюпах. На шлюпе за одну ходку можно отвезти четыре тысячи саманных кирпичей.

— Борис, как прибудет шлюп Михаила, после его разгрузки, пусть рабы загружают шлюп саманными кирпичами. Мой же шлюп, можно уже сейчас кирпичами загружать.

— Володя, ты два шлюпа от сюда забираешь, а кто на охране останется? — волнуется Борис.

— Я с Аршаком и Раксом останусь, Эвика, Опис и Оре тоже остаются, да и ты не промах. Шлюп Михаила три стреломёта привезет, мы их на северной башне установим. Так, что без охраны не останешься, — улыбаясь, успокаиваю Бориса.

Борис отдал команду и десять рабов стали споро загружать мой шлюп саманными кирпичами.

К тому времени, как я закончил осматривать крепость, Эвика приготовила обед и пригласила меня к столу. Кормила меня царской ухой из осетрины, яичницей с колбасой, сырниками со сметаной и взваром из трав и ягод. Пока я ел и нахваливал обед, Эвика только улыбалась нежной улыбкой и смотрела на меня взглядом полным преданности и любви.

Только успел отобедать, как пришёл шлюп Михаила. Разгрузка долго времени не заняла. Подошедший Михаил, рассказывает о новостях в усадьбе, которых, как таковых, не оказывается. Все идет по плану, все оставшиеся в усадьбе активно занимаются переработкой урожая.

— Михаил, ты завтра вновь идешь в усадьбу с грузом саманных кирпичей. Так же уходит и мой шлюп под командованием Семёна. Я, Аршак и Ракс остаемся в крепости на её охране. Ты с двумя матросами справишься с управлением шлюпа?

— Да, — не задумываясь отвечает Михаил.

— Тогда Савлий, Виктор и Петр на время переходят на мой шлюп под командование Семёна. Сейчас начинайте загрузку кирпичей. А обратно доставляешь первую смену охранения Кунгура в количестве десяти человек с полным комплектом вооружения и экипировки, ещё боевой запас, продукты, корм для скота, рамы со стеклами, керосиновые лампы, бочки с коньяком, а также на каждом шлюпе по три стреломёта. Кроме того, попроси Ивана по этому чертежу сделать плафон, — передаю Михаилу чертёж плафона с опорами в два раза больше по размеру плафона для керосиновой лампы.

Надеюсь плафон пригодится для защиты вечного огня от дождя и снегопада.

Пока идет загрузка кирпичами, двумя экипажами с помощью стрелового крана и лебедок, поднимаем на северную башню — донжон три стреломёта, замотанных в

дерюжную ткань.

Ранним утром два шлюпа уходят в усадьбу. Рабы работают споро, подспудно понимая, что это может быть их последний день рабства. За световой день доделали полностью весь оставшийся объём работ — двери и ставни поставлены, печки сложены, внутренние помещения заштукатурены, полы настелены и все помещения освобождены от мусора.

Перед отбоем всех рабов отправили мыться в речку, хотя уже сентябрь, но вода в речке ещё теплая, да и дневная температура не опускается ниже двадцати двух градусов тепла. Выдали всем по комплекту новой холщовой одежды и по шерстяной накидке. А с рассветом, плотно накормив рабов завтраком, построили в ряд.

— Вы все сейчас будете свободны, получите свое оружие и старую свою одежду, также сухой паёк на две недели, горшочек с кулешом, а также пять долбленок, — говорю на угорском языке.

После чего для порядка запускаю огненную струю на семь метров. Падают ниц не только бывшие рабы, но и оставшиеся в Кунгуре, члены моего племени. Выдержав минутную паузу, жестом поднимаю своих, а дальше продолжаю для бывших рабов:

— Помните, дух огня может быть милостив только один раз! А теперь все в долблётки и гребите как можно быстрее в городище Имень.

Уговаривать никого не пришлось. Теперь уже бывшие рабы, прихватив оружие, запас еды, разместились в пяти долблётках и энергично заработали веслами.

— Может зря их отпустили, они немало узнали наших секретов, — провожая взглядом, удаляющиеся долблётки, высказывает сомнение Борис.

Эвика, Опис, Оре, Михаил, Аршак, Ракс переводят взгляд с удаляющихся долблётки на меня.

— Не зря. Если бы мы их убили, то пришли бы следующие. Да и секретов они практически никаких не узнали. Увидели работу лесопилки, но почему она работает и как устроена, они не знают. То, что можно строить дома из камня известно давно, и на юге их из камня возводят, только больше времени это строительство занимает, чем из бревен. Но леса на юге мало, а у нас лес кругом, вот и строят тут деревянные дома. Следопыты же расскажут насколько мы сильны и опасны, и нам помогают боги. Другие племена теперь десять раз подумают, стоит ли на нас нападать.

— Зачем же мы тогда из кирпича крепость построили? — тихим голосом, как бы про себя, задается вопросом Михаил.

— Из кирпича крепость крепче и дольше простоит, да и кирпич не горит, — с солидным видом, переложив папку с бумагами из одной руки в другую, уверенным голосом с нотками снисходительности отвечает на вопрос Борис.

Все ребяташки закивали головами, соглашаясь с Борисом, а я продолжаю:

— Надеюсь вы не забыли, что мы разгромили семь кораблей?

— Да, такой победы никогда не забудешь, — расплываясь в широченной улыбке, отвечает Михаил.

— Часть экипажей кораблей, пусть и небольшая, наверняка выжила и добралась до городища Имень. Так, что о нашей силе и помощи нам богов, известно. А с учетом рассказов следопытов, эта информация быстро распространится по всей реке Каме и её окрестностям, да и за её пределами — купец Куруш непременно о бое на реке в Персидском царстве расскажет.

Сделав небольшую паузу, в полной тишине продолжаю:

— После постройки этой крепости, несмотря на небольшой ваш возраст, наше племя перестает быть слабым. Мы становимся сильными! Мы можем расширять и защищать наши границы! Мы вышли на новую стадию нашего развития — на стадию становления королевства Руссов! Да здравствует королевство Руссов! Ура!

Ребята смотрят на меня горящими от восторга и гордости глазами и хором кричат троекратное:

Урааа!!! Урааа!!! Урааа!!!

А затем Эвика:

— Да здравствует король Руссов Владимир!

— Урааа!!! Урааа!!! Урааа!!!

Когда члены племени успокоились, продолжаю:

— Для полной защиты наших территорий, нам предстоит построить две небольшие крепостицы, одну на юге от усадьбы выше по течению реки Сылвы. Зимой завезем туда саманные кирпичи, а следующим летом начнем строительство. А место для второй крепостицы на востоке от усадьбы определим зимой.

А далее, обращаюсь к Борису:

— Борис, после просушки помещений, начинайте установку стекол в окнах башен, выходящих во двор, на донжоне на всех окнах двух последних этажей, а также внутри дворовых строениях. В столярной мастерской начинайте изготавливать мебель для крепости, на примере замка, лесопилки и подъемников обучай ребят геометрии и механике. Пристреляйте стреломёты по секторам с каждой башни.

А дальше для остальных:

Всем осматривать помещения, а Аршак на верх донжона — наблюдать за обстановкой.

Сам же направился к вечному огню. Решил храм огня не создавать. Племя меня считает сошедшим с небес сыном Богов. Храм же — место обращению к Богу, воздание ему молитв и подношений. А зачем создавать посредника, а может в будущем и конкурента, если я рядом.

До скалы добрался за двадцать минут. Пламя продолжало гореть, затушил его, накинув сверху куртку. Решил с вечным огнем не торопиться и как его использовать, решить позже.

Вскоре подошли два шлюпа, с которыми прибыла первый десяток сменной стражи крепости. Среди них находились две девочки и восемь парней, в том числе два брата Лепо и Коло, из первых сарматских детей.

Реакция прибывшего десятка стражников была предсказуемой. Смотрели они на крепость удивленно-испуганными широко распахнутыми глазами.

Выхожу перед ошалевшими ребятишками:

— Вы удостоены чести быть первыми защитниками крепости Кунгур! Вам предстоит охранять западные границы нашей земли! Знаю, что честь рода Руссов и своего короля вы не посрамите!

Глаза ребят загораются, а во взглядах полный восторг.

— Борис, принимай командование!

— Гарнизон, приступить к разгрузке шлюпов! — Борис отдает приказ командным голосом.

Шлюпы разгружали всем миром, которая заняла два часа. Причем бочки с коньяком грузили на повозку, запряженную лошадью и сразу перевозили на нижний этаж подвала, где часть его использовалась под винный погреб, а вторая часть под ледник. Привезенные стреломёты, установили на западную, южную и восточную воротную башни, на каждую по

два стреломёта. Изготовленный Иваном стеклянный плафон, оставил в верхней комнате донжона.

Перекусив, загрузили шлюпы саманными кирпичами. А с рассветом Михаил со своим экипажем, и я со своим, включая Опис и Оре, а также прихватив Эвику, отправились в усадьбу.

Управление своим шлюпом передал Семёну, сам же, воспользовавшись свободным временем, стал размышлять, что всё-таки делать с вечным огнем.

Оставлять всё как есть, нельзя. Ребятишки ходят по лесу за ягодами и грибами, рано или поздно наткнутся на скалу, из любопытства пройдут в теснину, в которой скопится метан, не имеющий цвета и запаха. Последствия будут печальными. Я высокий и моё посещение проёма прошло без последствий, а вот ребятишки, даже не заметят, как получают смертельное отравление. Значит вечный огонь надо зажигать. Но, обставлять это нужно, как закрытие прохода в царство мертвых. А дальше использовать не как место культа, а в прикладных целях. Выход газа с трех сторон окружён пятиметровой высоты отполированным гранитом. Если установить зеркала, то получится достаточно мощный прожектор, направленный в небо и в ясную ночь световой столб высотой будет в десятки километров, в дождливую — километров пять тоже достигнет. Наблюдателю с Маслёной горы точно будет виден. А значит можно передавать сигналы. А для передачи сигналов, помимо семафора, есть еще и азбука Морзе.

От возбуждения открывающихся перспектив, не заметил, как стал ходить по палубе. И только заметив удивленные взгляды экипажа, взял себя в руки.

— С непривычки устал сидеть, решил ноги размять, — успокоил ребят.

8 сентября пришли домой. После разгрузки шлюпов и их загрузкой бочками с коньяком и виски, а также свежими овощами и боеприпасом, поужинав и попарившись в бане, собрал в мезонине старичков.

Ребята доложили об успешные переработки урожая, которая шла полным ходом, Лада также добавила:

— Изготовили две тонны сахара, что с ним будем делать?

— Тонну продадим Курушу, часть переработаем в леденцы, часть обменяем на соль и соду в городище Ибырь.

Похвалив ребят, дальше продолжаю:

— Вы все слышали, а Эвика видела, что крепость Кунгур построена и первая смена из десяти членов племени заступала на охрану наших западных границ.

Все старички закивали головами.

— Но есть одна серьезная проблема. На полуострове в лесу в двух километрах от крепости находится скала в пять метров высотой и около пятидесяти метров в диаметре. В этой скале почти к её центру ведет проём, скорее теснина, шириной около одного метра, в конце которой имеется, один из немногих на земле, проход из царства мертвых. Из этого прохода Бог Куль отправляет из царства мертвых на землю духов смерти...

Эвика вскакивает со стула, перебивает меня:

— Володя. Я с Опис и Оре, когда ходили в лес за ягодами, видели эту скалу и проход в неё. Все мы ощутили сильное чувство страха, в проход заходить не стали и убежали. После этого к этой скале никто близко не подходил.

— И что теперь делать? — спрашивает Лада.

— Волноваться не стоит, я закрою этот проход небольшой частичкой моей плоти и на месте прохода будет гореть вечный огонь, который не даст прорваться в этом месте на землю духам смерти. Вечный огонь с помощью зеркал и плафона, который Иван сделал, усилим, будет столп света высоко в небо уходить, ночью сигналы передавать можно. Столп света наблюдателю с Маслёной горы хорошо видно будет.

— Сигнал светом это хорошо, сообщить о нападении сможем, — с удовлетворением кивает Николай.

— Не только один сигнал, как и семафором, но ночью, светом любой текст передать можно. Азбуку только специальную выучить придется. Например, буква А — короткий и длинный сигнал светом, Б — один длинный и три коротких сигнала и так далее. Азбуку до утра я напишу, а утром её в печать отдам, чтобы все выучили и знали, как таблицу умножения. Этой азбукой можно не только световые, но и звуковые сигналы подавать.

— Может часть производств в Кунгур переведем, да и десять гектар земли фактически простаивают, — наморщив в задумчивости лобик, делает предложение Лада.

— Смысла нет распылять производства. У нас тут все взаимосвязано, да и учебный процесс в усадьбе. В Кунгуре в настоящее время будет только винный погреб для длительного хранения коньяка и виски, столярная мастерская, работающая только на нужды крепости, да небольшая ферма из четырех коров, да кур, чтобы свежим молоком и яйцами там питались, да из излишков молока сыр делали. Позже подумаем, что там организовать.

— А почему нам еще рабов не захватить и с их помощью построить крепость выше по реке Сылве? — спрашивает Николай.

— Дважды нельзя зайти в одну и ту же реку. В ближайшее время придется обходиться своими силами. Узнав, что мы отпустили следопытов после завершения строительства крепости и в охране только дети, к нам могут заслать уже подготовленных, в том числе шаманами, лазутчиков, которые подгадают момент и попытаются всех убить или захватить в плен, а также вызнать наши секреты.

Сделав паузу, посмотрев на задумавшихся старичков, продолжаю:

— От рабов, помимо строительства крепости, мы получили еще и информацию о поселениях — на реке Иж правом притоке Камы в пяти километрах от впадения в Каму расположено городище Арын. Почти напротив на реке Ик левом притоке Камы в трех километрах от впадения реки в Каму находится городище Юргын. На реке Нытва правом притоке Камы, в десяти километрах вверх по течению еще одно городище, скорее всего это там, где весной, идя в Имень, мы видели дымы пожарища. Все галеры приходят на Каму из царств, расположенных на побережье Каспийского моря. Чаще всего из Персидского царства, бывают из Армянского. Ладьи с купцами приходят с севера из-за огромного озера Альдога, мы для простоты звучания назовем его Ладога, по рекам Ковжа и затем Ра, мы её называем Волга. На Каме и её притоках есть еще десятка три мелких поселений, которые в основном по четыре — шесть поселений расположены рядом друг с другом, а в их центре на равном расстоянии от поселений расположено укрепление из земляного вала и тына, куда жители окружающих поселений сбегаются на случай нападения. Все они отмечены на карте.

Демонстрирую старичкам карту, которую они с увлечением рассматривают.

— На такой огромной территории, так мало поселений. Их же сираки поочерёдно уничтожат, а потом и к нам прийти могут — ознакомившись с картой, с тревогой голосе заявляет Николай.

Киваю головой, соглашаясь с Николаем:

— Если оперировать картой, составленной со слов следопытов, то следующей их жертвой может стать городище Арын, расположенный на правом притоке Камы реке Иж. А нападут они скорее всего после сбора урожая и его переработки в середине октября.

— А мы можем помочь городищу защититься от сираков, — спрашивает Лада и все старички смотрят с надеждой на меня.

— У сираков тысяча воинов и в открытом бою нам их не победить, а вот покусать и немного сократить их количество нам по силам. Если вы согласны, то к середине октября на двух шлюпах можно подойти на реку Иж и если будет нападение, помочь с реки городищу Арын.

Все старички согласно закивали головами и за всех уверенным голосом высказалась Эвика:

— Обязательно нужно помочь, а то очередь дойдет до городишь Имень и Ибыр, а потом и до нас.

— А можно посмотреть крепость? — изменяет тему разговора Иван.

Николай и Лада синхронно кивают, поддерживая вопрос Ивана.

— Эвика, ты одна за порядком и переработкой урожая пару дней присмотришь, — перевожу взгляд на Эвику, а она в ответ улыбается и кивает:

— Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Володя, пусть ребята съездят и посмотрят крепость.

Лада, Николай и Иван заулыбались и радостно захлопали в ладоши.

— Хорошо, утром отходим.

— Полуострову с крепостью ты дал имя Кунгур, а наша усадьба остается без названия. Володя, может её тоже назовешь? — смотрит на меня Эвика, а все остальные, присоединяясь к её вопросу, дружно кивают.

Не задумываясь, отвечаю:

— Все мы наш дом называем усадьбой, так пусть и наше поселение так и зовётся — Усадьба.

Осмысливая услышанное, старички на мгновение призадумались, а потом хором выразили своё одобрение.

С первыми лучами солнца на двух шлюпах пошли в Кунгур. Прихватили с собой шесть зеркал, а с учетом имеющихся в крепости еще четырех зеркал, для задуманного мной усиления отражающей поверхности прожектора должно хватить. Перед отплытием наказал наблюдателям в ночное время внимательно присматриваться за западным направлением на предельной дальности. Я же почти всю ночь перед отплытием занимался расчетами оптимальных углов для расстановки зеркал для будущего прожектора. В помощь только бумага, утиные перья, счёты, чертёжная доска, рейсшина, да линейка с треугольником, а из физики света, помню только закон отражения — угол падения равен углу отражения.

В пути Иван и Лада практически не покидали палубы, с огромным интересом осматривая окрестности. Фактически они первый раз покинули Усадьбу на столь далёкое расстояние. Раньше они не удалялись более чем на двадцать километров и в основном на юг на охоту.

Когда вошли в Шакву, Иван, обращаясь ко мне, спрашивает:

— Почему на месте впадения Ольковки в Шакву ты не планируешь ставить крепостицу?

— На сегодняшний день смысла ставить нет. По правому берегу Шаквы сплошные болота, растянувшиеся на десятки километров, как и по её левому берегу выше по течению. Так, что практически до реки Чусовой эти места непроходимы. Но в будущем обязательно поставим.

За два километра до Кунгура, когда после последнего поворота русла Шаквы перед впадением в Сылву, нависла над водной гладью северная башня. Николай, Иван и Лада с непроизвольно открытыми ртами, округлившимися глазами взирали на каменного исполина, издавая лишь восторженные междометия, пораженные величавой красотой и мощью донжона.

Пришвартовавшись, экипажи шлюпов и гарнизон крепости, за исключением двух караульных, приступили к разгрузке, а потом и к погрузке на шлюпы саманных кирпичей.

Борис, доложив, о несении караульной службы и начале обустройства крепости, обнявшись с Николаем, Иваном и Ладой, повел их на экскурсию по крепости.

За время моего отсутствия, ребята гарнизона закончили внутреннюю отделку деревом бани, установили окна на кухне и на втором этаже над кухней и баней, в столярной мастерской начали мастерить заготовки для мебели. В остальных помещен продолжалась просушка. В крепости ребята из гарнизона несли только караульную службу и занимались отделкой помещений. Ночевали же в ранее поставленных срубах и питались пока в летней кухне.

Закончив беглый осмотр крепости, принялся за плетение из ивовых прутьев двух небольших клеток для птиц, куда посажу двух десятидневных цыплят, для проведения демонстрации опасности прохода в царство мертвых. В столярной мастерской из заготовок для мебели собрал под нужными углами треугольные подставки и крепления для зеркал. В качестве прикрытия прожектора сверху от осадков, не мудрствуя лукаво, взял крышку от колодца.

После погрузки на шлюпы кирпичей и окончания экскурсии, собрав экипажи шлюпов, за исключением дневальных, восемь ребят из гарнизона крепости, вместе с Николаем, Борисом, Иваном и Ладой, распределив между ними для переноски зеркала с креплениями, стеклянный плафон с подставкой, крышку от колодца, прихватив с собой две клетки с цыплятами, направились в лес к скале. Подняться на ее верх труда ни для кого не составило. Подойдя сверху к проёму в скале, указал на тупик теснины:

— Внизу в этом месте проход из царства мертвых. Рядом с проходом никто из живых находиться не может, что я сейчас вам наглядно продемонстрирую.

Все ребята, молча со страхом в глазах смотрят то на меня, то в проём. Опускаю на веревке в тупик проема клетку с цыпленком. Цыпленок ведет себя как обычно, продолжая клевать крупу, но через минуту движения его становятся вялыми, и он падает замертво.

Смотрю на реакцию ребятшек. Все разом оцепенели и с ужасом и страхом в глазах взирают вниз. Поднимаю клетку с мертвым цыпленком и обращаюсь к ребятам:

— Все спускаемся со скалы и ждете меня у места подъёма. Я сейчас закрою частью своей плоти проход из царства мертвых. На возможные взрывы и всполохи огня не реагировать, оставаться на месте и ждать меня.

Все ребята со страхом и тревогой в глазах смотрят на меня.

— Не бойтесь. Я обязательно вернусь, — пытаюсь успокоить ребятшек, но получается

плохо, во взглядах ребят всё та же тревога.

Оставляю ребят и обходя скалу подхожу к месту начала проёма. Как и в прошлый раз, зажигаю факел, прижимаюсь к скале и правой рукой бросаю в проём горящий факел. Происходит хлопок, который значительно слабее чем в прошлый раз, а вот за счет начинающихся сумерек, огненный всполох выглядел эффектнее, пламя огненного всполоха взметнулось вверх и вбок по теснине на несколько метров. Захожу в проём, в этот раз факел не погас, взрывная волна было небольшой, а вот вечный огонь, как и в прошлый раз, горел пятнадцатисантиметровым синем пламенем, как будто вися в пяти сантиметрах над лужицей.

Затушив факел, возвращаюсь к ребятам. Подходя, услышал массовый выдох облегчения, а в глазах ребятшек неподдельную радость от моего возвращения.

— Поднимаемся обратно на скалу. Я закрыл проход и закупорил его вечным огнём.

Быстро поднявшись наверх, подойдя к проёму, ребяташки осторожно подошли к его краю, заглядывают вниз и видят горящее синем огнем пламя. Я опускаю на веревке вторую клетку с живым цыпленком. Цыпленок ведет себя спокойно и клюёт крупу. В полной тишине выжидаю десять минут, за это время даже с места никто не двинулся и все взгляды были направлены на цыплёнка. Поднимаю клетку с цыпленком наверх. Убедившись, что цыплёнок жив, все присутствующие члены племени падают передо мной ниц.

Над тупиком проёма кладу сверху крышку от колодца, поднимаю с колен племя.

— Спускаемся вниз, кто хочет может зайти в теснину и посмотреть на пламя, только трогать его и близко подходить не нужно, помните, что это огонь.

Желающими посмотреть, оказались все. Ребяташки по очереди подходили к пламени, останавливались от него в полуметре, кто просто смотрел, кто-то приседал, некоторые протягивали над пламенем руки, но почувствовав жар, быстро их отдергивали. Насмотревшись, ребята построились перед проёмом.

— А теперь будем делать прожектор. Будете по очереди приносить мне зеркала с подставками.

Еще раз сверившись со схемой и чертежами, распределил между ребятами зеркала и очередность их мне подачи, прошёл к вечному огню и одел на пламя плафон, закрепив небольшими шипами его подставку в грунте. Убедился в наличие доступа воздуха снизу подставки. А дальше поочередно установил зеркала, в результате чего получился направленный столб света прямо, в закрывающую сверху проём, крышку. Надеюсь столбом света ребят не удивлю, похожее они уже видели, во всяком случае экипажи шлюпов, при моём первой встречи со следопытами.

Солнце уже давно село, наступила сентябрьская ночь. Ночь ясная, весь небосвод усеян звездами. Поднимаюсь обратно на скалу и резко открываю крышку. В небо вырывается световой столб, а снизу раздаются восторженные возгласы.

Выждав пару-тройку минут, начинаю резко крышкой закрывать и открывать поток света. Продолжаю таким образом подавать короткие световые сигналы минут пятнадцать, чтобы наблюдатель на горе Маслёной мог их заметить. С её высоты линия горизонта находится на расстоянии пятидесяти пяти километров. Кунгур по прямой от Маслёной километрах в пятидесяти. Ночью яркие вспышки света должны быть заметны, но проверить это можно, когда вернемся в Усадьбу. Закончив подавать сигналы, закрыл крышкой тупик проёма. Свет конечно пробивается сбоку, но свет рассеянный и его видно лишь с небольшого расстояния, что, впрочем, тоже не дело и надо изготавливать, что-то типа купола,

исключающего видимость света вообще.

В крепость возвращались в полной темноте, освещая путь керосиновыми фонарями. Дневальные со шлюпов и оставленный в крепости караул, рассказали, что они наблюдали яркий столп света, уходящий в небо на огромную высоту, по их мнению, более чем на десять километров. Также очень хорошо были видны прерывистые световые сигналы. А сейчас с крыши донжона видно слабое световое свечение.

— Николай и Иван вам предстоит бессонная ночь, придумайте как закрыть прожектор с вечным огнем, чтобы света видно не было, да и крышку для подачи сигналов придумайте, а то крышкой от колодца не намахаетесь.

Конструкция совершенно простая и нарисовать её мне и трех минут не понадобится, но ребятам пора приучаться мыслить самостоятельно. Пока это лучше всех получается у Ивана, но его опыты больше основаны на интуиции, чем на точном расчете. Хотя, какие его годы.

Проснулся в предрассветных сумерках, утреннюю пробежку сделал к вечному огню. Огонь горел также, как и накануне, единственно, что не понравилось, вокруг плафона роились мошки.

«До наступления зимы придется раз в месяц чистить плафон и стекла», — взял себе на заметку.

Когда вернулся в крепость, ко мне сразу же подошли Николай и Иван, с довольными физиономиями.

— Мы нарисовали чертеж, — протягивает Николай мне листы бумаги.

На чертеже широкий обод, поверх которой крепится сдвигающаяся крышка. Крышка отодвигается и возвращается на место при помощи рычага. К ободу крепится пятиметровая кожаная шторка, которая опускается и поднимается при помощи веревки по принципу жалюзи.

— Ну что же, вполне жизнеспособно. Молодцы! — хвалю ребят, лица которых расплываются широченной улыбкой. — Сколько времени потратили на изобретение?

— За час управились, — улыбается Иван, только ему присущей скромной, но при этом хитрящей улыбкой.

Передаю чертеж, подошедшему Борису:

— Борис, в крепости сможете сделать или в Усадьбу чертеж везти?

— Володя, тут не сложно, мы сами смастерим и завтра установим.

Попрощавшись с Борисом и ребятами гарнизона:

— Придем в следующий раз дней через восемь-десять. В случае нападения на крепость либо возникнет иная проблема, требующая срочной помощи, подавайте сигнал тревоги короткими световыми импульсами, — даю последние наставления, после чего отправляемся в путь.

Домой пришли к ужину. Встречающая нас Эвика выглядела взволнованной, но увидев меня, озарилась нежной улыбкой. На её немой вопрос, сообщил:

— Эвика, я рад тебя видеть. Со мной всё в порядке, проход из царства мертвых закрыл. На этом месте сейчас вечный огонь, пока он горит, проход будет закрыт.

— Володя, как раз к ужину поспели. У нас всё в порядке, полным ходом идет переработка урожая.

— Хорошо, а сейчас мне еще надо к наблюдателям на Маслёную подняться.

Взобравшись на гору, выслушал доклад наблюдателя:

— Ночью видели на западе яркие короткие вспышки света практически на линии горизонта. Вспышки продолжались около пятнадцати минут.

— Сплошной столб света наблюдали?

— Нет, только вспышки.

— Молодцы! Продолжайте наблюдения, если ночью еще раз увидите из Кунгура вспышки, немедленно объявляйте тревогу.

Удовлетворенный услышанным, отправился на ужин. По дороге анализируя, пришедшую мысль:

«Если сделать прожектора на основе керосиновых ламп и зеркал, то с Маслёной горы можно подавать ночью направленные сигналы азбукой Морзе более чем на пятьдесят километров, то есть они будут видны в Кунгуре, а также и на сопке, намеченной под строительство крепостицы, а подача сигналов на Маслёную из Кунгура уже произведена».

У меня аж дух захватило от возможности получения моментальной связи и ее охватом в радиусе пятидесяти километров. Это же по площади будет 7850 квадратных километров. Забыв об ужине, уселся в мезонине за расчетами возможности изготовления переносного либо передвижного на повозках или шлюпе прожектора. Использую ранее произведенные расчеты по прожектору в Кунгуре, но там диаметр метр и без стекла, мне же нужно как можно меньше. А с учетом вогнутого стекла, которое мы можем изготовить, не больше тридцати сантиметров в диаметре.

Задумавшись над очередным вычислением, вдруг замечаю сидящую на стуле, подобрав ноги под себя, Эвику, которая смотрит на меня и улыбается своей нежной улыбкой. Увидев, что я её заметил, Эвика вскочила со стула:

— Володя, ты не пришёл на ужин, я уже в третий раз его разогреваю и приношу тебе, но ты так к ужину и не притронулся.

Смотрю на углу моего стола стоит деревянный поднос с накрытыми полотенцем миской с графином.

— Эвика, почему не сказала?

— Володя, ты так был увлечен расчётами, что я побоялась тебя отвлечь.

Смотрю на часы, а они показывают два часа ночи.

«Ничего себе увлекся расчётами», — а слух, улыбаясь, обращаюсь к Эвике:

— И что у нас на ужин?

— То, что можно есть холодным, — смеётся Эвика. — Сырники со сметаной и вишневый компот.

Эвика пододвигает поднос поближе ко мне, снимает полотенце, а на подносе миска с сырниками, горшочек сметаны и графин с вишневым компотом. Понимаю на сколько я голоден и в один присест уминаю миску с десятком сырников со сметаной и выпив две кружки компота, отваливаюсь на спину кресла.

Эвика, пока я ел, смотрела на меня с неизменной нежной улыбкой с полным обожания взглядом. Когда я поел, Эвика собрала посуду, пожелала мне спокойной ночи и удалилась из кабинета.

Проснулся в семь утра, когда уже все жители Усадьбы провели утреннюю тренировку, успели позавтракать и приступили к ежедневным делам. Про себя порадовался:

"Построенная мной система работает и больше ручного управления не требует. Конечно в моём прошлом это было бы невозможно, но здесь другое время и другие взаимоотношения людей. Указания старейшины, главы рода, вождя, выполняются беспрекословно, в противном случае наказание одно — смерть, бывает еще изгнание из рода, что фактически равносильно смерти. Да и дети тут взрослеют рано и к двум-трем годам уже понимают цену хлеба и как он тяжело даётся. Хотя кормим ребятишек как на убой, но я не разу не видел, что бы кто-то из них не доел свою порцию, на тарелках даже крошки не остается. В племени нет ни одного, кто бы не познал, что такое голод."

Прошел на кухню, где дежурная смена накормила меня салатом из свежих огурцов, помидоров, редиски и зеленью со сметаной, огромной порцией кулеша с утиной и литровой кружкой горячего отвара. После завтрака вернулся в мезонин и продолжил свои расчёты, затратив на них еще три часа.

Выхожу из кабинета, а под дверью стоит Константин, один из шести детей, переданных мне царем сираков Зорсином VI. Увидев меня, пацан падает ниц.

«Володя, как бы тебя это не коробило, но здесь такая жизнь. Все воспринимают тебя как короля и божество в одном лице. То есть ты божественный король и должен вести себя соответственно. С королями и божествами панибратства не может быть» — думаю про себя.

— Константин, ты зачем пришёл? — поднимаю паренька.

— Владимир, меня прислал Николай, сказал, что я буду выполнять твои поручения.

«Вот и начиная обрастать свитой — у меня есть вестовой», — мелькнула мысль.

— Константин, сообщи Николаю, что я его жду в мастерской у Ивана.

Константин мгновенно срывается с места и убегает.

В мастерского Ивана два трехлетний мальчика, весной выкупленных в городище Имень, высунув свои язычки от усердия, войлочной тканью полируют стекла. Увидев меня, моментально пали ниц.

Вышедший из лаборатории Иван, низко в пояс мне поклонился.

— Иван, а где все твои помощники?

— Володя, все на переработке урожая, а эти мальчики еще маленькие и делают только то, что им по силам, а для полировки сила не нужна. Заодно и моторику развивают, поочередно правой и левой рукой полируют.

В это время подходит Николай и уже обращаясь к обоим, показываю им чертежи.

— Николай и Иван, опыт по изобретениям у вас уже есть. Вот вам чертежи переносного прожектора с треногой, но в отличии от прожектора в Кунгуре, зеркала потребуются значительно меньшие по размеру и заключенные в три раза меньший цилиндр.

Николай с Иваном внимательно рассматривают чертежи, я же отправляюсь в кузницу ковать металлические цилиндры диаметром тридцать сантиметров и треноги с держателем керосинки.

Через четыре дня два сигнальных прожектора были готовы. К этому времени все наблюдатели, экипажи шлюпов, а также старички выучили азбуку Морзе. Ночью начали производить испытания. Один прожектор установили на горе Маслёной, второй на крыше мезонина усадьбы. Перед стеклом прожектора находится решетка с поворотными жалюзи, позволяющие с помощью рукоятки быстро перекрывать свет для подачи сигналов азбуки Морзе.

Испытания удались. Фактически все мои расчёты и проектные изыскания претворились в жизнь. Угол рассеяния был не более трех градусов. Теперь осталось определить дальность видимости сигнала. Предполагаю, что мигающий сигнал света в ясную ночь можно видеть до линии горизонта, а вот потоку фотонов дождь будет помехой, хотя часть света по идее должна пробиться. Для ответов на вопросы надо проводить полевые испытания, а заодно проверить, что делается на востоке и юге востоке и подыскать место для крепостицы с направления прихода стад животных, да и два года назад сарматов с гуннами.

17 сентября о три конь, я, Савлий, Денис, а также Гнур, сарматский мальчик, как и Савлий, освобожденный нами от гуннов, а сейчас еще и один из шести кандидатов в матросы, на двух шлюпах отправляемся на испытание дальности сигнальных прожекторов и заодно разведки. Шлюпы доставили нас вверх по Ольховке, к месту обычного выхода на охоту на косуль.

Капитанам шлюпов Михаилу и оставленному вместо меня, Семёну, даю задание добыть десяток косуль, а затем Михаилу, загрузившись свежими овощами и фруктами, а также другими припасами, следовать в Кунгур за саманными кирпичами. Взамен Савлия и Дениса в экипаж разрешаю взять пару-тройку ребят из ранее тренировавшихся на шлюпах. Семёну со шлюпом оставаться в Усадьбе.

— О нашем возвращении, ориентировочно через три-четыре дня, сообщим световым сигналом, тогда и выйдете нас встречать.

Затратив около часа на провод лошадей через лес, что дало повод опять задумался о просеке, по обширным лугам двинулись на восток. Ехали налегке, с собой сухой поек, овес для лошадей, немного шанцевого инструмента и прожектор. О три конь пошли, на случай нежелательных встреч с гуннами или сарматами, что бы была возможность унести ноги. Ехали не спеша, поочередно переходя с рыси на шаг. Как и в прошлую поездку, на лугах паслись стада косуль, пару раз наблюдали стада крупно копытных. Решил, что это туры, больно здоровые были самцы с огромными, превышающие бычьи, раза в три, рогами.

Через десять километров ландшафт местности стал меняться, местность всё больше и больше становилась холмистой. Высота некоторых холмов достигала десяти метров. Постоянно попадались ручьи, шириной не более трех метров, несущие свои воды в южном направлении. Проехав еще около пяти километров стали искать место для ночлега и испытания прожектора.

Въехав на вершину очередного холма, на противоположной стороне у его подножья увидели реку метров пятьдесят шириной, которая огибая холмы несла свои воды на юг, в направлении леса, сплошной стеной стоящего в десяти километрах.

— Похоже эта наша речка, на которой мы бились с волками и выходили к реке Сыльве, — высказал предположение Савлий.

— Нет, та речка шириной пятнадцать метров, и она была намного ближе к Усадьбе. Это река Барда, она тоже впадает в Сыльву, но выше по её течению.

Савлий только глянул на меня, а затем кивнул. Я же понял, что в очередной раз прокололся, ну откуда я могу знать название реки.

На противоположном левом берегу речки расположен еще один холм, на котором роща, вернее смешанный лесок метров четыреста в диаметре, а в тридцати метрах с юга от него, еще один холм, который огибает речка, с возвышающимся во всей красе сказочным не менее чем двухтысячелетнем дубом.

На противоположном берегу, замечаю небольшой ручеек, несущий свои воды из леска.

Осматриваю окрестности в прицел, в двух километрах ниже по течению реки замечаю широкий разлив реки, по которому, как по посуху, движется стадо косуль.

— Ниже по течению брод. По нему переправляемся на другой берег, возвращаемся и в лесочке ищем место для ночлега.

В месте переправы река разлилась в ширину метров на триста, а вот её глубина не превышала полуметра. Дно оказалось в большинстве своём песчаным, да и по обоим берегам по всей длине разлива, который был около трехсот метров, наличествовали галечно-песчаные пляжи.

Еще раз осматриваю переправу, на юге в самом конце разлива обращаю внимание на странную деревянную конструкцию, но даже прицел не дает возможности понять, что это. Принимаю решение осмотреть конструкцию поближе.

При ближайшем рассмотрении, конструкция оказалось изломанной и переломанной кибиткой сарматов. По всей видимости, при переправе кибитка застряла либо сломалась, и сарматы не стали её вытаскивать, а в половодье переломанную кибитку выбросило на пляж.

Подзываю Савлия и Гнура:

— Посмотрите, может это кибитка вашего племени.

Савлий пожимает плечами, а вот Гнур вспоминает:

— Я помню, что во время переправы, кибитка, в которой ехала моя семья, застряла в воде и потом меня с братом на руках перенесли на берег.

«Вот и понятно где переправлялись сарматы, а бросили они кибитку, так как торопились, похоже знали, что по их пятам идут гунны», — констатирую про себя, а в слух команду:

— Разрубаем остатки кибитки на мелкие части и спускаем в реку. Знать о возможном присутствии тут людей никому не нужно.

Разрубив кибитку на мелкие щепки, сплаваем их по реке и начинаем переправу. Одновременно с нами через брод, буквально в пятидесяти метрах от нас, реку преодолевало стадо косуль из семи десятков голов. Переправившись, вернулись к облюбованному мной холму. От подножья холма до леса довольно широкий участок, поросший луговыми травами. Минут чрез пять, Гнур сообщает о подходящем месте для ночлега. Продвинувшись вглубь леска по берегу ручья, через тридцать метров вышли на полянку, метров десять в диаметре.

— Обустроиваем лагерь здесь. Гнур и Савлий, на вас лошади, я и Денис, ставим шалаш.

Поставив шалаш, перекусив пеммиканом, запив заваренными в кипятке настоем из сухих трав и ягод, накормив лошадей овсом, занялся обследованием холма и леса. Время пять часов вечера, до сумерек еще как минимум два с половиной часа.

В лесу ничего примечательного не заметил, нашел только небольшой выход скальной породы, рядом с которой бил ключ, являющийся истоком ручейка. Место конечно хорошее и речка есть и родниковая вода, но для крепости не годится. Слишком много вокруг холмов.

Обход леса закончил уже в наступающих сумерках. Выбрав на кромке леса более-менее ровную площадку, установили на треноге прожектор, заправили керосинку и зажгли фитиль. Стемнело быстро и я стал подавать короткие световые сигналы в направлении горы Маслёной.

Уже прошло десять минут непрерывной подачи сигнала, а ответа нет. Я уже начал отчаиваться, как увидели вспышки света, передающую азбуку Морзе: «Видим слабые сигналы».

Савлий и Гнур хором закричали:

— Урааа!

— Сигнал правее градуса на четыре, от положения, куда направлен наш прожектор, — с дерева кричит Денис.

— Да, я уже и сам вижу, — поворачиваю прожектор и начинаю передачу не используя предлогов.

«Вижу сигнал хорошо. Находимся двадцать семь километров».

«Вас понял. Видим четкий сигнал» — отвечает Маслёная.

«Завтра идем на восток. Связь ночью. Конец связи».

«Принял. Конец связи».

Пока принимал и передавал передачу, от волнения весь взмок. Температура двадцать градусов, да и вода не холодная, когда переплывали, градусов восемнадцать была. Дал команду упаковывать прожектор, сам скинув одежду, плюхнулся в речку. Сделав с десяток гребков вверх по течению, потом перевернулся на спину. На небе полная луна, лунная дорожка бежит по воде, а я на спине, раскинув руки, блаженствую, медленно, подхваченным течением, возвращаюсь к месту входа в воду. Настроение резко улучшилось, чувствую прилив энергии, и я с гиканьем выскакиваю на берег.

И тут встаю как вкопанный. Савлий, Денис и Гнур лежат ниц.

«Черт, ну что я еще не так сделал», — пронзает мозг мысль. А в слух:

— В чём дело! Встать!

— Живой! — первым вскакивает Денис, а за ним поднимаются остальные и смотрят на меня испуганно-оценивающим взглядом.

— Владимир, мы думали, что тебя захватил Культиян — дух из рода владыки темного царства Куля. Ты попал в реку ночью, в полнолуние и в последнюю ночь его бодрствования, утром он заснет до весны, — продолжает Денис.

— Мне мелкие прислужники не страшны и их заклятия на меня не действуют. А теперь всем спать, завтра встаем до зари, первым на дежурстве Савлий, затем Гнур и Денис, — прекращаю разговор.

Перед тем как заснуть, обругал себя за беспечность и заснул безмятежным сном.

С восходом солнца тронулись в путь. Ехали тем же темпом, по перемененно рысью и шагом. Через пять километров с севера и юга плотной стеной подступил и девственные леса, ширина луга между ними не превышала четырех километров. На этом перешейки собралось огромное количество стад копытных от косуль до туров, большинство которых также двигалось в восточном направлении. На нас они внимания практически не обращали. Чтобы никому не мешать, продолжили движения по северному краю луга. Через пятнадцать километров лес с южной стороны перешейка закончился. На нашем пути оказался достаточно высокий с крутым подъемом холм, скорее даже сопла, высотой около тридцати метров.

— Поднимаемся на холм и там ставим лагерь.

На вершине сопки около тридцати метров в диаметре ровная площадка, на которой растут четыре ели. Достаточно много небольших по размеру скальных выходов. Сама сопка с северной стороны расположена в тридцати метрах от леса.

— Денис и Гнур, нарубите в лесу подлеска для шалаша. Савлий, на тебе лошади, — раздаю распоряжения.

Сам же в прицел обзираю окрестности. С севера сплошной стеной стоит лес. На восток продолжает тянуться, вперемешку с поросшими рощами холмами, луг. На юге лес

закончился и на всём протяжении видимости простираются луга, с небольшими вкраплениями небольших рощиц.

Теперь понятно, откуда приходят стада копытных, а также люди. Хотя на их пути много рек, в том числе ближайшая Сылва, но наверняка на реках есть броды. Ставить крепостицу тут смысла нет, как и подходящего места для неё. Искать место для крепости нужно по правому берегу реки Барда.

Продолжая наблюдение, заметил, как в трех километрах на юге стая волков задрала, отставшего от своего стада, оленя. Среди волков замечаю седого вожака. Волкам явно до нас дела нет, да и не будет при таком изобилии, если конечно мы не начнем охотиться, конкурентов они тут вряд ли потерпят.

Поставив шалаш, обиходив лошадей, перекусив сухим пайком, уже в сумерках установили прожектор. К ночи небо заволгло тучами, но высота облачности была явно выше пятисот метров, световой передачи вряд ли помешает.

Когда полностью стемнело, зажгли прожектор, и я стал подавать короткие сигналы, через каждые три минуты на один градус меняя направление передачи. На четвертом изменении направления на один градус, на границе горизонта, заметили световой сигнал, выглядевший как пульсирующая маленькая звездочка. Направив на пульсирующую звездочку прожектор и начал передачу.

«Вижу сигнал. Приём».

«Сигнал видим».

«Нахожусь сорок девять километров. Утром возвращаемся. Связь ночью».

«Принял».

«Конец связи».

— Ребята, поздравляю нас всех с отлично проведенными испытаниями! Вы молодцы!

Ребята заулыбались, в глазах нескрываемый восторг.

— Упаковывайте прожектор! А затем отбой, подъём будет ранним. Дежурство в прежней очередности.

С первыми лучами солнца двинулись в обратный путь. До реки Барда доехали за три часа. Перейдя брод, пошли вдоль левого берега вниз по течению. Через пятьсот метров, поднявшись на небольшой холм, стал осматривать окрестности.

Река, имея общее направление на юг, извивалась змеёй, то поворачивая своё русло на запад, то на восток, а то делая петли, несла свои воды на север, а потом обратно на юг. Одна из таких петель, в двух километрах от нас, обходящая холм высотой около двадцати пяти метров, привлекла моё внимание, и мы напрямик двинулись к ней.

Холм, диаметром около трехсот метров, был покрыт луговой травой. Русло реки делала вокруг холма почти полную петлю, развернувшись несла свои воды обратно на север, а через пятьсот метров еще раз разворачивалось на юг. Перешеек представлял собой узкую полоску суши длиной около трехсот метров и шириной не более тридцати. Высота правого и левого берега реки не превышала одного метра. Было видно, что в половодье река выходит из берегов и разливается по лугам на расстояние вплоть до пару-тройку километров. Стало понятно почему здесь столько копытных.

С точки зрения обороны, место для крепости идеальное. Вот только из чего крепостицу строить. Тут есть только галька, мелкие булыжники и песок. До леса на севере километров семь-восемь, на юге столько же, на западе до леса в два раза больше. Можно конечно с севера по реке сплавить, но это возможно только по большой воде, иначе брод не преодолеть. А в половодье плоты может разнести по округе, собирать их замучаешься. Да и людей в это время где взять, всё на посевной будут. Так, что с лесом не вариант. Глиняные

кирпичи тоже не вариант, та же проблема с доставкой. Остаётся только один вариант — саманные кирпичи, но их всего тридцать пять тысяч штук. Сделать их не сложно, но капать землю специально под кирпичи, как-то не хочется. Надо делать расчеты, что получится из саманных кирпичей. А на Сылве обойдемся только деревом, благо его там много. Но место крепости на Сылве придется искать другое, выше по её течению. С учётом выхода нами на восток к реке Барда и определения места тут под крепостицу, то и крепость, прикрывающую с юга на реке Сылве надо ставить в месте впадения в неё реки Барда.

Таким образом вычерчиваются границы наших владений — на востоке по реке Барда, на юге по реке Сылве, в западе по реке Шакве, на севере пока четких границ нет, там сплошные леса и болота, вплоть до реки Чусовой.

— Ночевать будем здесь. Савлий обихаживает лошадей, Денис и Гнур собираете выброшенный на берег плавун для костерка, а вот спать придется под открытым небом.

Сам отправляюсь обследовать близлежащую территорию.

По берегу реки занялся взятием шлиховых проб. Первая же проба порадовала, притом не тем, что в ней оказались достаточно крупные около 5 мм зернышки пирита, ильменита, а также выделение в осадочных породах изумрудно-зеленого пироксена, что указывает на наличии на расстоянии около километра выше по течению реки кимберлитовой трубки, и даже не сапфир синего цвета весом не менее шестидесяти карат, а присутствием в пробе крупных зерен каменного угля.

Обхожу по берегу холм по петле вверх по течению реки и беру еще одну шлиховую пробу. Количество минералов, сопутствующих алмазам увеличилось, а частицы каменного угля в пробе были уже размером с гальку. Смотрю вверх по течению реки и в ста метрах вижу невысокий холм, скорее поднятие, высотой около трех метров. Подхожу со стороны реки и снимаю лопаткой с берегового откоса верхний слой дерна, а прямо за ним выход на поверхность каменного угля.

"Вот и вопрос, чем топить печки в будущей крепости, решён", — радуюсь про себя.

Настолько обрадовался, что даже не стал искать кимберлитовую трубку, которая должна находиться не дальше двухсот, максимум трехсот метров выше по течению. А направился обследовать холмы вниз по течению реки. Удача и в этот раз не изменила, в трехстах метрах от места стоянки нашел выход известняка, а по берегам реки нашлись небольшие выходы различных глин, в том числе каолиновых.

Стало темнеть, я прекратил дальнейшие изыскания и вернулся на холм к месту стоянки. Ребята уже установили прожектор и приготовили нехитрый ужин. Быстро поев, зажег прожектор и стал подавать короткие сигналы. В этот раз с направлением не ошибся. Буквально через минуту последовали ответные световые вспышки, которые были уже намного ярче, чем в прошлую ночь.

Передача длилась чуть больше обычного. Мне сообщили, что в Усадьбе всё в порядке, как и в Кунгуре, откуда несколько часов назад вернулся шлюп под командованием Михаила. Я сообщил, что веду передачу с места будущей крепостицы, и чтобы нас завтра часа в два-три дня встречали.

Натянув кусок парусины на случай дождя, зачехлив прожектор, распределив ночные дежурства, устроились на ночлег.

С рассветом тронулись домой. По пути делали периодические остановки, на которых на возвышенностях я брал пробы грунта. Изыскал два выхода известняка, по одному мела и асбеста. На пробу набрал в мешки по двадцать килограмм каждого минерала, а угля и мела

— по сорок килограмм.

Подойдя к лесной чаще, через которую нам предстояло пробираться к ожидающих нас шлюпам, обратил внимание на пологий холм высотой около четырех метров, в начале подъема его диаметр был около двухсот метров, на верху достаточно ровная площадка метров пятьдесят в диаметре, от лесной чащи, через которую нам предстоит пробираться, от подножья холма не более десяти метров.

"Хорошее место для форпоста", — отложил себе в памяти.

Пробравшись через чащу, к трём часам мы погрузились в ожидавшие нас шлюпы и через час были дома.

Поднявшись к себе в мезонин у двери обнаружил уже ожидавшего меня вестового Константина, которому поручил оповестить Эвику, Ладу, Николая, Ивана и Михаила, что я жду их после ужина. До ужина за два часа произвел расчеты новой крепостицы. С учетом размера саманных кирпичей в три раза превышающих глиняные, а также учитывая их слабую влагостойкость, получилась в два раза уменьшенная копия Кунгурской крепости, без подвала, с небольшим ледником. Еще до ужина успел произвести расчеты небольшого деревянного форпоста.

Выслушав Эвику и Ладу о ходе переработки урожая, Николая о тренировках и строительстве третьего шлюпа, Ивана о производстве стекла, пороховых и бензиновых гранат и бомб, рассказал о результатах испытаний и разведки местности.

— По результатам испытаний мы можем ночью иметь моментальную двустороннюю связь на расстоянии не менее пятидесяти километрах, при условии точного направления прожекторов друг на друга и отсутствие препятствий для потока света, в виде гор, леса и тому подобному.

— Значит из Кунгура до будущей крепости на сопке выше по течению Сылвы, сигнал не передать? Между ними расстояние больше восьмидесяти километров, — продолжает Михаил.

— Правильно, не передать. А вот из Кунгура передать на Маслёную, а с неё продублировать сигнал на сопку, можно.

— Здорово! — Михаил, удовлетворенно кивает головой.

— На востоке, в 27 километрах, я подобрал место для крепостицы, которая будет защищать возможный оттуда проход врагов. Но древесину и кирпичи из глины подвезти туда проблематично, поэтому строить будем из саманных кирпичей.

— Мы же собирались их использовать при строительстве крепости на Сылве, — с удивлением смотря на меня, напоминает Николай.

— Там достаточно деревьев, придется поработать топором. Строить будем деревянную крепостицу. Но не на сопке, а ещё выше по течению Сылвы, в месте впадения в неё реки Барды. В этом месте крепость закроет путь по Барде вверх к планируемому месту строительства крепостицы на востоке на этой же реке, но значительно выше по её течению. А точное место где строить, разведаем перед концом навигации. А ещё, на всякий случай нам надо построить деревянный форпост, в месте где мы выходим из лесной чащи на луга, там присмотрел небольшой для него холмик.

— Тогда саманные кирпичи из Кунгура надо перевозить в Усадьбу, там осталось чуть больше семи тысяч кирпичей, — заявляет Михаил.

— После осенней вспашки наших полей на двух шлюпах сходим за кирпичами. Михаил, Борис что-нибудь просил привезти?

— Борис просил передать, что в крепости всё в порядке, боевых запасов и запасов питания длительного хранения хватит на год. Только слезно просил привезти ему двух волов, лес расчищать, — отвечает Михаил, имитирую слезный голос и физиономию Бориса.

— После вспашки полей двух волов ему доставим, — улыбаюсь, представив себе слёзно просящего Бориса.

Заканчивая совещание, озадачиваю всех вопросом:

— Подумайте, как обезопасить кладку из саманных кирпичей от излишней влаги, а то мне на ум кроме навеса, ничего не приходит.

С самого утра приступили на шести парах волов к осенней вспашки полей. Я как всегда начинал в утренних сумерках и заканчивал в вечерних, ребяташки пахали по сменно по три часа. Вспахали за десять дней, удобрили пашню как всегда навозом, селитрой, листовенным перегноем.

За это время Иван в своей мастерской изготовил еще два прожектора, один из которых установили на смотровой вышке в Усадьбе, а второй повезем в крепость Кунгур. Прожектор, с которым проводили испытания, остаётся на моём шлюпе.

После вспашки, день посвятил подготовке к походу в городище Арын на реку Иж. В мой и Михаила экипажи беру шестерых кандидатов в матросы, ранее проходивших тренировки на шлюпах. Помимо Гнура, ещё шестилетних Алексея, Андрея, Василия, Анну и Дарью — первых выкупленных мной рабов у старейшин городища Ибыр. Гнур, Анна и Дарья в мой экипаж, остальные три пацана в экипаж Михаила.

4 октября на двух шлюпах, загрузив двух волов и двух кастрированных годовалых бычков, вернее уже годовалых волов, которых весной уже вполне можно использовать как тягловую силу, прихватив припасов, а также немного товара для торговли в городище Арын, пошли в Кунгур.

В Кунгуре помещения крепости полностью просохли и во всю шли отделочные работы. Обрадованный нашему приходу, Борис с гордостью показывал и рассказывал о проделанной работе, а также похвастался баней:

— Володя, кухня, баня и помещения второго этажа над ними полностью отделаны, завтра ребята переедут из срубов на второй этаж, а вот баню вчера опробовали.

— Борис, мы привезли тебе двух обещанный волов, — Борис расплывается довольной улыбкой, — а также двух годовалых волов, пусть у тебя до весны откармливаются, а весной их постепенно можно приучать к работе, а также свежих овощей с фруктами и прожектор для связи ночью азбукой Морзе с наблюдателем на горе Маслёной. Надеюсь азбуку Морзе выучили все.

— Володя, не беспокойся, выучили все ребята, знают, как алфавит и таблицу умножения.

— Сейчас прожектор установим на донжоне, как стемнеет опробуем. Утром мы на шлюпе уходим к городищу Арын, расположенном на притоке Камы реки Иж, на них могут напасть сираки, если получится, то поможем от них защититься. Кирпичи заберем на обратном пути.

После установки прожектора, отправился в лес к вечному огню, прихватив с собой новичков, нагрузив их деревянными ведерками с водой, мылом и ветошью. О том, что я закрыл проход из царства мертвых они знают, но пусть увидят и проникнутся.

Прошёл первым в проём скалы, приподнял защитную шторку — вечный огонь горел. Горел всё также голубым пламенем, паря над лужицей.

— Вечный огонь кто-нибудь хочет посмотреть?

Все естественно захотели, и я по одному стал пропускать к огню ребят, а когда они, насмотревшись, возвращались, каждый из них падал передо мной ниц.

А дальше все вместе стали отмывать стекла и плафон от останков мошек. Мытьё и сушка заняла около часа, и установив зеркала и плафон на место, вместе с ребятами уже в сумерках возвратился в крепость.

На верхнюю площадку донжона поднялись помимо меня и Бориса, все ребята из гарнизона крепости и члены экипажей, за исключением Гнура, Савлия и Дениса, которые остались дежурить на шлюпах. Когда окончательно стемнело увидели на северо-востоке совсем маленькую мигающую точку света. Увидев её, ребята пришли в полный восторг и чуть не стали прыгать от радости. Призвав всех к спокойствию, наведя прожектор на точку света, начал ответную передачу. А затем, передачу азбукой Морзе, продолжил Борис.

Закончив передачу и оправив ребят заниматься текущими делами, а для экипажей шлюпов объявив отбой, продолжил общение с Борисом.

— Борис, а ты не скучаешь по гончарному кругу, может в крепости небольшую гончарную мастерскую поставить?

— Да нет, — ухмыляется Борис, — я уже гончарный круг и печку из оставшихся шамотных кирпичей поставил, — и проводит меня в помещение первого этажа строения, расположенного между западной и южной башнями.

В помещении десять на четыре метра расположилась гончарная мастерская со всеми её атрибутами, но помимо гончарного круга, я обращаю внимание на абразивный круг из твердого песчаника.

— Борис, а что ты обрабатываешь на абразивном круге? — спрашиваю с неподдельным интересом.

Борис, заметив мой интерес, выставляет на столик десяток небольших фигурок животных темно-красного и голубого цветов, выточенных из камня. Беру в руки фигурку зайца голубого цвета и медведя темно красного цвета. Камень, из которых сделаны фигурки — яшма голубая и яшма тёмно-красная. Детали фигурок поражают своей точностью и филигранностью работы.

— Борис! Великолепная работа! Как тебе удалось так обработать камни?

Борис расплывается довольной улыбкой:

— Нашёл в лесу достаточно круглый и плоский камень, обработал его молотком и долотом, получился вот такой абразивный круг, а затем стал вытачивать на нем из этих камней, как ты назвал — яшмы, фигурки, а потом метательным ножиком, постукивая по нему молотком, выдалбливал, высекал и вырезал детали, а дальше шлифовал вначале мелким песком, а потом содой. Вот так и получилось.

— А шахматные фигуры не пробовал из камня вырезать?

— Думал, но не стал, а то Николай может обидится. Его ученики наострились из дерева шахматные фигуры вырезать, одно загляденье, так, что я в свободную минутку зверюшек вырезаю.

Игрой в шахматы заразил ребятшек на второй год попаванства, а с прошлой осени ввел в обязательную школьную программу. Игра в шахматы пожалуй наиболее способствуют развитию мозговой деятельности, логическому мышлению, предвидению, анализу и оценки ситуации на несколько ходов вперед.

Помимо гончарного, у Бориса раскрываются способности резчика по камню, а может еще и ювелирный талант расцветет.

— Борис, а где яшму нашёл?

— Я, когда по берегам глину для раствора подыскивал обратил внимания на эти камни, в одном месте были тёмно-красные, а в другом голубые. По одному стукнул лопатой и в камне образовалась вмятина, вот я и решил попробовать из них фигурки вырезать, — показывает на кучку камней в углу мастерской.

Все камни достаточно крупные от семи до двадцати сантиметров в диаметре.

— Борис, а ты можешь вырезать в небольшом камне для перстня наш герб, чтобы его оттиск на глине или сургуче был выпуклым?

— Могу... — почесав волосы на затылке, отвечает Борис.

— А мой профиль можешь в камне вырезать? — поворачиваю голову к Борису боком.

— Тоже могу, — посмотрев на мой профиль, через минуту отвечает Борис.

— Слова по кругу печати тоже можешь вырезать?

— Могу, — быстро отвечает Борис, уже догадываясь к чему я клоню.

— То есть ты можешь вырезать формы аверса и реверса с текстом на наши монеты?

— Могу.

— Что для упрощения работы тебе нужно?

На минуту задумавшись, Борис начинает перечислять:

— Более тонкие и прочные инструменты из стали: долото нескольких размеров, молоточки, узкие ножики, скребки...

Прерываю Бориса на полуслове:

— Подожди. Борис ты нарисуй нужные инструменты и укажи их размеры, а я подумаю, что мы сможем сделать.

— Хорошо, Володя! А к твоему возвращению, попробую вырезать герб на камне для перстня и формы для монет. А что написать на монетах?

Задумываюсь на несколько секунд:

«Помазанник Божий — нет это христианство, Король Солнце — нет, Рожденный Богами — подходит, но это титул Парфянских царей, а у меня для него есть Аршак, Божественный Король, пожалуй, останавливаюсь на этом титуле».

— На аверсе Владимир I Божественный Король Руссов на русском языке. На реверсе на трех языках — русском, парфянском и на латыни — Королевство Руссов, — на листке бумаги пишу текст на парфянском языке и латыни, передаю Борису.

— На реверсе мелко получится.

Киваю головой, соглашаясь с Борисом и продолжаю:

— Сделай себе из шамотной глины тигли, небольшие мисочки, в которых в печке для небольших объемов можно расплавлять металлы, в том числе золото и серебро, а также возьми для образцов по весу и размерам наши деньги, можешь их переплавить, — передаю Борису десять золотых, двадцать серебряных рублей и горсть серебряных копеек.

А дальше достаю найденный мной сапфир и рисую упрощенную форму огранки багет в форме прямоугольника с четырнадцатью гранями.

— Борис, ты на сапфире сможешь сделать такую огранку?

Борис берет сапфир, внимательно его рассматривает, потом пытается шлифовать его содой, через пять минут смотрит на результат.

— Володя, это крепкий камень, чтобы ему сделать такую огранку, на моём абразивном круге несколько месяцев его точить придётся. Абразивный круг из более крепкого материала нужен.

Вспоминаю про кимберлитовую трубку.

— Это не к спеху. Я попробую найти очень крепкий материал, но это будет не скоро.

Ещё раз поблагодарив Бориса, отправился спать на шлюп.

На следующий день, в предрассветных сумерках, отдав швартовы, на двух шлюпах тронулись в путь. Хотя на дворе 5 октября, но достаточно тепло. Днём температура держится в районе 16–18 градусов, по ночам в районе 10–12 градусов тепла. До осенних обложных дождей еще месяц. Для похода со стороны погоды препятствий нет.

В двадцати километрах, не доходя до реки Иж у небольшого островка встали на ночёвку и утром на восьмой день похода зашли в реку и стали подниматься вверх по течению. Ширина реки Иж около двухсот пятидесяти метров. Поднявшись вверх по течению на три километра, увидели, двигающиеся навстречу десятки набитых людьми долблёнок. Спрашиваю у людей, в проходящих вниз по течению долблёнках, что случилось, а в ответ разногласица криков:

— Сарматы! Сарматы напали! Уходите! Спасайтесь!

«В этот раз похоже мы не опоздали», — проскакивает мысль, а дальше беру рупор и усиленным в несколько раз голосом, команду:

— Боевая тревога! Занять места по боевому расписанию! Второму шлюпу следовать в кильватере в тридцати метрах.

Мой голос громогласно разносится над водами реки. От неожиданности и страха часть удирающих жителей городища Арын перестали грести, уставились на шлюпы, а несколько человек с долблёнок упали в воду. А шлюпы со скоростью пять узлов продолжают идти по центру реки вверх по течению, не обращая внимание на остолбеневших беглецов. По пути увидели севшую на мель галеру, которую, находящиеся на борту, тщетно пытались снять с мели.

За пятнадцать минут, пройдя два километра вышли к городищу. Городище занимало площадь около 6–7 гектар, окружено земляным валом с тыном, из-за которого немногочисленные защитники из луков пускали стрелы в нападающих с севера не менее семисот сиракских всадников, которые устроив карусель на полном скаку, проносясь на расстоянии семидесяти метров от защитного вала с тыном, засыпали защитников стрелами. В трехстах метрах дальше на север, на небольшом холме, высился шатер, перед которым располагались в ожидании еще около трехсот всадником, за которыми, выделяясь яркостью одежды, в окружении пяти всадников, наблюдая за атакой своих воинов, восседал на крупном коне нынешний царь сираков Зорсин VII.

От шлюпов до нападающих сираков около четырехсот метров, до шатра с царем метров семьсот. Отдаю команду:

— Запал максимальный! Расстояние четыреста метров. По центру сираков навесом огонь!

С двух шлюпов одновременно происходит четыре выстрела стреломётов и сразу же идет перезарядка. Через три секунды два взрыва происходят на высоте четырех и шести метров

над всадниками, а еще два на расстоянии сорока метров друг от друга в гуще сираков. А дальше всё заволакивает дымом. Доносится только дикое ржание лошадей.

Командую:

— Расстояние триста пятьдесят метров! Скорректировать запал! Огонь!

Выстрелы происходят одновременно и через три секунды раздается четыре взрыва и дым ещё больше закрывает место побоища.

Шлюпы, не снижая скорости продолжают двигаться на север вверх по течению. Триста всадников во главе с царем пытаются разглядеть происходящие, но из-за дыма им так же, как и нам, не видно. Поэтому продолжаю отдавать команды:

— Расстояние триста метров! Скорректировать запал! Огонь!

После последовавших еще четырех взрывов, из-за пелены дыма в сторону царя, начинают беспорядочно отступать, сначала одиночные, а затем десятки всадников, а также безлошадные воины и мечущиеся без всадников лошади, фактически превращая отступление, в обезумевшее бегство.

На холме в ставке царя сираков началось движение. Царь сираков Зорсин VII, смотря на нас и размахивая мечом, отдает неслышные нам команды, после которых к берегу в нашу сторону поскакало около двухсот всадников.

Дым постепенно рассеивается, и я наблюдаю как от городища в панике бегут на север часть конных, а в основном пеших воинов, в количестве около пятисот пятидесяти человек и сотня лошадей без всадников. Около трех сотен лошадей без всадников, обезумивших от страха галопом удаляются от крепости на восток, а еще около сотни лошадей — на запад и бросаются в реку. За частоколом тына защитников тоже не наблюдается, вижу, как сотня защитников в панике бежит в центр городища. На месте взрывов остаются лежать убитыми и ранеными около ста пятидесяти воинов и сотня лошадей. Часть раненых сираков пытаются отползть на север в сторону нахождения своего царя.

Вслед спасающимся бегством сираков, командую произвести еще один залп. Четыре взрыва раздаются в гуще убегающих воинов.

Шлюпы всё также продолжают двигаться одним галсом на север вверх по течению. Расстояние от приближающимся к нам двумстам всадников от берега составляет четыреста метров, от шлюпов, идущих по середине реки — пятисот двадцать пять метров. До всадников еще большое расстояние, поэтому производим ещё один залп по убегающим воинам. Фактически каждый выстрел одного стреломёта уносит от десяти до двадцати жизней сираков.

С холма отправляется навстречу бегущим в панике воинам оставшаяся сотня конников, которые пытаются остановить спасающихся бегством сираков. Командую производство еще одного залпа по убегающим. Один заряд взрывается над их головами, остальные три на земле практически в центре бегущих и опять место взрывов заволакивает дымом.

Двести всадников галопом приближаются, выстраиваясь в линию в четыре ряда, растянувшись на сто метров, когда до реки конникам остается триста метров, шлюпы переносят огонь на них. Четыре взрыва происходят на расстоянии пятнадцати-двадцати метров практически вплотную к первому ряду всадников. Из-за дыма, результатов взрывов не видно. Выскочив из дымовой завесы, движение вперед продолжает около ста шестидесяти всадников. Когда им до берега остается чуть больше двухсот метров, в их рядах раздается еще четыре взрыва. Скачку галопом продолжают сто двадцать лошадей, десятков из которых без всадников. В восьмидесяти метрах от берега в рядах сираков звучат еще четыре взрыва.

Оставшиеся всадники через несколько секунд выйдут на берег и начнут обстреливать шлюпы из луков. Стрелков стреломётов защищают от стрел повезы, а вот остальных надо с палуб убирать.

Дальше команду:

— Всем, кроме стрелков стреломётов, укрыться в трюме и в каюте.

Палубы мгновенно пустеют, экипажи скрываются в трюмах. Только я и Михаил на своём шлюпе остаемся на палубе управлять парусами, но также прикрытые повезами.

До берега добираются порядка шестидесяти всадников, которые скачут по берегу параллельно, продолжая движение, шлюпов и наскоку обстреливают нас из луков. Стрелы усеивают палубы, но вреда никому не наносят.

Командую:

— Залпом огонь! Дальше стрельба по готовности.

На берегу раздается четыре взрыва, после которых остается только три десятка сираков, при этом на лошадях только пятнадцать человек. Через шесть секунд, после последовавших друг за другом четырех взрывов, от всадников остается только двое, которые прищпорив лошадей галопом пытаются сбежать. Однако, через шесть секунд их настигает выстрел Опис. Из двухсот всадников, осталось только с десятков раненых и сорок лошадей, которые галопом скакали в разные стороны.

Сотне еще боеспособных всадников удастся остановить в ста метрах от холма, на котором остался царь Зорсин VII с пятью телохранителями, бегущих в панике от городища воинов.

Шлюпы продолжают движение и расстояние до холма, на котором находится царь, сократилось до четырехсот метров.

Командую:

— Расстояние четыреста метров. По царю Сираков Зорсину VII залпом, огонь!

Как, что-то почувствовав, царь пытается отъехать со своего места, но ему приходится продирается через лошадей окруживших его телохранителей, и он не успевает. Раздаются четыре взрыва, а когда через тридцать секунд ветром дым развеивается, живых на холме нет, в том числе и царя Зорсин VII.

Увидев гибель царя, сотня всадников пустив лошадей с места в карьер, помчалась на холм. Куда вслед за ними прилетело еще четыре заряда. Усилившийся ветер быстро разогнал дым. Лошади всадников от испуга вставали на дыбы и часть сбросив всадников, помчались в разные стороны. Пока войны приходили в себя, через шесть секунд прозвучало еще четыре взрыва.

Дальше началось паническое бегство. Кто на лошадях, но таких было не больше сотни, остальные, человек триста, на своих двоих, сбрасывая тяжёлую защитную амуницию, оружие, на всех парах уносили ноги на север.

— Расстояние четыреста пятьдесят метров. Быстро удаляющаяся цель. Запал максимальный! Навесом... Залпом огонь!

В этот раз, все заряды разорвались в воздухе, за спинами убежавших, вреда им не причинив, но придав им дополнительное ускорение.

Замечаю стоящих по колени в воде у берега четырех сиракских лошадей, даю команду шлюпам на подход к берегу, а Савлию и Гнуру, взять морковки и попробовать успокоить лошадей, находящихся в полном ступоре. Даже никак не реагирующих, на подход почти к ним вплотную шлюпов. Морковки или навыки, привитых с рождения, сарматских детей

обращения с лошадьми, дали свои результаты. Савлий и Гнур вывели лошадей из воды на берег.

— Семён, остаешься за меня командовать шлюпом, быть в полной боевой готовности, а я с Савлием и Гнуром осмотрим труп царя и его шатер.

Вскочив в седла сиракских лошадей, одну взяв в качестве заводной, все четыре оказались кобылами, рысью направились на холм к царскому шатру. У шатра нашли труп царя Зорсин VII, сняли с него все царские регалии, оружие, доспехи, шапку и халат, а затем отрубил его голову, которую положил в мешок и вместе с мешком с царскими регалиями, приторочил к седлу заводной лошади.

В шатре было по-походному аскетично, вернее в нем ничего не было, за исключением ковра размером два на два метра.

— Может возьмем шатер, — предлагает Савлий, — спать под открытым небом тогда в походах не придётся.

Смотрю на Савлия, который смотрит на меня совершенно невинным взглядом, но при этом явно намекавший на наш последний поход на восток.

— А почему бы и не взять, — с ухмылкой смотрю на Савлия. — Разбирайте шатер и грузите его вместе с ковром на заводную лошадь.

Осмотрев другие трупы мужчин и женщин воинов, выбрал четыре мужских кинжала и два женских с поясами, для Николая, Бориса, Ивана, Михаила, Эвики и Лады. Ребятам также наказал собрать кинжалы с поясами для себя и членов экипажей, в том числе для четырех девочек.

Вернувшись на шлюпы, загрузили четырех кобыл и медленно по течению стали сплавляться к городищу Арын. Пока сплавлялись, вся команда переделалась в парадную одежду. При подходе к городищу, было заметно, что в него возвращаются жители, а наиболее смелые вышли за тын и начали добивать раненых и обдирать трупы сираков, а еще одна небольшая часть ловила бродящих вокруг городища уже более-менее успокоившихся сиракских лошадей.

Я швартую свой шлюп к причальной стенке городища Арын, а шлюп Михаила встает на якорь по центру реки. Только спустили сходни, как к шлюпу подходит группа из шести старейшин, один, явно глава городища либо племени, идет чуть впереди. А за ними на расстоянии пятьдесят метров идут местные жители, которых с каждой минутой становится всё больше и больше.

Подмигиваю Семёну, тот берет рупор, который многократно усиливает его голос и держа за волосы голову царя сираков, начинает вещать на угорском языке:

— В городище Арын на своём корабле прибыл победитель царя Сираков Зорсина VI глава рода Руссов Божественный Король Руссов его величество Владимир I. В знак добрых намерений глава рода Руссов Божественный Король Руссов его величество Владимир I дарит городищу Арын голову их врага царя Сираков Зорсина VII, — и протягивает голову царя в сторону старейшин.

А в ответ тишина, никто подниматься по сходням и забирать отсеченную голову не торопится.

"Похоже старейшины еще не осознали, что произошло. Звук взрывов в городище, с учетом расстояния до их места, были не такие и громкие, места взрывов заволакивало дымом. Ну, привезли мы голову царя, и, что, их же воины из-за тына тоже стрелы пускали. Понятно, атака уже отбита, враг бежал и прогибаться передо мной старейшинам гордость не

позволяет, да и свой авторитет перед жителями терять не хотят. Ждут, чтобы мы спустились и преподнесли им голову. Нет братцы аборигены, так не пойдет. Придется ломать вас через колено» — мгновенно анализирую в мозгу сложившуюся ситуацию.

А Семён, выждав паузу:

— Держите подарок, — и бросает отрубленную голову прямо к ногам главе старейшин.

Глава старейшин на упавшую голову к его ногам, никак не реагирует, а двое старейшин за его спиной, начинают разворачиваться, намереваясь уйти.

Через соломинку набираю в рот из фляжки, спрятанной под одеждой за плечом, керосин, беру факел и запуская в сторону старейшин в паре метров над их головами шестиметровую огненную струю, а в это же время с двух шлюпов в воздух из пращи, запускаются четыре бензиновых бомбы с небольшим порохом зарядом, которые взрываются на тридцатиметровой высоте над городищем, образуя огромные огненные шары с протуберанцами.

Все присутствующие, в том числе старейшины, падают со страха на землю, при этом глава старейшин падает лицом прямо в отрубленную голову царя сираков. Дальнейшего развития событий ждать не стал:

«Позже сами приползут, а нам еще с базой сираков разбираться», — злорадствую про себя, а в слух команду:

— Отдать швартовы! Поднять паруса!

Шлюп медленно отваливает от причальной стенки и поймав парусами ветер, набирая скорость, идет вниз по течению. Смотрю на удаляющееся городище Арын, и всё еще стоящего на коленях главу старейшин, который ошалевшими от страха и ужаса глазами смотрит на меня. Через пару минут наблюдаю как к старейшине подбегает шаман, не сложно его идентифицировать по специфической одежде, маске на лице, колотушке и бубну, которой начинает что-то говорить старейшине, активно жестикулируя руками.

Медленно продвигаемся по течению вниз по реке Иж. Галеры на месте её посадки на мель нет, видимо экипажу удалось сняться с мели и галера ушла в Каму.

Выходим в Каму, а дальше на всех парусах идем вверх по течению. Нужно успеть раньше сбежавших сираков, прийти к их базе на реке Сюзьва.

Через пять суток в первой половине дня, входим в реку Сюзьву и медленно поднимаемся вверх по течению. Останавливаемся у берега, с ранее облюбованного мной дерева, осматриваю окрестности. База сираков не изменилась, всё также окружена валом с тыном. На берегу реки, вытащенные на пляж, находятся около двадцати долблёнок. В самом поселении наблюдаю не более двадцати мужчин и женщин, занимающихся повседневными делами.

Возвращаюсь на шлюп и отдаю команду на атаку. Идем со скоростью пять узлов. Приблизившись на расстояние в четыреста метров, начинаем обстрел из стреломётов. Поселение заволакивает дымом, шлюпы продолжают движение, стреломёты через каждые шесть секунд дают залп. Приблизившись на расстояние в пятьдесят метров, но что происходит в поселении из-за дыма не видно, поэтому прекращаем стрельбу из стреломётов. Каждый член экипажа из пращи закидывает в поселение по две гранаты. Грохот от взрывов стоит невероятный. Шлюпы подходят вплотную к берегу.

— Прекратить огонь! Всем укрыться! Ждем, когда рассеется дым.

Через пару минут порохом дым рассеивается. Живых в поселении не наблюдается, все шалаши и шатры сметены. Все, за исключением стрелков стреломётов, высаживаемся на берег и разбившись на двойки начинаем зачистку территории. По поселению бегают

курицы, вырвавшиеся из разбитого курятника. На открытых площадках, шалашах и землянках насчитываем девятнадцать убитых и двух раненых, мужчину, которого сразу добиваем, а в землянке молодую, лет шестнадцати, женщину, которая прижимает к себе плачущего десятимесячного мальчика.

Женщина хорошо и богата одета, на голове золотой обруч с золотыми подвесками, такие же подвески на шее, надетый на ней халат прошит золотыми нитями, пояс также отделан золотыми подвесками.

Кто она уже понятно, но на всякий случай уточняю на сарматском языке:

— Ты кто?

— Жена царя Зорсина VII, — слабым и тихим голосом, который чуть слышно, отвечает женщина.

— Чей ребенок и как его зовут?

— Зорсин, сын царя... — совсем тихо отвечает, пытается еще, что-то сказать, но сил ей не хватает, и она умирает.

Беру мальчика на руки, осматриваю, каких-либо ранений и повреждений на нём нет. На шее висит амулет. Амулет из метеоритного железа, такой же, как мне подарил перед смертью старый царь сираков Зорсин VI, только в два раза меньше.

Быстро в уме анализирую происшедшее:

«На Зорсине VII амулета не было, значит он одел свой амулет на шею своего сына. Мать ребенка выглядела как царица, на ребенке амулет власти и принадлежности как минимум к наследнику царя. Такие амулеты на дороге не валяются, их единицы. Малыша надо забирать с собой. Только имя пока дадим ему другое. В отличие от Аршака, который знал своё имя, данное ему его матерью и вряд ли бы он принял другое, имя этого малыша есть возможность сохранить в полной тайне. А лет через пятнадцать, если карты сложатся, раскрою ему тайну его рождения».

Снимаю с женщины все царские украшения, а с малыша амулет, выхожу из землянки с мальчиком на руках и передаю его Анне.

— Анна, этого малыша забираем с собой, в пути ты о нем с Дарьей будете заботиться. Зовут мальчика Скил, что на сарматском языке значит сокол.

Анна берет малыша на руки и вместе с Дарьей возвращаются на шлюп.

Дальше осматриваю останки царского шатра. В отличие от походного, в этом шатре было чем поживиться. В шатре находилось три сундука, обитых бронзой. В одном, на две трети заполненном содержались крупные не обработанные рубины, сапфиры, алмазы, самоцветы и гранаты, а также с десятков камней из агата, аметиста и сардоникса. Два других были доверху заполнены римскими золотыми ауреусами. Собрав оружие, два меча с ножнами инкрустированными необработанными драгоценными и полудрагоценными камнями, такие же кинжалы, царскую одежду, ковер, а также серебряные кувшины, тарелки, кубки, которые с сундуками с помощью ребят экипажа перенес на шлюп.

В поселении также обнаружили ямы хранилища, заполненные зерном, но его брать не стали. Выйдя на земляной вал, осмотрел близлежащие окрестности. Невдалеке на лугу паслись около полусотни волов, с сотню коров и отара овец. Лошадей не было. Скорее всего после начала обстрела, пастух табун лошадей увел. Поручил Савлию и Гнуру выбрать одну, желательно стельную корову и пару крепких молодых волов и погрузить на шлюп.

Сам же пошел осматривать странную конструкцию, похожую на поставленные друг на друга ящики, расположенную в ста метрах от поселения.

При ближайшем рассмотрении, ящики оказались деревянными клетками, в которых содержалось более сотни кроликов. Чему несравнимо больше порадовался, чем золоту и драгоценным камням.

«Сарматы кроликов привезли с собой, они водятся сейчас только на юге, римляне стали их выращивать пару веков назад. Вот и есть теперь чем заняться в Кунгуре, будет там кроличья ферма. Мясо и мех в одном флаконе», — ухмыльнулся про себя.

— Забираем кроликов, десять самцов и двадцать самок, только смотрите, чтобы самцы с самками в разных клетках находились, — обращаюсь к следовавшим за мной Аршаку, Раксу, Алексею, Андрею и Василию.

— А почему не всех? — задается вопросом Аршак.

— После разгрома у городища Арын и гибели их царя, а также сегодняшнего нападения на их поселение, сиракам трудно будет выжить. Часть из них разобьются на мелкие группы, будут нападать на мелкие поселения и в конечном итоге будут уничтожены, а часть может осесть и заняться скотоводством и земледелием. Не будем их лишать шанса на выживание.

На пляже выбрали себе две небольшие долблёнки, которые погрузили на шлюпы. Оставили сиракам на пляже пять долблёнок, остальные столкнули в реку и пустили вниз по течению.

Загрузив кроликов, двух волов, стельную корову и десяток тушек убитых куриц на шлюпы, пошли домой. В пути приключений больше не было. Взяв на борт своего шлюпа всех новичков, нещадно их гонял, доводя до автоматизма подъем и спуск парусов, смену галса, лавирование, повороты. Новичками остался доволен. Будет из кого набирать экипаж на третий шлюп. Малыш также хлопот не доставлял. Помимо молока, с удовольствием ел кукурузные хлопья с молоком, куриный бульон и кусочки мяса отварной курицы.

Через четыре дня шлюпы пришли в Кунгур. В Кунгуре гарнизон во главе с Борисом с радостью нас встретил. Члены экипажей наперебой стали рассказывать о наших приключениях, довольно их приукрашивая. Пришлось мне их прерывать и вкратце рассказывать о произошедших событиях.

Передав гарнизону клетки с кроликами и разъяснив как их обихаживать, поручил сделать еще пару десятков клеток для приплода. Экипажи и часть ребят гарнизона занялись погрузкой саманных кирпичей на шлюпы. А я и Борис прошли в его мастерскую.

— Борис, список необходимый тебе инструментов подготовил?

Борис кивает и передает мне список:

— Володя, если это сложно, то сделай то, что попроще, — твердит Борис, но с надеждой смотрит мне в глаза.

Читаю список и приложенные рисунки с размерами:

— Борис, я попробую сделать эти инструменты, но не обещаю сделать их быстро.

Борис с благодарностью кланяется и передает мне перстень из огранённой темно-красной яшмы с инталией в золотой оправе. Беру перстень, одеваю на средний палец и прикладываю его к глине, находящейся на гончарном круге. Выпуклый оттиск печати поражает своей точностью изображения двуглавого орла. На оттиске отпечатались все детали, вплоть до клювов, глаз, хохолок, перьев крыльев, даже когти на орлиных лапах.

— Борис! Ты молодец! Как тебе удалось с такой точностью вырезать, да притом еще и перевернутый оттиск?

— Да я не знаю. Как-то само получается. Вот с огранкой намного тяжелее идет. Долго камень приходится точить.

— С абразивным диском я вопрос в ближайшее время решу, будешь точить любой камень. А с монетами что-нибудь получилось?

— С золотым и серебряным рублем проблем вообще не возникло, а вот с копейкой не просто, она маленькая и всё на нее не поместить, поэтому я сделал два варианта, — Борис передает мне четыре монеты.

Первой рассматриваю золотую монету. На аверсе четкий и детальный мой выпуклый профиль и настолько похожий, прямо отражение в зеркале, а также надпись по нижней половине кромки диаметра — Божественный Король Руссов Владимир I. На реверсе выпуклый герб двуглавый орел, а по кромке надписи на латыни, русском и парфянском языках — Королевство Руссов.

Перевожу взгляд на Бориса и не скрываю своего восхищения. А Борис расплывается в улыбке.

— Володя, эта монета самая простая.

Дальше разглядываю серебряный рубль 2,5 сантиметра в диаметре. На аверсе такой же, как и на золотой монете, мой профиль и мой титул с именем. На реверсе по кромке диаметра те же надписи на трех языках. По центру арабская цифра 1, ниже надпись на русском языке в две строчки — один рубль. Справа от единицы герб двуглавый орел в четыре раза меньше по размеру чем на золотой монете, а слева медведь с короной над ним.

Смотрю вновь на Бориса, а тот только улыбается.

Затем вглядываюсь в серебряную копейку диаметром 1,5 сантиметра. На аверсе только мой профиль, на реверсе по верхнему краю диаметра надпись на русском языке одна копейка, по нижнему краю диаметра надпись тоже на русском языке Королевство Руссов. В верхней части небольшая арабская цифра 1, а ниже её маленький герб двуглавый орел, такого же размера, как и на серебряном рубле.

А на второй копейке на аверсе маленький герб двуглавый орел, а по нижней кромке диаметра надпись на русском языке Королевство Руссов. На реверсе по левой стороне кромки диаметра надпись на латыни, а по правой на парфянском языке — Королевство Руссов. В центре вверху небольшая арабская цифра 1, а под ней на русском языке в две строчки одна копейка, притом слово копейка написана полукругом чуть выше нижней кромки диаметра.

Опять смотрю на Бориса, а Борис, как бы извиняющимся тоном:

— Володя, монетка маленькая, все не поместить, тебе решать какая лучше.

Глядя на копейки, задумываюсь:

«Конечно мой профиль на монете, поднимает её ценность и мой статус, только цари и императоры достойны быть изображенными на монетах. Но с другой, уже можно начинать популяризировать королевство у сильных мира сего — Рима и Персии, поэтому надписи на латыни и парфянском языке более важны. Пока торговля фактически завязана только на Куруше, а если на него нападут, вся торговля пойдет тогда прахом».

— Борис, моего профиля хватит и на двух монетах, оставляем копейку с гербом на аверсе. А по весу как?

— Хорошо. Вес монет тот же. Золотой восемь грамм, рубль двенадцать грамм серебра, копейка три грамма серебра.

— Борис, а на сколько монет для одновременной штамповки у тебя рассчитаны формы?

— Сейчас формы только одна для каждой монеты, но можно попробовать на заливку и штамповку одновременно до десяти форм. Больше вряд ли получится, слишком громоздко

будет, а оптимально на девять монет одновременно по три в ряд.

Время общения с Борисом пролетело незаметно, уже стало темнеть. Оставил Борису в мастерской двести золотых старого образца, а также серебряные рубли, копейки и серебряные изделия из поселения сираков, вместе с ним поднялся на северную башню — донжон и стал готовится к передаче с наблюдателями на Маслѐнной горе. Через десять минут после наступления полной темноты, начали передачу, сообщив, что со мной, экипажами шлюпов всё в порядке и завтра к вечеру придѐм в Усадьбу.

Утром, попрощавшись с Борисом, сообщив, что через две недели привезу новую смену, поднялся на борт. Управление шлюпом передал Семѐну и отдав швартовы шлюпы пошли по реке Шакве в Усадьбу. Семѐн первый кандидат на командование третьим шлюпом. Аршак не хуже, но пока надежнее держать его при себе в целях его безопасности. Шлюп всё-таки самостоятельная боевая единица, мало ли, что может случиться, а Аршаку нужно учиться управлять не только шлюпом.

Сам же, получив свободное время, занялся расчетами и чертежами оборудования и инструментов для ювелирной мастерской. Открывшийся талант Бориса, надо использовать на полную катушку, тем более, что это ему нравится. Огранки драгоценных камней в мире сейчас нет, за исключением округлой формы полудрагоценных камней, легких в обработке. А огранѐнные сапфиры, рубины, изумруды и естественно бриллианты, в Риме и Персии пойдут на ура, с руками отрывать будут.

В вечерних сумерках 23 октября пришли в Усадьбу.

После ужина, старички собрались у меня в мезонине. Ребята рассказали о текущих делах, о переработки урожая, о сборе лесных ягод и грибов, а также запасах на зиму. Результаты порадовали, прирост, как и сбор урожая, более двадцати процентов. Я же сообщил о нашем походе и уничтожении более половины сираков, их царя и разгроме поселения, а также о встречи со старейшинами в городище Арын.

— Володя, а почему ты не убил старейшин? — возмущенный от услышанного, спрашивает Николай.

— В городище Арын живет в общем-то мирное племя, у которого за вековую историю сложились определенные взаимоотношения и свой уклад жизни. Старейшины и глава племени для них высшая власть на земле, а старейшинам проще погибнуть, чем признать власть другого племени над собой. Им надо время, чтобы понять, что сила Божественного Короля Руссов намного сильнее и от них не требуется рабского мне подчинения, а признания за Королевством Руссов лишь права главного среди равных. Сегодня наша цель наладить с ними свободную торговлю без взимания с нас мыта. Они просто еще не осознали, что мы их спасли от полного уничтожения. Думаю, по весне, когда о нас дойдет информация до всех поселений в районе рек Камы и Волги, они сами придут в Кунгур просить с ними торговать и дружить.

Выждав пару минут, чтобы старички уяснили мой монолог, выкладываю на стол, изготовленных Борисом, каменных зверюшек — волка, зайца, медведя, лося и белки, а также перстень инталию с вырезанным гербом. Делаю оттиск печати на небольшом комке глины, принесенным с собой.

Пока ребята рассматривают зверушек, обращаюсь к Николаю:

— Николай, у Бориса открылся талант резчика по камню. Сделай для него деревянные тески с верстаком и деревянные ручные зажимы-держатели, которые ты используешь в столярной мастерской для обработки мелких деталей. За неделю справишься?

— Сложного ничего нет, сделаю даже быстрее, — Николай берет в руки перстень и осматривает оттиск на глине, — здорово, как же Борису удалось это вырезать?

Эвика с Ладой, тоже не отстают, вертят в руках каменных зверушек, издают восхищенные вздохи и ахи, насмотревшись Эвика оглашает вердикт всех старичков:

— Володя, передай Борису, что зверушки очень красивые и выглядят как живые.

— Обязательно передам, а вот как он их сделал, он ответил мне, что и сам не знает, просто вырезает в камне, что ему видится и получает от своей работы удовольствие.

Сделав паузу, продолжаю:

— Иван и Эвика, Борису постоянно приходится работать с горячими заготовками, чтобы он не обжигал руки, как, впрочем, и ты Иван, подумайте, как вытянуть нити и сшить, поверх кожаных, перчатки из этого материала, — передаю им пластичные куски асбеста, подобранного мной из его выхода на поверхность, во время разведки восточного направления.

А дальше обращаюсь к Ладе и Эвике:

— Заберите у Анны с Дарьей, привезенного малыша, зовут его Скил, а то они с ним только сюсюкаются, избалуют малыша, а из него надо вырастить сурового воина, не хуже, чем Михаила, — услышав мои слова, Михаил задрал подбородок и пытается придать своему лицу суровый воинственный вид.

Я и все старички, посмотрев на Михаила, прыснули от хохота.

Отсмеявшись, продолжаю:

— Через две недели пойду на шлюпе с новой сменой для гарнизона в Кунгур, до этого засяду в кузнице и мастерской, нужно изготовить для Бориса оборудование и инструменты. За это время Михаил с парой-тройкой ребяташек отправляется на добычу уток, а то они скоро улетят на юг. Олег, на тебе загонная охота, пойдете на двух шлюпах. После охоты шлюп Михаила вытаскиваем на берег и начинаем заниматься кренгованием. После моего возвращения, мой шлюп также ставим на стапеля на кренгование.

Заканчивая совещание, рассказываю о специализации Кунгура:

— В Кунгуре по мимо ювелирной мастерской Бориса, ещё будет кроличья ферма.

— А кролики это, что за зверь, — как всегда задумчиво нахмутив лобик, спрашивает Лада.

— Кролики живут далеко на юге, похожи на зайцев и у них вкусное мясо, а также теплый мех. Они очень быстро размножаются. Для работы на этой ферме потребуется еще пару человек, поэтому в следующей смене в Кунгур отправляются до конца декабря двенадцать человек. Да, чуть не забыл, Олег утром посмотрим где зимой вырубать просеки.

Олег кивает головой, и все расходятся.

На следующий день, после тренировки и завтрака, с Олегом направился размечать просеку под будущие дороги. Первое направление выбрал на север до болот, а затем по краю

болота. И лес тут хороший для нужд усадьбы и дорога нужна для более удобной доставки болотной руды, да и в будущем для торфа, а то слишком много древесины идет на сжигание в печках. Торф конечно для жилых помещений не очень подойдёт, так как при сжигании имеет не сильный, но всё-таки запах, а вот как топливо в части мастерских, будет самое то. Всего наметили под зимнюю вырубку северную просеку длиной пятнадцать километров и шириной двадцать метров. Вторую просеку также шириной в двадцать метров, разметил вдоль левого берега Ольховки вверх по её течению, а потом по лесной чаще, в направлении к будущему форпосту. Вторая просека получается в длину почти четырнадцать километров.

А затем на двенадцать дней безвылазно засел в кузнице и мастерской.

Для начала отобрал из сундука сираков шесть из двадцати трех наиболее некрасивых алмазов и два из отобранных, стал молотком тупо колоть. Алмаз конечно самый крепкий минерал на Земле и поцарапать его невозможно, ну только другим алмазом, а вот расколоть и разбить его легко.

Отобрал пару десятков сколов с острой гранью. Выковал двадцать стержней диаметром от двух до четырех миллиметров с пазами на одном конце, после чего в пазы вставил осколки алмаза и с помощью тисков и клещей накрепко зажал. Вот и получил двадцать алмазных резцов. Позвал, оставшегося за дверью кузницы Константина, своего вестового, передал ему двадцать резцов, велел отнести Николаю, чтобы тот сделал для них деревянные рукоятки. Наказал по готовности пары штук, с ними возвращаться ко мне. Ещё нарисовал эскиз маски со стеклом и кожаным обручем для крепления на голове, для защиты глаз и лица, по типу, одеваемой сварщиками, который также через Константина, передал Ивану, для изготовления.

Далее выковал по десятку заготовок для плоских и круглых надфилей, долото, стамесок маленьких размеров от одного до пяти миллиметров в диаметре, небольших молоточков, клещей, плоскогубцев и круглогубцев.

Прибежавший Константин принес от Олега два полностью готовых алмазных резца.

— Константин, один резец отнеси Ивану, пусть он попробует разрезать стекло и если готова маска, возвращайся с ней.

Сам же стал наносить резцом насечки на заготовку надфиля. Только закончил, как Константин приносит стеклянную защитную маску, изготовленную Иваном, а ещё через пятнадцать минут в кузницу влетает весь взъерошенный, с выпученными глазами Иван.

— Володя! Это просто чудо! Я легким нажатием твоим резцом ровно разрезал стекло. Что это?

— Это маленькая частичка алмаза, самого крепкого минерала. Им можно разрезать почти всё. А алмазы мы взяли в качестве трофеев у сираков.

— А от... — Иван, не договорив, бухается на колени, — Володя, ты же сын богов, ты всё знаешь!

«Черт, опять прокололся. Ну откуда я знаю про алмазы — только от Богов», — мысленно обругал себя.

Поднимаю Ивана, и он, постоянно кланяясь, задом выходит из кузницы.

— Константин, больше никого ко мне не пускай, — кричу вестовому, стоящему за дверью.

Закончив с надфилями, слышу за дверью шум и голоса.

— Да не могу я пустить, Володя приказал, чтобы его никто не беспокоил, — за дверью слышу голос Константина.

— Время уже сколько, а он с утра ничего не ел, — это уже Эвика.

За окном уже темнота, смотрю на часы — двадцать три часа. Выхожу из кузницы. Оба смотрят на меня.

— Эвика, спасибо за ужин, — забираю у неё поднос, накрытый полотенцем. — Константин, ты свободен. Эвика, отведи его на кухню, он тоже целый день ничего не ел.

Закрываю дверь, скрываясь в кузнице.

Пужинав, принесенной Эвикой, копченой утятиной и выпив кувшин клюквенного морса, вновь принялся за работу. Расколотые части алмазов стал долбить до минимально возможных сколов. Закончил в три часа ночи и тут же в кузнице на тьюфяке завалился спать.

Проснулся в шесть утра от петушиного ку-ка-ре-ку. Рядом на табуретки стоял поднос с завтраком, накрытый полотенцем. С удовольствием позавтракал двумя вареными яйцами, бутербродами с колбасой, сыром с маслом и еще теплым хлебом, запил яблочно-вишневым компотом, после чего продолжил работать.

В таком режиме работал еще одиннадцать дней.

За это время на основе механизма швейной машинки смастерил абразивно-шлифовальный станок с приводом от ножной педали со сменными дисками. После чего выковал холодной ковкой один стальной диск диаметром десять сантиметров, который раскалил в горне и методом напыления покрыл мелко сколотыми алмазными частицами, получив абразивный диск с крупнозернистым алмазным покрытием. А дальше, оставшиеся из ранее отобранных, два алмаза сточил до алмазной крошки, а еще два сточил вплоть до алмазной пыли.

Дальше выковал холодной ковкой двадцать стальных дисков диаметром от десяти до двадцати сантиметров, из которых двенадцать также раскалил в горне и методом напыления покрыл абразивным покрытием, от крупнозернистой алмазной крошки до алмазной пыли, при этом на двух дисках сделал двустороннее напыление, остальные восемь дисков будут шлифовальными с зажимами для крепления различных полировочных материй и материалов. Таким же образом напылил половину надфилей и режущих инструментов. Дисков и инструментов сделал с запасом, половина отправиться в Кунгур Борису, а вторая половина остается в мастерской, наверняка они и в Усадьбе понадобятся, тому же Ивану.

А самым сложным оказалось создание бензиновой горелки с ножными мехами для подачи бензовоздушной смеси, на которую пришлось потратить из оставшихся двух метров, метр медной трубки, а форсунку сделать из фитингов.

В процессе работы, пришлось отвлекаться на получение, изготовленных Эвикой и Иваном перчаток с асбестовой защитой.

Всё это время Эвика приносила мне еду в кузницу, а Константин весь световой день караулил у двери, чтобы меня никто не беспокоил. После завершения работы сразу же направился в баню, где с огромным удовольствием попарился, сделав в парилку три захода. А затем с аппетитом умял две порции обеда и повел старичков в кузницу и мастерскую на экскурсию, продемонстрировать абразивно-шлифовальный станок и бензиновую горелку.

Перед демонстрацией отдел стеклянную защитную маску и перчатки, а зрителей попросил ближе трех метров не подходить. Демонстрацию начал с абразивно-шлифовального станка. Зажав в тисках гранитный камень около восьми сантиметров в диаметре, распилил его пополам с помощью диска с двусторонним алмазным напылением. В месте распила у двух половинок камня получилась гладкая матовая поверхность с хорошо просматриваемым хаотично расположенным рисунком черного и темно вишневого цвета.

Старички замороженно смотрели на весь процесс распиловки, не проронив ни слова. А когда увидели результат и совершенно гладкие поверхности камня на месте распила у всех вырвались удивленно-восхищенные восклицания. А когда я бензиновой горелкой разрезал ручку старой, одно из первых мной выкованных железных изделий, кочерги, а потом её приварил, кузницу наполнил восторженный гул.

8 ноября в предрассветных сумерках отправился на шлюпе в Кунгур. На борту смена гарнизона крепости в количестве двенадцати человек, восьми пацанов и четырех девочек, помимо моего экипажа, шесть кандидатов в экипаж третьего шлюпа, а также оборудование и инструменты для ювелирной мастерской, полный трюм продуктов и кормов для скота и кроликов, а также боевой запас.

До Кунгура добирались два дня. Световой день короткий, небо постоянно затянуто тучами, за всё время пути шли обложные дожди. В общем отличная погода для тренировки. В Кунгур пришли к обеду, гарнизон обрадовался нашему приходу и с энтузиазмом принялся помогать разгружать шлюп. Но больше всех обрадовался Борис, когда в его мастерскую принесли оборудование и инструменты.

Прежде чем изучать привезенные оборудование и инструменты, Борис отчитался по работе первой смены защитников крепости. Происшествий не случилось и ни одного человека рядом с крепостью они не видели. Полностью обустроены двухэтажные строения между северной и западной башнями с помещениями кухни и бани, а на втором этаже жилыми комнатами; строение между западной и южной башнями, со съездом в подвалы, мастерскими слесарной, ювелирной и гончарной и второго этажа, пока пустующего; между южной и восточной воротной башнями с конюшней и скотным двором с хранилищем сена и силоса на втором этаже, а также восточная воротная башня и донжон. Осталось обустраивать казармы, западную и южные башни. А также начали потихоньку на волах расчистку леса от бурелома и запустили лесопилку на конной тяге.

Затем Борис демонстрирует новые монеты:

— Володя, из двухсот золотых монет получилось 196 новых и одна весом в два грамма, которую я отштамповал по отвергнутой тобой форме копейки, но на реверсе, вместо копейки, отштамповал наш герб. Часть золота испарилось при переплавке.

Киваю, соглашаясь с Борисом и рассматриваю маленькую в полтора сантиметра диаметром золотую монетку, а Борис продолжает:

— Также изготовил двести серебряных рублей и триста копеек. А еще перстень с огранкой багет из яшмы голубого цвета с вырезанным медведем с короной, как ты называешь — инталией.

Сделав оттиск на комке глины, Борис передал мне перстень инталию. Перстень поражал своей филигранностью.

— Борис, этот перстень у тебя получился намного лучше предыдущего. А вот с привезённым мной оборудованием и инструментами, следующие твои работы будут ещё изящнее.

Распаковываю оборудование и инструменты. Борис смотрит на них, но вымолвить не может ни одного слова, от волнения и одновременно восторга у него даже на глазах навернулись слёзы. Также передал Борису пятнадцать различных драгоценных камней из трофейного сундука сираков и мои рисунки с эскизами их различной огранки.

Но сразу опробовать оборудование и инструменты не получилось. Ребята закончили разгрузку шлюпа, и Борис повел новую смену гарнизона знакомиться с крепостью.

Я же отправился в лес проверить вечный огонь. Огонь горел, высота пламени и интенсивность горения осталась на прежнем уровне. Зеркала и плафон были чистыми — ноябрь, время мошек прошло. Ночные температуры уже приближаются к нулевой отметке.

Вернувшись к крепости, осмотрел кроличью ферму, которую разместили в деревянных конюшне и скотном дворе. Четырех коров, двух лошадей и четырех волов переселили в конюшню крепости. У крольчих в полные рост идет окрол. У как минимум восьми крольчих, родилось по восемь-десять крольчат. Беременность у крольчих длится в районе месяца. Если окрол будет продолжаться такими темпами, то беспокоиться о мясном рационе ребят в крепости не придется.

После ужина, старожилы продолжают знакомить вновь прибывшую смену с крепостью, а я показываю Борису как пользоваться оборудованием. Борис схватывает налету. Уже через час он самостоятельно бензиновой горелкой начинает плавить в тиглях, привезённые мной золотой песок, а как работает абразивно-шлифовальных станок он понял практически мгновенно.

Когда полностью стемнело, связался по прожекторной связи с Маслёной горой, сообщив наблюдателю, что с утра ориентировочно на четыре дня иду на шлюпе разведывать новое место для крепостицы в районе впадении реки Барда в реку Сылву.

В предрассветных сумерках, отдав швартовы, на шлюпе пошли вверх по Сылве. Этот поход очень хорош для тренировки новичков, а особенно для будущего капитана Семёна, которому необходимо тренироваться ходить по незнакомым водам. Путь, с учетом короткого светового дня, занял полные два дня и только в наступающих сумерках мы пристали к острову, находящемуся в ста метрах от правого берега Сылвы, практически в месте впадения в неё реки Барда.

Остров поднимался над уровнем воды в реке Сылве на двенадцать — тринадцать метров, вытянувшись вдоль русла Сылвы на пятьсот метров и имел ширину не более ста метров, фактически закрыв собой вход в реку Барда. Если на острове ставить крепостицу, то вход в реку Барду и путь вниз по течению реки Сылвы, будет полностью нами перекрыть.

Берега острова отвесные, пришлось мне карабкаться и закреплять наверху веревки, по которым поднялись новички и мой экипаж, за исключением Семёна, Оре и Опис, оставшихся на шлюпе. На веревках последним подняли прожектор.

Уже в полной темноте установили на острове прожектор и стали подавать короткие световые сигналы в направлении северо-северо-запад, меняя через каждые три минуты направление на один градус. Расстояние до Маслёной горы почти предельное, минимум пятьдесят километров по прямой. Через десять минут наш сигнал с Маслёной горы заметили, мы увидели мало заметную мигающую светлую точку. Хотя точка малюсенькая, для обмена сообщениями это препятствием не стало. Зачехлив прожектор, приготовили на костре нехитрый ужин, после которого на ночёвку устроились на шлюпе.

Утром первый час светового дня посвятил обследованию острова. Остров состоит из скальной гранитной породы, с небольшим слоем почвы не превышающего одного метра. В южной части небольшой мыс с ровной площадкой, пятьдесят на пятьдесят метров, заросшей мелким кустарником. Расстояние от мыса острова до правого берега Сылвы около ста метров, до левого берега около ста пятидесяти метров. От мыса на север острова произрастает лиственный лес, в основном береза, осина, рябина. Через сто — сто пятьдесят метров лиственный лес сменяется на хвойный, в основном ель с вкраплениями лиственницы и сосны. В общем леса на самом острове сверх достаточно для строительства крепости.

Северная оконечность острова подмывается водами реки Баррда, которые своим напором стремятся пробить более широкий проход в Сылву. Подножье острова в этом месте завалена расколотой скальной породой. Все усеяно гранитными камнями от мелких в несколько сот грамм весом, до огромных монолитов, весом в несколько тонн. Думаю, лет через двести-триста с северной стороны остров уменьшится метров на сто.

После осмотра острова пошли обратно в Кунгур. Управление шлюпом полностью возложил на Семёна, сам же занялся анализом текущей ситуации и планированием дальнейшего развития племени на ближайшую перспективу.

Сельское хозяйство, тут на сегодняшний день всё в порядке. За счет постоянного удобрения почвы навозом, селитрой, перегноем, сидерацией и севообороту, урожаи растут и это еще не предел, при этом запасы зерна и картошки только умножаются. Молока с переизбытком, что коровьего, что козьего, последнее полностью идет на сыроварение и половина коровьего. Питание у ребятишек сбалансированное — мясо утки, курицы, косули, а скоро будет и крольчатина, рыба, яйца, молочная продукция, овощи, фрукты и ягоды, не считая различных зерновых каш. Так, что вопрос о нехватке питания не стоит и в ближайшие как минимум пять лет стоять не будет.

За счет сбалансированного питания иммунитет у ребятишек только растет, а постоянные тренировки и закаливание, строжайшее соблюдение гигиены и питьё только кипячёной воды, привело к тому, что дети не болеют, даже малейшего признака простуды ни у кого не было. А ремесленное и боевое обучение, а также школьное, в том числе трех языков — русского, угорского и сарматского, и игра в шахматы, которую стал культивировать год назад, развивает у них умственные способности и раскрываются их таланты.

Переработка древесины. То, что можно сделать кустарным способом, выжил всё. Дальше только экстенсивное развитие.

Переработка болотной руды. Тут тоже всё. Выше деревенской кузницы мне сейчас не прыгнуть. Хотя и могу выплавлять из кричного железа даже высокоуглеродистую сталь в её нижних границах, но выход её небольшой, максимум за раз на лист в размере А4, да и производство за счёт последующей холоднойковки, слишком времени затратное. Для выплавки стали, да того же чугуна, нужна как минимум домна, а мне до неё как до луны. Так, что впереди тоже экстенсивное развитие и то, после того, как ребятишки подрастут. На путь интенсивного развития можно встать не раньше чем через десять — пятнадцать лет, хотя для него сырьё всё уже есть, от железной до марганцевой и прочих руд, каменного угля,

шамотные кирпичи и прочее, но возраст ребят не позволяет двигаться вперед по интенсивному пути развития металлургии.

Гончарное производство. Тут кустарным способом еще есть куда расти, вплоть до фаянса и фарфора. Всё зависит только от таланта гончара.

Химия. Тут выжал всё. Дальше нужна лаборатория с серьезным оборудованием. Да и знаний для дальнейшего химического производства у меня нет. Всё, что помнил из школьной программы, практически воплотил в жизнь. А методом тыка в химию лезть нельзя, не заметишь, как взлетишь на воздух. Хотя для изготовления бездымных, мощнее пороха, взрывчатых веществ всё есть, включая хлопок сырец. Но вот капсуль мне похоже никогда не сделать. Опять остаётся только экстенсивное развитие до взросления ребят.

Вооружение. Похоже и здесь достиг возможного максимума. Можно конечно сделать пушечку типа тюфяка, но это предел. А смысла её делать, не вижу. Выстрел картечью максимум на пятьдесят, а то и на тридцать метров, а на второй выстрел времени не хватит из-за долгой перезарядки. Гранаты на тридцати метровом расстоянии эффективнее будут. Хотя пару-тройку, как последний аргумент, для защиты крепостей можно сделать, но боюсь, что за счет тонкого металла и его холодной сварки тюфяк может просто разорвать. Безопаснее и проще деревянную пушку сделать, она гарантированно хотя бы один раз выстрелит, а эффективность выстрела не хуже чем у тюфяка будет.

По механике и тяговой силе пока тоже экстенсивный путь развития. Пока не будет скачка развития в металлургии, дальше воловьей, лошадиной, ножной педальной силы мне не двинуться.

Пробежавшись мысленно по другим направлениям, понял, что на сегодняшний день везде достигнут максимум возможного. Даже еще не начатое изготовление драгоценных камней, по нужному для него оборудованию практически на максимуме. Так, что теперь у нас впереди на десятилетие только экстенсивный путь развития. А для него нужно только люди и территории. А это как говорится, дело наживное.

Теперь о возможных опасностях для племени.

Местные аборигены, как таковой опасности не представляют. Сираки, на сегодняшний день, после их разгрома у городища Арын, смерти их царя и пропажи наследника, практически прекратили своё существование.

Самую большую опасность, как бы это не казалось странным, представляет Куруш. Вернее, Персидское царство. Когда Куруш продал стеклянные бутылки и стаканы, за ним наверняка стали присматривать конкуренты, а после продажи стекла и зеркал, им не составит труда узнать, откуда такой товар привез Куруш. А дальше, либо они будут искать встречи со мной для последующей торговли, либо устроят военную экспедицию по моему захвату. Последнее наиболее вероятно.

Не думаю, что Куруш устроил в городище Имень цирк, только из-за своего тщеславия. Наверняка были соглядатаи, которые наблюдали и за вторым шлюпом. А на нем был Ракс, который тенью ходит за Аршаком. Если Аршак похож на своего отца, то его могли и узнать, а ещё Ракс мог назвать Аршака по имени. Голос на воде далеко разносится.

Исходим из самого худшего. То, что у меня Аршак, стало известно не только Курушу. С ним на галерах была не одна сотня людей. Значит об этом узнает и Шахиншах Персии. Аршак ему живым не нужен, а из этого следует, что будет военная операция. Но не воинами Персидского царства, не будет Шахиншах своими руками убивать, а наймет одного из вождей степных племен. Зимой степные племена перекочевали поближе к югу, в том числе

и к северным границам Персидского царства.

У меня аж пот выступил от таких умозаключений.

Территория где мы можем находиться примерно известна. Степные племена на лодках по рекам не пойдут. Они максимально по степи, а затем по лугам на лошадях продвинуется как можно дальше на север, а потом могут начать прочёсывать леса и искать наши следы. То есть они пойдут через брод на реке Барда и будет это с учётом расстояний, во второй половине июня.

А до этого, в мае, после встречи с Курушем, следует ожидать нападения его завистников и конкурентов, на Кунгур.

Не следует забывать и о римлянах. Если миссия убитых мной центуриона и легионеров была инициирована Императором Александром Севером или его ближайшим окружением, то летом следует ждать гостей и из Рима.

«Или у меня паранойя с манией преследования?!» — пытаюсь отогнать от себя тревожной волной нахлынувшие мысли. — «Надо успокоиться и через пару-тройку дней всё еще раз проанализировать».

Через полтора дня к обеду прибыли в Кунгур. После обеда в шлюп загрузились ребята из первой смены гарнизона крепости, а я тепло простился с Борисом, который за это время полностью освоился с ювелирными инструментами и оборудованием, отправились в Усадьбу.

Через два дня 16 ноября пришли в Усадьбу. В пути происшествий не произошло. Семён управлял шлюпом уверенно, а новички-матросы полностью усвоили корабельную науку. Последние сутки уже шли под мокрым снегом и ночные температуры опускались чуть ниже нуля. Зима не за горами, до неё неделя, максимум десять дней. Шлюп с помощью волов вытащили из воды на стапеля. Навигация завершена.

Интерлюдия.

18 ноября. Дворец наместника Мидии шаха Вардана главы рода Каренов в городе Нахаванде.

— Любимый мой племянник, в этот раз ты припозднился более чем на месяц. Я уже начал волноваться, не случилось ли что-то с тобой? — с неподдельной радостью и не скрывая волнения, приветствовал шах Вардан Куруша.

— Уважаемый шах Вардан глава рода Каренов! Я недостойный твой племянник, тоже очень рад тебя видеть. Прежде чем я расскажу о моём путешествии на север к варварам, прими от меня подарок, вернее подарок от главы рода Руссов Владимира.

Куруш хлопает в ладоши и слуги вносят деревянный ящик.

— А теперь аккуратно распаковывайте ящик и сильных усилий не применяйте, — обращаясь к слугам, Куруш дает им указания.

Шах Вардан из-за спины Куруша, с выражением скепсиса на лице смотрит на лежащий на бесценном персидском ковре непрезентабельный деревянный ящик и за манипуляциями слуг, которые со всей предосторожностью вскрывают ящик, отдирая от него узкие деревянные доски, скрывающие внутреннее содержание. Постепенно перед Варданом открывается содержимое ящика — солома и у него непроизвольно вырывается вздох разочарования. А когда Куруш, отослав слуг, начинает выкидывать из ящика солому прямо на ковер, лицо Вардана становится перекошенным от ярости, глаза наливаются кровью, он

уже готов разродиться гневными ругательствами, но застывает с открытым ртом и перекошенной физиономией, наткнувшись на своё отражение в зеркале, которое Куруш распаковал и держа его перед собой на уровне головы, успел развернуться лицом к дяде.

Шах Вардан, моментально забыв о сваленной на ковер соломе и своей злости, стал рассматривать себя в зеркале, при этом корчить на лице рожицы и высовывать язык. А подглядывающий из-за зеркала Куруш только похихикивал, расплывшись в широченной улыбке.

— Что это? — только и смог через пару минут сдавленным спазмой голосом вымолвить шах Вардан.

— Подарок Владимира. Стеклое зеркало.

— Откуда оно у Владимира. Ты представляешь сколько оно стоит?!

— Стоит оно целое состояние. А Владимир их изготавливает. Такое же зеркало он просил меня передать в дар от его имени Шахиншаху Ардаширу I, еще дал мне под честное слово на реализацию три зеркала и не только их.

— Вот так просто дал под честное слово? — с недоверием в голосе, впившись глазами в Куруша допытывается Вардан.

— Да! И кроме зеркал еще триста плоских прозрачных стекол, размером с зеркало, по сто ящиков с томатной пастой и аджикой по шестнадцать стеклянных бутылок в ящике, двести ящиков со стеклянными стаканами по шестнадцать в ящике, по тысячи упаковок с чипсами и кукурузными хлопьями. А также для проверки спроса в торговле девять шкатулок с бумагой по пятьдесят листов в каждой и пятьдесят сладких леденцов для детей. Я должен ему весной заплатить тридцать процентов от продажной стоимости.

Куруш хлопнул пару раз в ладоши и слуги внесли одно стекло, по одной бутылке с аджикой и томатной пастой, а также шкатулку с бумагой.

Шах Вардан с неподдельным интересом стал рассматривать, принесенные предметы. Бутылки с аджикой и томатом, его менее заинтересовали, к стеклянным бутылкам он за год уже привык. А вот прозрачное стекло и белая бумага его несказанно поразили.

— Куруш, а ты не задумывался, кто на самом деле Владимир?

— Дядя, я его прямо об этом спросил, а он ответил, что он Владимир, глава рода Руссов и больше о нем мне знать ничего не надо. А ещё он мне жизнь спас.

После этих слов, Вардан вздрогнул и не переставая пристально смотреть на Куруша, обеспокоенным голосом потребовал:

— Куруш, всё подробно рассказывай.

И Куруш начал свое повествование. Рассказал о встрече с Владимиром, о своём демонстративно-театральном проходе к шлюпам, о томате, аджике, леденцах, стеклах и зеркалах, о договоренности о новом месте встречи на следующий год, о его уходе из городища Имень, вопреки договоренности, раньше Владимира.

Куруш глубоко вздохнул, прервав свой рассказ на несколько секунд, ожидая вопросов, но шах Вардан слушал молча, устремив свой пристальный взгляд на Куруша, который еще раз глубоко вздохнул и продолжил:

— За моими галерами погналось пять ладей варваров с далекого севера и две галеры армянского купца. Я поздно их заметил, они стали нас нагонять. Когда вступление в бой казалось уже не забежным, откуда не возьмись появились два шлюпа Владимира, которые как будто летели по волнам реки Ра, с огромной скоростью нагоняя моих преследователей. Шлюпы догнали одну галеру и из четырех баллист стали в неё стрелять огромными

стрелами, которые пробивали борта галеры, уже внутри неё раздавались хлопки и галеру заволокло дымом. Через семь ударов сердца баллисты произвели еще один залп, галера прекратила преследование и ещё больше из неё повалил дым. А шлюпы не останавливаясь, как стоячую догнали вторую галеру, также двумя залпами своих баллист остановили её движения и из галеры повалил дым. А затем такая же участь постигла и пять ладей. Часть ладей пыталась спастись от Владимира на берегу, но сбежать не успели. Из ладей только пару десятков человек смогли добраться вплавь до берега и скрыться в лесу. А Владимир, сделав разворот, на шлюпах прошёл невдалеке от моих галер, даже не обратив внимание на трофеи, помахал мне рукой и направился обратно в сторону городища Имень.

Прервавшись, чтобы перевести дыхание, Куруш посмотрел на дядю, но тот его вновь не прервал и вопросов не задал, а только с каменным выражением лица пристально смотрел на племянника, не сводя с него глаз, с пронизывающим насквозь взглядом. У Куруша от этого взгляда мурашки по спине пробежали. Судорожно сглотнув слюну, он продолжил:

— Мы обыскали галеры и ладьи, которые фактически не были повреждены, только на закрытых гребных палубах был небольшой запах серы. На галерах и ладьях практически все были мертвы или ранены, последних мы добились. В живых осталось не больше десятой части воинов и рабов. В каюте одной из галер под койкой нашли насмерть перепуганного армянского купца. Его две галеры и пять ладей с товаром, в основном с меховой рухлядью я перегнал к себе в город Сари, куда за купца должны привезти выкуп в двести тысяч ауреусов его родственники из города Пейтакаран. Поскольку на всё корабли гребцов не хватило, часть пришлось тащить на буксире, из-за этого на месяц задержался в пути. А вот этими свинцовыми шариками, которые мои воины выковыривали из внутренней обшивки галер и ладей, были убиты воины охраны и гребцы рабы. — и Куруш выкладывает на столик перед шахом Варданом горсть свинцовых сплюснутых комочков.

Шах Вардан берет пару комочков, рассматривает их, теребя пальцами, а потом вновь переводит свой взгляд на Куруша и тот решается:

— Дядя Вардан, можно тебя попросить пройти в сад, а то тут становится слишком жарко, — произнося эти слова, Куруш демонстративно обводит глазами стены.

Вардан оценивающим взглядом смотрит в глаза Курушу, задумывается на пару секунд, после чего кивает:

— Да, действительно жарковато, — шах хлопает ладонью о ладонь и, вошедшему с низким поклоном слуге, приказывает:

— Подай в садовую беседку холодный шербет.

После чего жестом приглашает Куруша следовать за ним.

Интерлюдия (продолжение).

Пройдя в дворцовый сад, Вардан поворачивает на дорожку, идущую вдоль периметра сада, а не на прямо ведущую к беседке, расположенной в центре сада.

— Слушаю тебя внимательно, Куруш.

— Дядя, а теперь я расскажу самое важное. Когда я устраивал представление в городище Имень, я послал двух своих людей следить за шлюпами Владимира. Мои люди смешались с толпой любопытных жителей городища и им удалось почти вплотную приблизиться ко второму шлюпу. На этом шлюпе они заметили моего бывшего раба Ракса, которому теперь исполнилось пять лет. Ракс неотступно находился рядом с другим мальчиком лет шести, и они общались между собой на парфянском языке. Как слышал один из моих людей, Ракс дважды назвал второго мальчика по имени... — Куруш снизил свой голос до шёпота, приблизил губы к уху шаха Вардан и почти беззвучно произнес: — Аршак.

Шах Вардан остановился как вкопанный.

Не дожидаясь вопроса, Куруш, также тихо прошептал на ухо дяде:

— Эти два соглядатая, после того как мне это рассказали, тут же были убиты моим преданным слугой.

Вардан, постоял в десяток секунд и молча направился в направлении беседки, где, устроившись на подушках, отпил пару глотков холодного шербета и только через десять минут взглянул на Куруша, который всё это время смиренно стоял в трех метрах от шаха, боясь нарушить его раздумья.

— Куруш, еще кто-то, помимо убитых слуг, может знать об Аршаке?

— Нет... Хотя, на галерах больше трехсот охранников и слуг, не считая рабов, а эти двое два часа оставались без присмотра, пока я общался с Владимиром.

— Тогда Шахиншах Ардашир I скоро узнает об оставшемся в живых наследнике царственной династии Парфянского царства Аршакидов, наверняка на галерах есть шпион цепного пса Шахиншаха Ардашира питиахша Арташира. Нам нужно его опередить. Утром выезжаем в город Ктесифон, Шахиншах сейчас в столице.

Уставившись на дядю выпученными от недоумения глазами, Куруш, облизывая мгновенно пересохшие губы и преодолевая спазм в горле, просипел:

— Дядя, мы отдаём единственного наследника Аршакидов Сасанидам?

— Нет. Я защищаю Род Каренов. Об Аршаке Шахиншаху будет так и так известно. Для нас лучше, чтобы об этом сообщили первыми мы. Тем более, что о единственном оставшемся в живых наследнике, имеющего законное право на престол Парфянского царства из династии Аршакидов, узнал ты.

— А если Шахиншах потребует у меня убить Аршака? Я же буду встречаться с Владимиром на пустынном острове.

— Не потребует. Рожденные Богами во взаимоотношениях между собой не будут привлекать другие знатные роды. В борьбе за престол перепоручение на совершение убийства противника, другому роду, будет говорить о слабости правителя. Им проще нанять безродных убийц на стороне.

— Так питахш Арташир может нанять моих воинов и слуг для убийства Аршака.

— Нет. Куруш, они же твои слуги и воины, то есть люди, принадлежащие роду Каренов.

Я думаю, что для уничтожения последнего в царственном роду Аршакидов, будет нанято одно из диких степных племен.

— Дядя, мы сможем чем-нибудь помочь Владимиру?

— Вряд ли. На Владимира пойдет дикое степное племя, а в нём несколько тысяч воинов. Весной все племена с зимних стоянок уйдут на север в степь и какое из них нападет на Владимира, мы не узнаем до последнего, когда уже поздно будет с нашей стороны, что-либо предпринимать.

— Дядя, получается, что род Каренов, будет со стороны смотреть на убийство Аршака? — надтреснутым голосом, покрывшись красными пятнами, делает вывод Куруш... — Я умом понимаю, что ты дядя прав, но сердцем этого принять не могу.

— На всё воля Богов. И не наше дело вмешиваться в борьбу Рожденных Богами! — а дальше, уже успокаивающим тоном, шах Вардан продолжил:

— Дорогой мой племянник, ты же сам мне рассказал, что Владимир не испугался нанятых тобой сорока воинов для слежки за ним. А еще спас тебя, уничтожив преследователей на их кораблях. Так, что он не из пугливых и является сильным воином. А Боги благоволят сильным, а особенно победителям. Если случится чудо и Владимир выстоит, а прямой наследник Парфянских царей останется жив, то Боги на его стороне и бояться придется уже Сасанидам.

Куруш, выслушав слова шаха Вардана, мысленно с ними согласился и успокоившись, задумчиво произнес:

— Дядя, а как же я с одной стороны расскажу Шахиншаху об Аршаке, а с другой стороны подарю ему зеркало от имени Владимира, укрывающего Аршака?

— Дорогой Куруш, когда ты поведаешь Шахиншаху о твоей встрече с Владимиром и об Аршаке, у Ардашира I на лице не дрогнет ни один мускул и ты не увидишь ни одной эмоции, а после преподнесения в подарок зеркала, Шахиншах в качестве отдарка и за твою верность снизит налог на товары Владимира до двадцати, а скорее всего до десяти процентов, — на несколько секунд Вардан задумался, а потом продолжил:

— Куруш, мне тоже за зеркало нужно сделать Владимиру отдарок. Что тебя просил Владимир привезти в следующем году?

— Да практически ничего не просил. Я так понял, что его интересуют только ткани из хлопка, шелка и хлопок сырец.

— Тогда в качестве отдарка отвезешь ему из моей конюшни двух коней и четырех кобыл иноходцев.

— Дядя, это же лошади царской породы.

— Дорогой племянник, если по воле Богов случится чудо, то победитель должен въезжать в своё царство на соответствующем его божественному предназначению, коне. А теперь приглашаю тебя к столу, заодно попробуем, привезённые тобой томатную пасту и аджику, да и моим сыновьям будет интересно послушать о твоих приключениях.

Через десять дней в своем дворце в городе Ктесифоне столицы Персидского царства Шахиншах Ардашир I из династии Сасанидов принял наместника Мидии шаха Вардана: главы рода Каренов и его племянника Куруша.

Как и предсказывал шах Вардан, Шахиншах без единой эмоции выслушал рассказ Куруша об оказавшемся живым прямым наследники царственной династии Парфянского

царства Аршаке, принял в дар от имени Владимира зеркало и отдался снижением налога на продажу Курушем товаров Владимира до десяти процентов.

После ухода шаха Вардана и его племянника, Шахиншах, продолжая восседать на троне и через пару минут, голосом, не содержащим ни одной эмоции, обратился в пустоту тронного зала:

— Арташир, ты всё слышал?

— Да, мой повелитель, — отодвинув портьеру, к трону, как всегда бесшумно, подошёл главный смотритель за царством питиахш Арташир.

— Арташир, получается, что сын последнего Парфянского царя Вологаза VI жив и династия Аршакидов не прервалась. А если жив сын, то и жива его мать, жена Вологаза. Насколько эта новость представляет для меня опасность?

— Мой повелитель! Пока ему шесть лет, непосредственной опасности он не представляет. Жена же Вологаза добралась до Рима и живет во дворце матери императора Александра Севера, и как таковая тоже опасности не представляет. Но, то что династия Аршакидов не прервалась, знает Род Каренов, а значит будут знать и другие шесть знатнейших родов твоего царства. Начнется брожение умов и распространение слухов.

— В преддверии войны с Римом император Север начнет слухи подогревать. Значит слухи необходимо жёстко пресекать, а полностью мы их сможем пресечь, только ликвидировав первопричину — наследника Аршакидов. Как отнесутся к этому знатнейшие роды моего царства.

— Мой повелитель! Семь знатнейших родов будут выжидать и как всегда встанут на сторону победителя.

— Арташир, что с купеческой факторией римлян на реке Ра и отрядом легионеров во главе с центурионом?

— По твоему повелению было уничтожена фактория римлян на севере Каспийского моря в дельте реки Ра, но легионеров там не оказалось. Как мне стало известно они на купленной галере отправились вверх по реке Ра, но с тех пор о них слышно ничего не было.

— Плохие новости, значит Рим знает где находится наследник Аршакидов и хотят его использовать в войне, как знамя в борьбе со мной — узурпатором и незаконным правителем. Но причём здесь Владимир и почему Аршак у него?

— Владимир на всех варварских невольничьих рынках скупает трех-четырёх летних детей рабов. Скорее всего он из-за них столкнулся с римскими легионерами и вышел победителем. Других разумных объяснений у меня нет.

— Могут ли римляне водным путем пройти в реку Каму, минуя Каспийское море?

— Мой повелитель! От купцов Боспорского царства мне известно, что через верховья реки Танаис */Античное название реки Дон. Примечание автора/* можно водным путем по небольшим рекам выйти в реку Ра выше по течению впадения в нее реки Камы. Но путь этот очень долгий и проходит через малозаселенные варварские племена земли. Как сообщили купцы в середине лета вверх по течению реки Танаис прошло четыре римские галеры с легионерами. Если они идут в реку Каму, то будут там не ранее середины лета следующего года.

Впервые за время беседы, на лице Шахиншаха отразилась эмоция, по лицу пробежала тень, оно резко побледнело, на теле выступил холодный пот, но преодолевая нахлынувший на него страх, Ардашир I властным и уверенным голосом, повелел:

— Наследник династии Аршакидов ни при каких обстоятельствах не должен достаться

римлянам.

— Будет исполнено, мой повелитель, — низко поклонившись, главный смотритель за царством Арташир принял к исполнению повеление Шахиншаха.

— Наследник династии Аршакидов должен быть убит, а его голова доставлена во дворец!

— Будет исполнено, мой повелитель, — вновь низко поклонился Арташир.

— Арташир, руками наших воинов, Аршака не убивай. Найми небольшое дикое степное племя, имеющее две-три тысячи воинов и убей Аршака их руками.

— Будет исполнено мой повелитель, — в очередной раз низко поклонившись Арташир, следуя жесту Шахиншаха, не распрямляя спины, пятясь назад, покинул тронный зал.

Оставшись один, Шахиншах Ардашир I из династии Сасанидов, молча дал волю своим эмоциям, отразившимся на его лице, а затем, сглотнув слюну, глубоко вздохнул, осушил до дна глиняный керамический кувшин холодного шербета, выражение его лица вновь вернулось к непроницаемой маске и он обратился в пустоту тронного зала:

— Тансар, ты всё слышал?

— Да, мой повелитель, — из-за еще одной портьеры к трону подошёл, склоняя голову, верховный жрец Тансар.

— Тансар, что ты можешь сказать о Владимире?

— Мой повелитель! О Владимире недостаточно точных сведений. Мы не знаем кто он и откуда. Его знания очень велики, он изготавливает вещи, которые до него никто не видел, у него есть овощ и зерна, которых нет ни на востоке, ни на юге, ни на западе, ни на севере, нет нигде в известном мне мире. Он уничтожил воинов на галерах и ладьях с помощью серы и свинца. Как он это сделал лишь, используя стрелы своих баллист, объяснения у меня нет. У греков есть легенда, что сын Бога Посейдона Беллерофонт убил чудовище Химеру, бросив в него кусок свинца. Еще мы знаем, что города долины Содома и Гоморры были Богами разрушены дождем, состоявшим из серы и огня.

— Тансар, не говори загадками, что значат твои слова?

— Мой повелитель! Ты рожденный Богами и только тебе подвластны ответы на заданный тобой вопрос о Владимире, — после этих слов, Тансар склонил голову в поклоне и пятясь назад, покинул тронный зал.

Шахиншах еще долго оставался в тронном зале, придавшись тягостным размышлениям.

* * *

Зима полностью утвердилась в своих правах. Две недели шёл непрерывно снег, образов полуметровый снежный покров. Ольховку сковало льдом, толщина льда превышала пятнадцать сантиметров. К 10 декабря снег прекратился, выглянуло солнышко и установилась слабо морозная погода с температурой воздуха, стабильно державшейся в районе минус десяти градусов.

За время межсезонья очистили днища шлюпов от ракушек, продолжили перерабатывать урожай, а также ребяташки тренировались и учились в школе.

В мезонине собрал старичков и обсудил с ними мои опасения по возможным на нас летних нападений.

— Надо срочно перевозить саманные кирпичи в место под крепость у брода через реку Барда, а по весне её быстро строить, — безапелляционно заявляет Николай.

— За бродом нужно ещё заслон сделать из стреломётов на пяти-шести повозках. Во время переправы через брод, за два-три залпа ими можно будет пару сотен всадников положить, а потом уйти в новую крепость, — добавляет Михаил.

"С засадой у брода идея хорошая, но делать её надо по-другому" — отмечаю себе в памяти предложение Михаила.

— А если на нас пойдет степное племя не в пару тысяч всадников, а, например, в пять тысяч или больше. А потеряв много всадников убитыми, прекратят плотной толпой наступать, да и крепость они не бездумно штурмовать будут, а возьмут в осаду? — со скепсисом задается вопросом Иван.

— Да они вообще могут разделиться, часть останется блокировать крепостицу, а часть по следам выйдет к Усадьбе, — с тревогой в голосе тихо произносит Эвика и смотрит на меня.

— А, чтобы не вышли к Усадьбе, прямо перед лесом надо ставить еще одну крепостицу, — успокаивая Эвику, и для придания своему голосу уверенности, пытается басить Михаил.

Тут как всегда Иван опускает всех на землю:

— На строительство двух крепостиц у нас ни сил, ни людей, ни материалов не хватит. Да и лес рубить ещё на острове при впадении реки Барда в Сылву надо, чтобы он хотя бы за год просох. Валежника сухого там с гулькин нос, в отличии от лесной чащи перед лугами.

Старички смотрят на Ивана, а потом переводят свои взгляды на меня.

«Похоже идеи по обороне восточных рубежей у ребят иссякли», — отмечаю про себя, а дальше уже в слух:

— Нам нужно строить три крепости, но одновременно мы их строительство осилить не сможем. В первую очередь нам нужно защищать Усадьбу. А поэтому строим вначале крепостицу перед лесной чащей, которая накрепко закроет проход к реке Ольховке. Предлагаю эту крепостицу назвать Форпост.

Смотрю на притихших ребят, которые, соглашаясь со мной и с названием крепостицы, почти синхронно кивают, далее продолжаю:

— Для её строительства прорубаем просеку длиной два километра от Ольховки к будущему Форпосту. Растаскиваем близлежащий к просеке сухой валежник, но только не дальше полутора километров от Ольховки. Последние пятьсот метров леса перед лугом от бурелома не расчищаем, будет оставаться дополнительным препятствием для конницы врага. Примерно по середине просеки расчищаем площадку для установки лесопилки на воловьей тяге. Жить будем рядом с лесопилкой в шатрах и в сделанных на месте шалашах. Начинаем как окрепнет лед на Ольховке. На лесоповал отправляются все члены экипажей шлюпов, включая новичков, за исключением девочек.

— Волки как к этому отнесутся, — как всегда наморщив лобик с опаской спрашивает Лада.

— Волки сменили место жительства, ушли на восток на пятьдесят километров, там у них вообще пиршество. После того как прошлой зимой мы убили стаю волков, их конкурентов, территория стаи старого волка увеличилась, они ушли из нашего леса в другой лесной массив на востоке.

Сделав паузу на пару секунд, убедившись, что уход волков всех успокоил, продолжаю:

— Сегодня 7 декабря. Завтра с Денисом и Олегом уходим вперед для подготовки места лесного лагеря. Как только лед полностью окрепнет, остальные на санях с оборудованием,

инструментами и припасами нас догоняют. Работы много, а времени мало, через пятнадцать-восемнадцать дней нужно отправлять смену в Кунгур.

Старички кивают головами, а я продолжаю:

— Олег и Иван на вас производство стреломётов и боеприпасов. Эвика и Лада продолжают контролировать переработку урожая.

После ухода старичков, завалился в кровать, но уснуть не смог. Под ложечкой не просто сосало, а скребли кошки. В Кунгуре мы отобьёмся, да и ещё и на шлюпах в атаку пойдём. А вот, что делать с ордой степняков в чистом поле, вопрос. Даже если мы успеем построить Форпост, сможем ли мы отбиться от тысяч всадников. Да и в обороне битвы не выигрываются. А если они Форпост в осаду возьмут, да и по лесной чаще обойдут и выйдут к Усадьбе.

«Думай, Володя, думай. Как отбиться от степняков, да ещё так, чтобы они минимум десять лет в нашу сторону посмотреть боялись, и при этом не потерять ни одного ребенка. Божественный Король не может допустить гибели детей. Думай. Время еще есть», — с такими размышлениями смог заснуть только под утро.

На следующий день, ещё затемно, с Денисом и Олегом на лыжах по замерзшему руслу Ольховки отправились на обустройство лагеря. В лесной чаще подыскали поляну около тридцати метров в диаметре, вырубил на ней молодую поросль, поставили два шалаша. Остаток светового дня и весь следующий день орудовал топором, срубил тридцать пять деревьев диаметром до полуметра, с которых Денис и Олегом обрубали ветки.

Днем 10 декабря пришел обоз с остальными ребятами, стройматериалами, инструментами и продуктами. Установили привезенные шатры, а также два разборных стреловых деревянных крана и одну кран-балку. Со своим экипажем за три дня установили лесопилку на воловьей тяге, а остальные члены экипажей с помощью волов приступили к расчистке бурелома и валежника. Последующие двенадцать дней рубил лес, наострился валить в день до тридцати пяти деревьев до пятидесяти сантиметров в диаметре. Более крупные деревья не трогал.

Утром 26 декабря на санях с очередной порцией продуктов и корма для волов и лошадей приехал Николай, которого я вместо себя оставил руководить в лесном лагере, строго-настрого запретив валить деревья, а заниматься обработкой валежника и с помощью волов продолжать расчистку леса от бурелома, за исключением последних пятисот метров до лугов.

К вечеру я вместе с Савлием и Гнуром вернулся в Усадьбу, а на следующий день на шести санях, запряженных двумя лошадьми каждые, с новой сменой из двенадцати ребят, восьми пацанов и четырех девочек, загрузившись продуктами, боеприпасами, кормом для скота и кроликов, с установленными на первых и последних санях стреломётами, со снятым со шлюпа прожектором, отправились в Кунгур. Для Бориса отдельно везу весь золотой песок с самородками, драгоценные камни, за исключением десятка алмазов, и все остатки серебряной посуды сарматов и сираков.

До Кунгура добрались за два дня. Борис и ребята гарнизона с радостью нас встретили, пока разгружали сани и знакомили новичков с крепостью, я отправился к вечному огню. Лес на пятьсот метров вглубь был очищен от бурелома. До скалы добрался быстро. Вечный огонь горел, все тем же голубым пламенем. Зеркала и плафон были в порядке, и я быстро вернулся в крепость, как раз к ужину, на котором кормили кулешом с крольчатинной.

После ужина гарнизон продолжил знакомить новую смену с устройством крепости, а Борис утащил меня к себе в мастерскую. В мастерской было на, что посмотреть. Борис с гордостью демонстрирует ограненные четыре драгоценных камня — два сапфира тёмно-синего и оранжевого цветов, рубин насыщенного красного цвета и один уже не алмаз, а бриллиант. Все камни размером с перепелиное яйцо.

Беру в руки бриллиант, подношу к свету керосиновой лампы и всё грани бриллианта начинают играть на свету, раскрывая красоту и прозрачность камня.

— Борис, сколько же в этом камне граней?

— Володя, ты нарисовал мне эскизы, но 57 граней будут передавать красоту и прозрачность на значительно меньших камнях, чем этот алмаз. Я его огранил в 154 граней. А сапфиры и рубины огранил немножко по-другому. Эти камни имеют цвет и цвет камней должен также играть на свету, отражая всю его красоту и прозрачность. Их огранка

получилась округлой и похожей на шар с 120 гранями.

Осматриваю остальные, два сапфира и рубин. Все камни, при попадании на них света, начинают играть, раскрывая свою красоту.

— Борис, как у тебя получается делать такую красоту?

— Володя, да я и сам не знаю. Я просто вижу, что нужно лишнее у камня убрать, вот так и получается, — улыбается Борис и разводит руками.

— А у детишек, может у кого из них тоже такой дар есть?

— Почти все ребята могут лепить кирпичи, еще около половины на гончарном круге могут создавать различные гончарные изделия, причем около десяти ребят это делают с любовью, а вот резчика по камню, чтобы он его мог чувствовать и понимать, пока из ребяташек никого не приметил.

Сразу как-то осунувшись и погрузнев, Борис отходит к деревянным стеллажам, откуда приносит корзинку с новыми золотыми монетами. А затем, лицо его оживает, и как бы вспомнив о хорошем, Борис, улыбнувшись, продолжает:

— Володя, ребята, закончившие свою смену по охране замка, придумали винтовую систему подъема по трубе воды наверх, — возвращаясь к стеллажам, Борис берет папку с бумагами и передает мне.

Смотрю бумаги с чертежами и узнаю до боли знакомый так называемый насос Архимеда — устройство из наклонённой под углом полой трубы с винтом внутри и с ручной рукояткой для его вращения.

— Борис, как ребята додумались до такого способа подъема воды?

— Володя, им больше всего не нравилось в крепости таскать воду в деревянных ведрах от колодца до подъемной площадки водонапорной башни, а затем до самой бочки башни. Вот они и придумали, но пока только в рисунках и чертежах. Думаю, новая смена уже в натуре сделает.

«Лень — двигатель прогресса», — ухмыляюсь про себя, а в слух:

— Борис, вручную тяжело ребятам прокрутить винт с водой, да ещё на такую высоту, будет, если вообще его прокрутить смогут. С этой сменой также на примере лесопилки и подъёмных механизмов в крепости, также изучайте механику. Может ребята додумаются, как сделать подъём воды на водном колесе или воловьей тяге. Только чертежи мне потом покажите, а пока могут небольшую модель трубы с винтом сделать.

— Да они все сообразительные, думаю за срок смены додумаются.

Обговорив с Борисом текущие вопросы по обороне крепости, тренировки и обучение ребят, о заполнении ледника льдом и его выстуживании, продолжении очистки леса от бурелома, о кроликах и других хозяйственных вопросах, поднялись на северную башню и прожекторной связью сообщил об утреннем отправлении на остров на реку Сылву в место впадения в неё Барды.

Утром на шести санях с экипажем и двенадцатью ребятами, сменившейся смены охраны крепости, тронулись в путь по заснеженному льду вверх по Сылве. За три дня доехали до сопки, на которой ранее намеревался поставить крепостицу, где заночевали, а утром поехали к скалистому острову, конечной точке маршрута.

Время поджимает, но если не начать порубку деревьев на острове, то строительство на нём крепостицы отложится еще на один год. Валежника на острове практически нет, а из сырых бревен строить не вариант, крепостица долго не простоит. Бревнам как минимум год надо вылежаться.

Двадцать пять километров обоз преодолел за четыре часа. Место для лагеря выбрали в устье реки Барда, где по более-менее пологому подъёму вывели обоз на берег. Оставил ребят обустроить лагерь, сам же прихватив две пеньковых веревки и веревочную лестницу, взобрался по скалистой обрывистой и к тому же обледеневшей круче на верхнее плато острова.

До конца светового дня срубил девятнадцать елей с диаметром стволов не более полуметра. Впрочем, более крупных деревьев на острове не произрастало. За неделю срубил все хвойные деревья, за исключением трех, которые в будущем послужат для подъёма тяжелого оборудования. Ребятишки же отпиливали ветки и сучья, с поваленных мной деревьев. Через неделю тронулись в обратный путь, за день доехали до сопки, а на утро сначала по руслу речушки до места, ранее выбранного под лошадиную ферму, где поднялись на берег и по снежной целине, ориентируясь, по выставленным летом вешкам, к концу светового дня 13 января достигли Форпоста.

Ещё за пару километров стал рассматривать в прицел территорию вокруг будущего Форпоста. На кромке леса справа и слева от просеки возвышаются штабеля бревен и досок. Рядом с ними стоят стреловые разборные краны и кран-балки. Замечаю, как из леса по просеке выезжают сани, запряженные волами нагруженные бревнами. Сани подъезжают к одному из штабелей бревен. Два пацана одевают на концы бревна цепные петли с шипом, для исключения соскальзывания, после чего стреловым краном с помощью лебедки бревно поднимается и укладывается сверху на штабель бревен, где ребятами освобождается от петель. Работа у ребятишек спорится и к нашему прибытию, сани были полностью разгружены.

Наш обоз заметили загодя, встречал нас Николай. Когда я соскочил с саней, Николай, приветствуя меня, поклонился.

— Здравствуй Володя.

— Здравствуй Николай. Вижу за время моего отсутствия, ты с ребятами славно поработали.

Расплываясь в довольной улыбке, Николай начинает докладывать:

— Володя, валежник и поваленные тобой деревья, распилили на шестиметровые бревна. Из бревен валежника с диаметром более тридцати сантиметров на лесопилки пилим доски. Остальные бревна укладываем штабелями. Стараемся из разделять по диаметрам. Валежник с правой стороны, штабелями по тридцать, двадцать и десять сантиметров и жерди. С левой стороны бревна, поваленных тобой деревьев. Штабель бревен также распределены по диаметрам, пятьдесят, сорок, тридцать, двадцать и десять сантиметров, а также жерди. С помощью гранат и волов выкорчевали пни. Из жердей поставили временную конюшню для лошадей и волов, а также кухню. Живем в шатрах сираков. Отапливаем керосиновыми печурками. Больных нет, все ребята здоровы.

— Николай, ты и ребята молодцы! — услышав похвалу, Николай кланяется и ещё больше расплывается в довольной улыбке. — Есть ли какие проблемы?

— Володя, еще около ста деревьев надо повалить. В некоторых местах просеки сани с трудом проезжают из-за огромных деревьев, для объезда которых нужно в этих местах расширить просеку.

— Хорошо, завтра с утра займусь, а для тебя и всех ребят, в том числе и приехавшей со мной смены из Кунгура, объявляется три дня выходных. Утром отправляйся с ними в Усадьбу. Со мной останутся Денис и Олег.

— Все ребята соскучились по дому, да и в баньке попариться не мешает, — почесывая под овчинным тулупом свой бок, с нескрываемой радостью произносит Николай.

— Николай, ты наладил хорошо работу, поэтому останешься в Усадьбе, нужно достраивать третий шлюп, а руководить лесным лагерем будет Михаил.

На следующий день в предрассветных сумерках караван с ребятами, возглавляемый Николаем, отправился в Усадьбу. В течение трех дней я валил деревья, расположенные рядом с исполинами, препятствующие нормальному проезду саней, а Олег с Денисом гранатами подрывали пни и с помощью волов их выкорчёвывали.

По возвращению старших ребят в лесной лагерь, 17 января к обеду вместе с Денисом и Олегом, на санях приехал в Усадьбу. С удовольствием попарился в бане, а потом отобедал с Эвикой, Ладой, Николаем и Иваном.

За обедом, Эвика и Лада рассказали, что больных ребятшек нет, в школе идут занятия, переработка урожая подходит к концу, ожидается приплод у коров, кобыл, овец и коз, а также закончен пошив парусов на новый шлюп.

— А как малыш Скил поживает? — спрашиваю у Эвики и Лады.

— Хорошо поживает, — смеётся Эвика. — Лада с него глаз не спускает.

— С малышом всё в порядке, — вклинивается Лада, — пару недель назад пошёл ножками, кормим молочными продуктами, молоком с кукурузными хлопьями, творожком, кашами, куда постепенно добавляем протертое вареное мясо кур и косули, чуть-чуть даем красной и черной икры, а также тертыми яблоками и морковкой, соками ягодными и фруктовыми.

— Растет не по дням, а по часам, — улыбается Эвика и тут же чуть хмурится, а потом вновь улыбается. — Зубки у Скила режутся, так что немножко капризничает. Два зубчика уже появились.

— Замечательно, только сильно не балуйте его. Воин всё-таки растет, через пару месяцев пора уже к лошадям приучать.

После обеда, отправился осматривать Усадьбу. Проходя мимо курятника, обратил внимание на куриц, которых выпустили погулять в небольшой, огороженный плетнем дворик. Две трехлетние девочки разбрасывали на утоптаный снег дворика крупу, которую клевали курицы и десяток голубей.

Прохожу мимо и как вкопанный останавливаюсь... ГОЛУБИ!!! У нас поселились голуби.

«Вот и решается вопрос экстренной дневной и не только дневной связи на большие, даже на огромные расстояния», — с воодушевлением мыслю про себя.

— Срочно позови сюда Николая, — подзываю, следующему за мной по пятам, вестового Константина.

Константин срывается с места и бегом бежит в сторону столярной мастерской. Николай появляется через пять минут.

— Николай, видишь в курятнике птиц, называются голуби, — Николай, посмотрев на дворик курятника, утвердительно кивает. — У голубей есть одна удивительная способность. Они всегда возвращаются домой, где бы они не оказались. Используя эту способность, можно организовать голубиную почту и у нас появится связь на большие расстояния.

Николай молчит и смотрит на меня непонимающим взглядом.

Я же продолжаю:

— Если голубь вылупится из яйца в Усадьбе, то она будет его домом. — Николай

продолжает смотреть на меня непонимающим взглядом. — Николай, сейчас скажу самое важное и ты поймешь. Когда голубь подрастет и станет летать, то если перевезти его в Кунгур и там выпустить, то он прилетит в Усадьбу.

Николай секунду переваривает услышанное, а потом к нему приходит озарение:

— Володя, если к голубю привязать записку, то он её доставит из Кунгура в Усадьбу!

— Правильно. Поэтому ты срочно делаешь домик для голубей, который назовем голубятней, ставим его на чердаке усадьбы, аккуратно ловим голубей и поселяем в голубятню. А, чтобы они к ней привыкли, постоянно голубей в голубятне подкармливаем. Если они отложат яйца и вылупятся птенцы, то у нас будут свои почтовые голуби.

— Понял. Каких размеров делать голубятню?

— Мелочиться не будем, делай на половину чердака, — убедившись, что Николай все понял, продолжаю:

— Я сейчас буду в мезонине, скажи остальным старичкам, чтобы меня не беспокоили, мне нужно подумать.

Уединившись в мезонине, стал обдумывать и систематизировать накопившиеся мысли, как остановить орду степных всадников. Из памяти выудил известные мне способы — стреломёты, ров, стена, «чеснок», огонь, колья. Стреломёты есть, стену построим — Форпост, огонь есть в виде бензиновых бомб, колья можно вкопать под углом в землю вокруг Форпоста. «Чеснок» — его нет и вряд ли в количестве для остановки тысячи лошадей его можно сделать. У меня и времени нет на выплавку такого количества железной проволоки, да и болотного железа много нужно. При этом калечатся только лошади, а люди остаются, хоть и пешими, но они воины. Рва тоже нет и не будет. Один я ров вырыть не смогу, ребяташки в этом не помощники.

Вариант отсидеться в Форпосте и отстреливаться из стреломётов, стопроцентного приемлемого для нас результата не дает. Даже если принять, что один выстрел стреломёта уничтожает десять всадников, а залп из десяти уничтожит сто воинов, то на уничтожение пяти тысяч всадников, при условии, что они кучно будут тупо переть на Форпост, нужно пятьдесят залпов стреломётов. Что совершенно не реально. А вот, что в Форпост полетит одновременным залпом не одна тысяча стрел, в том числе зажигательных, выглядит реально. И это приведет к гибели ребяташек.

Делаю неутешительный вывод, что защититься в Форпосте без гибели части защитников ребяташек невозможно. А один я вести постоянную стрельбу из десяти стреломётов физически не смогу.

Огонь. Летом ветры в основном западные. Скорость ветра два-три метра в секунду. Температура воздуха под тридцать градусов. Дожди только в ночное время и то не сильные. Если в трехстах метрах на восток от форпоста заложить бензиновые бомбы или иные емкости с бензином по фронту километра в два, а при подходе орды степняков, из стреломётов емкости с бензином подорвать, то вспыхнет знатно. Двух километровый огненный фронт двинется по лугу на восток, со скоростью от семи до двенадцати километров в час, выжигая всё на своем пути. Степное племя будет удирать как ошпаренное. Но огонь дойдет только до реки Барда. Орда может и уйдет, но на следующий год может и вернуться, а перед нами будет выжженная земля — ни косуль, ни пастбища, ни одной рощи. Зато без жертв с нашей стороны. Этот вариант годится, но только на крайний случай.

Вариант с естественным ровом. Естественный ров с водой — река Барда шириной сто пятьдесят метров и глубиной пять-шесть метров. Вероятность её форсирования ордой степняков в плавь, при наличии брода, приближается к нулю. Вероятность преодоления реки в брод почти стопроцентная.

Я знаю место, приблизительное время и количество воинов в орде, считаю по максимуму, что их будет пять тысяч. Теперь вопрос, как организовать засаду.

Использовать шлюпы не получится. Ширина реки сто пятьдесят метров, лучники степняков из трюма экипажу не дадут возможности высунуться, да ещё зажигательные стрелы пускать будут, тут можно все шлюпы с экипажами потерять.

Если по правому берегу реки Барды вдоль брода заложить бензиновые емкости и при подходе к броду орды, бензин поджечь. Будет вдоль брода стена огня. Но сам по себе огонь вряд ли напугает. А надо их напугать до смерти, притом остановить и напугать должен я один.

Остается только одно. Устраиваюсь за письменным столом, принимаюсь за расчёты и чертежи. А с раннего утра отправляю вестового за Николаем.

— Доброе утро, Володя, — приветствует, появившейся буквально через пять минут Николай.

— Николай, вчера проходя мимо лесопилки на воловьей тяге, обратил внимание, что она простаивает.

— Володя, в Усадьбе пилить практически не чего, осталось только три десятка бревен диаметром сорок пять — пятьдесят сантиметров. Сейчас вся работа у Форпоста.

— Сколько тебе потребуется времени, чтобы заготовить четырнадцать бревен длиной по пять метров и сделать четырнадцать таких конструкций? — протягиваю Николаю чертёж.

— Брёвна распилим за час, а по конструкции... — ненадолго задумывается. — Заготовки для деталей напилим за день, а на обработку деталей и сборку потребуется не менее дня на каждую.

— Отлично. Коля, тогда срочно принимайтесь за работу. Завтра я лесопилку немножко переделаю под другие задачи.

После ухода Николая, вновь вызываю Константина, которого отправляю за Иваном.

— Ваня, сколько у тебя готового пороха и свинцовых шариков для начинки гранат?

— Готовых гранат восемьсот двадцать штук, гранулированного пороха больше пятисот килограмм, отлитых свинцовых шариков килограмм девятьсот точно будет.

— У тебя старые формы для отливки девятиграммовых свинцовых шариков сохранились?

— Да, Володя, формы остались.

— Ваня, надо отлить сто тридцать килограмм девяти-десятиграммовых свинцовых шариков. Сколько времени понадобится?

Иван, чуть задумавшись и почесав волосы на затылке, выдает вердикт:

— Если постараться, то за три дня сделаю.

— Отлично, но в первую очередь сделай для испытания два заряда по этим чертежам. По результатам испытания, решим какой вид заряда делать.

После ухода Ивана, отправляюсь в кузницу, где за сутки изготовил передаточные шестерни и три сверла длиной два, три и четыре метра, а также фрезы с диаметром пять, десять и пятнадцать сантиметров.

За следующие три дня переделал лесопилку на сверлильный станок на воловьей тяге. А затем закрепив в направляющих бревно, просверлил в нем продольное слепое отверстие глубиной четыре метра диаметром пятнадцать сантиметров. Просверлил запальное отверстие, после чего песочной абразивной шкуркой ошкурил продольное отверстие и горячей паклей, намотанной на четырехметровое сверло, выжег остатки стружки и древесной пыли. Получилось деревянное четырехметровое пушечное дуло калибром сто пятьдесят миллиметров.

С помощью кран-балки и лебедки установили ствол, на изготовленный Николаем, лафет. Общий вес деревянной пушки составил около шестисот килограмм. Собранную пушку с помощью той же кран-балки с лебедкой установили на сани.

Второй ствол просверлил намного быстрее, который также закрепили на лафете и установили на сани. Стволы пушек обмотали кожаными ремнями, а внутреннюю поверхность стволов по всей длине промазал подсолнечным маслом.

Утром 25 января я, Николай и Иван, на трех санях — на двух по деревянной пушке, на третьих сборная кран-балка, деревянные мишени с петлями, для привязывания к двум трехсотметровым верёвкам, выехали на лед реки Ольховки, по которой поехали вниз по течению и остановились в начале прямого участка реки, протяженностью около километра.

Выгрузив с саней одну пушку, закрепив станины, вбив их шипастые упоры в лед и вбив клинья, тем самым установив угол ствола в двадцать градусов, отправился устанавливать мишени на расстоянии триста пятьдесят и пятьсот метров от пушки.

Закрепив на правом берегу реки к дереву на высоте двух метров веревку, протянул ее через реку, также закрепив за дерево на высоте двух метров на левом берегу. По центру реки установил, воткнув в снег, тридцать досок, имитирующие человека, верхнюю часть которых, чтобы мишени не упали от первого попадания, за петли привязал к натянутой веревке. Таким же образом закрепил мишени на расстоянии пятьсот метров от пушки. А лошадей с санями и со второй пушкой, отводим на расстояние триста метров в противоположную сторону, фактически спрятав за мыском на левом берегу реки. Там же остаются Николай и Иван.

Я заталкиваю в дуло пушки пороховой заряд в хлопчатобумажном мешке весом восемь килограмм, пыж и мешочек с картечью, состоящую из девяти-десятимиллиметровых свинцовых шариков, общим весом восемь килограмм. Отхожу на пятьдесят метров, поджигаю пятидесятиметровый запальный шнур и бегу к ребятам.

Шнур горит около одной минуты. Как раз хватает времени добежать до ребят и отдать команды:

— Ложись! Открыть рот и ладонями закрыть уши!

Через десять секунд пушка вздрагивает, из дула вырывается сноп искр, пушка буквально подпрыгнув, отскакивает назад, пушку заволакивает дымом, а через секунду до нас доносится чудовищный грохот. Лошади встают на дыбы, если бы их поводья не были привязаны к деревьям, со страха точно бы понеслись вместе с санями в разные стороны. Ударная волна докатывается до нас. Лес ходит ходуном. Со всех деревьев опадает снег и летят достаточно крупные ветки. А в небо со всей округи вихрем взлетают под пару сотен птиц.

Николай и Иван, зажимаю уши руками, с открытыми ртами и выпученными обалдевшими глазами смотрят на меня.

— Ну, что вы хотите, это артиллерия. Бог войны! — находясь ещё под впечатлением от увиденного и оглушающего грохота выстрела, зажимая нос, пытаюсь продуть заложившие уши, отвечаю на немой вопрос ребят.

Николай и Иван моментально падают ниц.

«Чёрт, чёрт, опять сморозил!» — мысленно проклиная себя.

— Всем встать! Успокаиваем лошадей и поехали смотреть, — командуя, приводя ребят в чувство.

Лошади более-менее успокоились минут через десять, и мы на трех санях поехали к пушке. Лафет был полностью разрушен, а вот ствол выстрел выдержал. Хотя по его внутреннему состоянию, второй выстрел он вряд ли выдержит. По оставленным на снегу выхлопа пороховых газов, определил векторы и угол разброса картечи в 6 градусов.

Выгрузив вторую пушку, поехали смотреть мишени. Во все тридцать мишени шириной по тридцать сантиметров и с расстоянием между мишенями также тридцать сантиметров, расположенных на расстоянии трехсот пятидесяти метрах от пушки, были попадания, при том не менее пяти в каждую. По высоте сквозные отверстия начинались практически от земли и до полутора метров высоты мишени. Часть мишеней было переломаны. Большинство попаданий были по высоте в районе от пятидесяти до семидесяти сантиметров. Разброс картечи составил более шестидесяти метров.

Пройдя ко второй линии мишеней, расположенных на расстоянии пятьсот метров от пушки, ни одного попадания в них не обнаружил. По поврежденному снежному покрову видно, что свинцовый заряд преодолел только четыреста пятьдесят метров.

После осмотра мишеней, Николай и Иван, увидев такое количество попаданий, находились в полном восторге. Пришлось опускать их на землю.

— Нас атаковать будет конница. Этими выстрелами мы убили только лошадей, а если и попали во всадника, то только в ноги, а большинство воинов останутся живы.

— Надо увеличить пороховой заряд, — практически не задумываясь, выпаливает Николай.

— Нет, Коля, — смотря в землю и двигая носком ноги, как бы вдавливая что-то в снег, а затем поднимая голову, хитро улыбаясь, тихо говорит Иван. — Я по указанию Володи снаряжал два картонных стакана со свинцовыми шариками, в одном восемьсот шариков общим весом восемь килограмм, а в другой четыреста шариков общим весом четыре килограмма, а пороховой заряд остался одинаковым. То есть, нужно уменьшить общий вес поражающих элементов.

— Так не честно, — насупился Николай.

— Не расстраивайся Николай, я Ване новую задачку задам, — подмигиваю Николаю, а тот, смотря на Ивана, начинает ехидно ухмыляться. — Какой угол ствола нужно установить, чтобы была поражена конница на расстоянии от трехсот пятидесяти до пятисот метров. Иван, все исходные данные у тебя есть, и высота лафета один метр, длинна ствола, количество пороха, вес свинцовых шариков и даже неудачное только, что проведенное испытание. Вспомни как я учил рассчитывать полет стрелы стреломёта. И не забудь про коэффициент сопротивления воздуха.

Иван задумывается на пару минут, чешет затылок, шевелит губами, видимо проговаривая мысленные подсчёты, а потом его выражение лица резко изменяется и

расплывается в улыбке.

— Володя, так опять легкая задачка, как была с гранатами. Угол должен быть пятнадцать градусов.

— Молодец! А теперь приступаем к испытаниям второй пушки. Николай и Иван, возвращайтесь в укрытие. Я к вам после зарядки пушки сразу присоединюсь.

Забив клинья, установил угол ствола в пятнадцать градусов, зарядил пушку, поджог пятидесятиметровый фитильный шнур, вскочил в сани и подстегнув лошадь, скоренько поехал в укрытие к ребятам.

Привязав лошадь за мыском к дереву, рядом с другими лошадьми, залег рядом с ребятами. Они уже без команды открыли свои рты и зажали уши. По силе грохота, выстрел был такой же, ребята и лошади на него хотя и среагировали, но более спокойно.

В результате выстрела лафет также был полностью разрушен, ствол выстрел выдержал, но также, как и первый, второй выстрел вряд ли переживет. А вот результаты выстрела порадовали. Первый ряд мишени был поражен на высоте от ста восьмидесяти сантиметров до двух метров, а второй ряд мишеней — на высоте от ста сорока до ста семидесяти сантиметров. Судя по поврежденному снежному покрову, пролетевшие мимо мишеней свинцовые шарики, преодолели дистанцию в восемьсот метров.

— Ваня, не спеша делай четырнадцать таких зарядов, два будет запасными, и еще два на восемь килограмм свинцовых шариков, на всякий случай.

— Володя, надо усилить лафеты, а то разваливаются от одного выстрела, — предлагает Николай.

— Коля, не нужно, пушки одноразовые. Ты подготовь к маю для их перевозки, а также кран-балок и зарядов, пятнадцать повозок, а еще бочки для перевозки бензина, — Николай кивает, а дальше даю поручение Ивану. — Ваня, также к маю подготовь пятьсот погонных метров керамических труб, на которых сделай алмазным резцом продольные надрезы, чтобы легко можно было сверху выдавить пластину шириной пять сантиметров.

Загрузив мишени, остатки пушек на сани, поехали в Усадьбу. Три километра преодолели за полчаса. Свернули с Ольховки на русло ручья, но встречать нас никто не вышел.

— Внимание. В Усадьбе что-то случилось. Рассредоточиться. Приготовиться к бою, — отдаю команды тихим, но твердым голосом.

Николай и Иван, спрыгивают с саней и скрываются за деревьями по обоим берегам ручья. Я в прицел осматриваю Усадьбу. На смотровой вышке дозорный, который смотрит в сторону Маслёной горы. Перевожу прицел на смотровую вышку, расположенную на Маслёной горе. Наблюдатель «семафорит» в Усадьбу:

— Три санные упряжки свернули Усадьбе. Владимир жив.

Перевожу взгляд на наблюдателя в Усадьбе, узнаю в нем сарматского пацана Напа, который пулей спускается с вышки и бежит в здание усадьбы, откуда через минуты выбегает Эвика и бежит в нашу сторону. А за ней гурьбой выскакивают ребяташки, застегивая на ходу овчинные тулупчики. Последней выходит Лада, которая пытается успокоить детей, хоть как-то их организовать, ей удастся построить ребяташек в колонну по три, и они также направляются в нашу сторону.

Командую Николаю и Ивану:

— Отбой тревоги!

Мы рассаживаемся по саням и правим по льду ручья в Усадьбу.

Быстро анализирую произошедшее:

«Положение хуже некуда. Все старшие ребяташки и самые боеспособные либо на смене в Кунгуре, либо у Форпоста. Олега и Ивана я забрал с собой. На хозяйстве остались Эвика и Лада. А тут нестандартная ситуация, сильнейшие взрывы, испуганная живность. У Эвики и Лады сработал материнский инстинкт по защите ребяташек — заслонить их собой, поэтому всех ребят и собрали в одном месте в холле усадьбы, а не отдали команду по обороне Усадьбы согласно штатного расписания. А ребяташки послушались Эвику и Ладу. Расслабились. Только наблюдатели оказались на высоте».

На полпути к саням подбегает Эвика, хватая лошадь под уздцы, останавливая сани и смотрит на меня взглядом полным тревоги:

— Володя, ты живой! — переводит взгляд с меня и пристально всматривается в Николая и Ивана. — И вы ребята живы! Мы слышали два оглушающих взрыва, подобных сильнейшим громовым раскатам. В усадьбе даже часть стекол в окнах разбилось. Ребяташки испугались. Вся живность перепугалась, лошади, чуть из конюшни не вырвались. Что случилось?

— Эвика, с нами все хорошо, — а дальше продолжаю для всех, уже подошедших ребяташек. — Я, Николай и Иван проводили испытания нового оружия — пушек.

Беглым взглядом осматриваю ребяташек. Вооружены только Эвика и Лада, на которых надеты разгрузки с метательными ножами и гранатами, за спинами приторочены арбалеты. У остальных ребяташек оружия нет.

Нужно приводить всех в чувство, командую:

— По десяткам становись! — когда все ребяташки построились, а за моей спиной встали Николай, Иван, Эвика и Лада, продолжаю:

— Разве передо мной стоит в строю гордое племя Руссов. Нет! Я вижу только трусливых зайцев! — по строю пробежался тихий шепоток, кто-то пытается возразить. — Разве я не прав. Я не вижу ни одного члена племени с арбалетом, с пращей, либо с луком. Не вижу ни одной гранаты. Вы и есть трусливые зайцы!..

Делаю паузу и продолжаю:

— Что вы должны делать при объявлении тревоги или непредвиденной ситуации? Кто ответит? — поднимается лес рук. — Александр, слушаю тебя.

— При объявлении тревоги или непредвиденной опасной ситуации, все должны вооружиться и занять свои места согласно штатного расписания по обороне Усадьбы, — громко на одном дыхании выпаливает Александр.

— Так почему же этого сделано не было?

— Было страшно, — из строя раздается пара десятков тихих голосов.

— Всем смотреть на наблюдательную вышку. Вы там видите дежурного наблюдателя Напа. Вы думаете ему не было страшно? Было, но он в отличие от вас не побежал прятаться, а остался на своём посту. То, что вам было страшно, это нормально. Бесстрашных людей не бывает, я тоже иногда боюсь. А вот трусят только зайцы. Так вы зайцы?

В ответ нестройный хор голосов:

— Нет.

— А какой наш девиз?

— Один за всех! Все за одного! — хор голосов стал стройнее.

— Так почему же Нап был за всех, а за него всех не было?

А в ответ тишина. Ребята смотрят себе под ноги, никто не решается посмотреть ни на

меня, ни на стоящих рядом ребят.

«Пора заканчивать с самобичеванием и возвращаться к позитиву», — прикидываю в уме, а в слух продолжаю:

— Надеюсь вы всё поняли?

— Да.

— Да.

— Да, — раздаётся не больше десятка несмелых голосов.

— Я не слышу! — повышаю тембр голоса, а ребята поднимают голову и смотрят на меня, хотя ещё и не совсем уверенно, раздаётся хор голосов:

— Да...

— Не слышу!!!

— Да!!! - громогласно восклицает хор голосов.

— Больше никто не назовет вас трусливыми зайцами?!

— Нееет!!! — ревет строй ребятишек.

— Один за всех!!!

— И все за одного!!! — зычно громыкает строй.

«Вот и приободрились», — удовлетворенно хмыкаю про себя, и в слух продолжаю:

— Первая десятка одевает рабочие перчатки, берет веники и совки, убирает разбитые стекла. Вторая и третья десятки под руководством Николая и Ивана, вставляют в окна новые стекла. Остальные продолжают заниматься текущими делами... Разойдись!

Сам же отправляюсь осматривать масштаб повреждений, которых оказалось не так и много. За исключением десятка разбитых оконных стекол, повреждений практически не было. Грохот выстрелов нагнал больше страха на ребятишек и живность, чем причинил материальный ущерб.

Разбор полетов с Эвикой и Ладой устраивать не стал. В случившемся, кроме себя, винить некого. Эвика и Лада состоявшиеся воины, очень хорошо владеют луком, арбалетом, метательными ножами, кроме того отличные управленцы в сфере мирной жизни, но они никогда не руководили обороной и опыта такого даже в тренировках у них не было, да этого раньше и не требовалось.

Расслабился-то я, а ни кто-либо другой. Посчитал, что, уезжая с Николаем и Иваном недалеко, всего на три километра, не подумал о возможных последствиях испытаний пушек. Выстрел из пушки слышен на расстоянии километров восьми, а зимой ещё дальше. Пороховой заряд весом восемь килограмм намного усилил грохот выстрела, даже у меня в трехстах метрах от пушки, уши заложило. А то, что мы поехали на испытание и возможных взрывах, ни Ладу, ни Эвику, я не предупредил. Вот и получилась нештатная ситуация.

После ужина у меня в мезонине собрались Эвика, Лада, Николай и Иван. Эвика и Лада сидят на краешке стульев с понурым выражением лица, глаз на меня не поднимают. Делаю вид, что их состояния не замечаю и как ни в чём не бывало перехожу к текущим вопросам:

— Николай, тебе нужно срочно сделать два четырехметровых столба, вернее идола, с изображением языков пламени, поднимающихся от пояса, плеч и головы вверх. Нужно их срочно установить по левому берегу реки Барда перед бродом. Таким образом обозначим восточную границу нашего королевства, — говорю и одновременно рисую эскиз пограничного знака.

— Два знака я за день вырежу, — рассматривая эскиз, заявляет Николай.

— Таких знаков нужно побольше сделать и поставить по всей границе, а языки пламени я покрашу в красный цвет и покрою лаком, — рассмотрев рисунок, предлагает Иван.

— Нужно лицо более злым вырезать, — включается в обсуждение Эвика. — Чтобы знали, тут всех ждет смерть.

— Можно и злым вырезать, — соглашается Николай.

— Хорошо, пусть будет злым. К лету еще четыре знака понадобится, установим по берегам Сылвы, два ниже по течению Кунгура и два выше по течению будущей крепостицы на острове, — соглашаюсь с ребятами, а далее продолжаю:

— Если летом придет степное племя, то может так случится, что косули от нас уйдут, надо заранее подумать, чем заменить в нашем питании их мясо.

— Практически все овцы и козы беременны, приплод ожидается через два-три месяца. Да и у коров неплохой отел ожидается. Мясо косуль можно заменить ягнятиной, немного козлятиной и говядиной, — оживает Лада. — А если весной перевести всю отару овец к Форпосту, то можно прикупить еще пять-шесть коров.

— Через два дня, по готовности двух пограничных знаков, отправляюсь к броду, где его установлю, заодно в Форпосте посмотрю, возможно ли туда перевести отару овец, а по возвращению отправляюсь с новой сменой в Кунгур.

Замечаю, что Эвика и Лада решились выступить с покаянной речью, останавливаю их:

— Эвика, Лада, то что вы вооружились, это хорошо, но вы совершили две ошибки. О первой вы уже слышали, что не вооружились остальные ребяташки, а вторая — если вы посчитали, что опасность слишком велика, то вы на санях должны были с ребяташками покинуть Усадьбу и направиться к Форпосту.

Девочки, переглянувшись между собой, смотрят на меня и по их взглядам я понимаю, что вопрос об отходе из Усадьбы ими вообще не рассматривался и только сейчас они начинают осознавать произошедшее и возможные трагические последствия, в случае действительного нападения на Усадьбу.

Сделав паузу, продолжаю:

— Я знаю, что вы всё поняли! Ошибки бывают у всех! Я в вас уверен! Как говорится за одного битого двух не битых дают.

Девчонки приободрились, в ранее потухших глазах, зажглись огоньки.

«Вот и славно, пора заканчивать», — замечаю про себя, а в слух:

— На сегодня всё, мне ещё в кузнице поработать нужно.

Следующие три дня безвылазно работал в кузнице и мастерской. Накопилось много дел, хотя и мелких, но необходимых в хозяйстве, начиная от простых гвоздей, различных деталей для швейных машинок, косилок и сеялок, заканчивая поворотными и передаточными шестернями для лесопилок и подъемных стреловых кранов.

Утром 29 января на трех санях с Александром, Константином и Григорием, а также с одной хаски, загрузившись двумя пограничными столбами, шанцевым инструментом, стреломётом, прожектором, запасом продуктов и овсом для лошадей, отправились к броду на реке Барда.

По льду Ольховки, а затем по свежей просеке за пару часов доехали до лесного лагеря, в котором пришлось задержаться до следующего утра. Воспользовавшись моим приездом, Михаил с ходу подкинул мне работенки:

— Володя, еще три дня, и мы закончим очистку просеки, складирование бревен и распиловку досок. Но надо свалить еще двадцать три дерева, тогда будет полностью готовый проезд от Ольховки к Форпосту.

Взяв топор, до вечера валил указанные Михаилом деревья, пни которых тут же подрывали гранатами и выкорчёвывали с помощью волов, а срубленные стволы очищали от веток и с помощью волов подтаскивали к лесопилке.

Утром по снежной целине продолжили движение к броду. До места будущей крепостицы на реке Барда добрались за восемь часов и стали обустроить лагерь. После обустройства лагеря, смотрю пацаны мнутя, а затем выстраиваются в шеренгу, и Константин делает шаг вперед:

— Володя, мы тебя подвели, но этого больше не повторится.

Смотрю на ребят. Все замерли, чувствуется, что ребята напряжены, но при этом с уверенностью смотрят мне в глаза.

— Я знаю, что вы меня не подведёте! Я уверен в вашей преданности! — раздаётся выдох облегчения, а я продолжаю. — Устанавливаем прожектор и как стемнеет, передаете сообщение, что с нами всё в порядке. Утром, я на одних санях, а также собакой, направляюсь к броду устанавливать пограничные столбы, вы остаетесь на месте и занимаете круговую оборону.

В предрассветных сумерках по льду вверх по течению реки Барды направился к броду,

куда на санях доехал минут за сорок. Река на месте брода промерзла льдом практически до дна. На снегу каких-либо следов ни зверей, ни тем более человека, не обнаружил.

Выехал на левый берег реки, отъехал от нее на восток около пятисот метров и на небольшой возвышенности в полтора метра, выбрал место для установления пограничного столба. Дал команду хаски охранять меня, скинув овчинный тулуп, принялся долбить промерзлую землю.

Выкопав яму глубиной полтора метра, подогнал поближе сани с пограничным столбом, перетащил столб к яме и стал со стороны головы его поднимать. Вес столба солидный, килограмм сто двадцать, так, что пришлось попотеть. Подставив плечо, поднял верх столба и стал под него заходить, когда угол достиг восьмидесяти градусов, низ столба проскочил на полтора метра в яму и столб встал вертикально лицом на восток. Засыпав и утрамбовав землю, отошёл на десять метров и стал осматривать пограничный столб.

На двух с половиной метровом столбе красовалась вырезанная страхолюдная морда, отдаленно напоминающую человеческую. Морду обрамляли выкрашенные красной краской языки пламени, устремленные в высь. Вряд ли пограничный столб остановит степняков, но гнетущее впечатление на них произведет. Даже подбежавшая хаски, посмотрев на вырезанную морду, прижала хвост и взывала смертным воем.

Второй столб, также вырыв яму, установил в непосредственной близости от брода на левом берегу реки.

Если глава степняков пошлет вперед разведку из сотни, а то и двух сотен всадников, то у первой рожки разведка точно остановятся и дождётся хана со всем войском. А через пятьсот метров брод с разливом реки в триста метров и второй столб, разведка, недалеко ускакавшая от основной орды, наблюдая достаточно большое расстояние до противоположного берега, также остановится, дожидаясь хана с основным войском. Вся орда соберется вместе и выстроится вдоль брода, и только тогда хан опять пошлет разведку вперед обследовать брод и противоположный правый берег. Но это уже будет неважно.

Удовлетворенный проделанной работой по установлению первых пограничных столбов, вернулся к Александру, Константину и Григорию. Быстро перекусив пеммиканом, свернули лагерь и отправились в Форпост. Обрато снежную целину преодолевать не пришлось, возвращались по своим следам, скорость движения увеличилась и доехали до Форпоста за шесть часов.

До наступления сумерек проехался верхом вдоль лесной чащи на два километра на юг от Форпоста, а потом на север. Временную овчарню поставить можно фактически в любом месте, но возникнет проблема с водой для овец, придется в бочках на повозках возить от реки Ольховки, либо отару на водопой туда гонять. Лишний раз убедился, что лучше ранее выбранного места на речушке, несущую свои воды в реку Сылву, для лошадиной фермы нет.

— Да тут можно быстро не только временную овчарню соорудить, а еще и конюшню для лошадиной фермы, — как читая мои мысли, высказывается, сопровождающий меня Михаил. — До водопоя на реке Ольховки по просеке всего два километра, в крайнем случае не сложно будет и бочками воду возить.

— Овец в любой ситуации весной сюда переселим. Если всё удачно получится, то подумаем и об организации временной лошадиной фермы, а то в Усадьбе тесновато становится, — соглашаюсь с Михаилом. — Я смотрю вы тут практически всё обработку деревьев закончили.

— Володя, переработка валежника и срубленных деревьев в бревна и доски полностью

закончена, просека очищена от пней.

— Завтра с утра все вместе, с лошадьми и волами, возвращаемся в Усадьбу. В лесном лагере остаются только Савлий, Денис и Олег, а также два вола, две лошади и двое саней. Через день новая смена отправляется в крепость Кунгур.

Утром, вместе с Савлием, Денисом и Олегом, размечаю вешками место для возведения временной овчарни, а также в Форпосте место для ледника и даю им последние наставления:

— После возвращения из Кунгура, будем в Форпосте возводить овчарню и копать ледник. К моему возвращению наморозьте ледяных кирпичей для ледника, сделайте две стремянки высотой в полтора и два с половиной метра и подготовите ветки для обрешётки.

С остальными ребятами, караваном из десятка саней тронулись в Усадьбу, куда благополучно прибыли к обеду. На следующий день 2 февраля на шести санях с новой сменой из двенадцати ребяташек, в которую в том числе вошли Александр, Константин, Григорий, Вера, Надежда, Любовь, отправились в Кунгур. Помимо продуктов, кормов, боеприпасов, скобяных изделий, везём с собой один пограничный столб со страшенной рожой, вырезанной Николаем. В Кунгур добрались к обеду второго дня.

Гарнизон крепости в полном составе, за исключением дежурного на северной башне донжоне, выстроившись в шеренгу, встречал нас у ворот крепости. Как только я соскочил с саней, ребята гарнизона кланяются мне в пояс. Борис, выйдя из строя, торжественным голосом рапортует:

— Володя! За смену в крепости Кунгур происшествий нет! Больных нет! Все здоровы!

— Молодцы! — окидываю взглядом весь строй, а затем обнимаю за плечи Бориса. — Времени мало, быстро все разгружают сани, кроме пограничного столба, а затем показываете крепость новой смене.

Пока ребята разгружают сани, отправился к вечному огню. Лес от бурелома и валежника очищен уже почти на километр. Подойдя к гранитной скале, прошел в проём. Вечный огонь горел всё тем же синем пламенем. Убедившись, что всё в порядке, а зеркала чистки не требуют, вернулся к крепости. К моему возвращению, ребята практически закончили разгрузку саней.

— Борис, я сейчас съезжу вниз по течению Сылвы, в трех километрах есть островок, на котором установлю пограничный столб. Пока ты будешь показывать новичкам крепость, я как раз к ужину вернусь.

— Ну и страхолюдина, — Бориса даже передернуло, когда он увидел вырезанную рожу с языками пламени на пограничном столбе.

— Пусть потом не обижаются, мы врагов предупреждаем, что дальше двигаться смерти подобно, — подмигиваю с ироничной улыбкой Борису, который еще раз посмотрев на рожу, зловеще ухмыльнулся.

Три километра до острова вниз по течению Сылвы на санях, запряженных гуннской лошадью, преодолел за тридцать минут. Остров по размеру небольшой, тридцать метров в длину и двадцать в ширину, возвышался над покрытым льдом рекой на два метра. На западной оконечности острова принялся копать яму под пограничный столб. Как и у брода на реке Барда, земля на острове промерзла сантиметров на десять. Выкапывание полутораметровой ямы и установка пограничного знака заняло полтора часа.

Вернулся в Кунгур в вечерних сумерках, как раз к ужину. На ужине кормили фирменным кунгурским блюдом — тушеной крольчатиной с тушеными капустой, морковью

и картошкой. После ужина старая смена продолжила знакомить новичков с крепостью и её окрестностями, а Борис повел меня в свою мастерскую.

— Борис, рассказывай, как вы тут поживаете, какие новости?

— Володя, рассказывать много, с чего начать?

— Начни с крепости.

— Все помещения в крепости просушены, протапливаем каждый день, кладка с каждым днём становится всё тверже, ледник полностью выморожен, обложен льдом, температура в нем минус двадцать два градуса. Жилые помещения, кухня, мастерские полностью обеспечены деревянной мебелью. У ребят каждое утро двухчасовая тренировка, затем занятия по механике, после обеда часовой сон, но спать никто не хочет, ребята большей частью время в столярной и гончарной мастерских, в конюшне, да на кроличьей ферме проводят, — улыбается Борис.

— Как с охраной и наблюдением?

— Все по графику дежурят на верху северной башни. Дежурство круглосуточное, но время дежурства каждого сократил до двух часов. Если больше, то дежурный наблюдатель начинает расслабляться, сложно постоянно находится в напряжении, а за два часа расслабится не успеваает. Есть еще два постоянных дневных наряда по кухне и конюшне с кроличьей фермой.

— Борис, а с питанием и кормами проблемы есть?

— Володя, с питанием и кормами всё хорошо, даже лишние есть. Помимо того, что вы из Усадьбы привозите, мы двух лосей добыли, да и кролики плодятся. Мы для Усадьбы пятьдесят килограмм крольчатины подготовили и сто двадцать кроличьих шкурок. С молоком также излишки, мы сыр варим и на созревании у нас больше сотни кругов сыра по четыре килограмма.

Не заметил, как пролетел час, а Борис с горящими глазами, всё рассказывал и рассказывал. О расчистке леса от валежника и бурелома, о работе лесопилке на воловьей тяге, о прессовании опилок в брикеты и использования их в качестве топлива, о запасах боеприпасов к стреломётам, гранат и бензиновых бомб, а еще о многих хозяйственных событиях.

— Володя, на сегодняшний день крепость Кунгур спокойно может принять для проживания и охраны гарнизон не менее чем пятьдесят человек.

— Борис, ты молодец! После посевной, скорее всего в мае, в Кунгур могут нагрянуть незваные гости, так, что гарнизон для их встречи увеличим, а пока смены остаются по двенадцать человек.

— Встретим гостей, — ехидно ухмыляется Борис. — Стреломёты все пристреляны, с башен спокойно пробивают две пятисантиметровых доски на расстоянии четыреста метров.

— Вот и отлично. Борис, а какие результаты в проектировании винтовой трубы для подъёма воды?

— Володя, тут оказалось не всё просто, сделали только небольшой макет, но он работает, — Борис отходит к стеллажам и выносит оттуда полутораметровую керамическую трубу с винтом внутри и ручкой в верхней части. — А вот с расчётами по подъёму через винтовую трубу воды из колодца в бочку водонапорной башни, не все гладко, получается очень тяжелая и громоздкая конструкция.

Борис один конец трубы ставит в стоящее на полу деревянное ведро с водой, а второе пустое ведро ставит на стул. Под углом в сорок пять градусов приставляет верхний конец

трубы к пустому ведру и начинает крутить ручки винта. Буквально через двадцать секунд вода, поднявшись по трубе стала заполнять верхнее ведро.

— Борис, модель работает отлично, а что не так с чертежами? — рассматриваю чертежи и сдерживаю себя, чтобы не расхохотаться.

Наблюдаю действительно расчеты массивной конструкции. От колодца под углом в сорок пять градусов идет вверх к бочке напорной башни длинная труба, от верхней части которой опускается небольшой направляющий желоб к бочке. На уровне бочки на платформе находится крутящийся круг, в центре которого расположена передаточная шестерня, соединенная приводом с колесом ручки. И вот на этой верхотуре в качестве тягловой силы, крутящий круг, запряжен вол!

— Ну, что же, идея хорошая, но может вола на землю опустим? — сдерживаю смех. — Если вол со страха описается или его пронесет, а если он с испугу все там разгромит и упадет, ты представляешь, что внизу во дворе будет.

Борис, чешет затылок, а потом, видимо представив гадящего вола с высоты почти пятнадцати метров, заливается неудержимым смехом, а из его глаз брызгают слёзы.

Когда Борис отсмеялся и вытер слезы, я продолжаю:

— Пусть новая смена тоже подумает над подъёмом воды.

— Володя, обязательно подумают, — а дальше отходит обратно к стеллажам, из-за которых начинает перетаскивать по полу тяжеленные для его силёнок мешки. — Вот, я тут золотых и серебряных монет наштамповал.

Помогаю Борису донести мешки весом от пятнадцати до двадцати килограмм. В одном, весом в районе пятнадцати килограмм, золотые монеты, во втором, весом в районе двадцати килограмм серебряные рубли и в двух самых больших мешках, но повесу каждый на пару килограмм поменьше, чем мешок с рублями, серебряные копейки.

— Борис, сколько же ты монет изготовил?

— 1875 золотых монет, 1583 серебряных рублей и одиннадцать тысяч серебряных копеек. Практически всё золото и серебро ушло на монеты, оставил на поделки по одному килограмму золота и серебра.

— Замечательно, ты весь золотой песок и самородки переработал, до конца лета вряд ли золото и серебро на переработку появится.

— Володя, я тогда огранкой камней займусь, — Борис расплывается в улыбке. — А то руки до камней не доходили, монеты штамповал.

— Борис, а как ты определил, что в леднике температура минус двадцать два градуса, ведь на спиртовом градуснике минусовая температура размечена только до минус пятнадцати.

— Так всё же просто, — смотрит на меня с недоумением Борис. — Спиртовая жидкость в трубке ушла ниже отметки минус пятнадцать, вот я пропорцию и высчитал, получилось минус двадцать два.

— Ну если так, то да, — не стал разубеждать Бориса, а дальше уже про себя: «Сделать то термометр просто — бутылка, стеклянная трубочка, спиртовой раствор с добавкой клюквы в качестве красителя, герметизация глиной и термометр готов. А вот с его калибровкой полная задница. Более-менее определил ноль — температуру замерзания воды, да еще народным методом с помощью локтя приблизительно определил температуру теплой воды в тридцать шесть градусов. А дальше, только по внутренним ощущениям, особенно с отрицательной температурой, да по расчётам всё той же пропорции, отметил температурные метки с шагом в пять градусов». А в слух заканчиваю разговор:

— Борис, уже за полночь, время за разговорами с тобой быстро пролетело. Завтра рано вставать.

Утром тепло попрощавшись с Борисом и ребятами, сообщил, что новая смена придет уже на шлюпах после ледохода, погрузив монеты, пятьдесят килограмм крольчатины и сто двадцать меховых шкур, тронулись домой. По проторенной нами колее, практически в отсутствие груза, шли ходко с одночасовой остановкой, добрались до Усадьбы за двенадцать часов.

Утром 6 февраля я и Гнур, прихватив с собой одну собаку, на двух санях, загрузившись припасами, поехали в Форпост. По прибытию в Форпост, похвалил Дениса, Олега и Савлия за проделанную работу. Дениса и Олега отправил в Усадьбу, а с Савлием и Гнуром приступили к выкапыванию ледника и возведению летней овчарни. Вернее, я копал и

строил, а ребята были на подхвате. За двадцать дней ледник полезной площадью двадцать четыре метра и высотой два метра двадцать сантиметров и летняя овчарня на две отары по пятьдесят голов, с отделениями для молодняка и овцематок были полностью построены. Хотя мне и приходилось работать по четырнадцать-пятнадцать часов в день, не забывал о тренировках, посвящая им один час в день.

Законсервировав лесопилку и стреловые краны, с Савлием и Гнуром 27 февраля вернулись в Усадьбу. Время до ужина посвятил отдыху с обязательным посещением парилки. Вечером в мезонине собрались старички, которые рассказали, что занятия и тренировки у ребят идут по плану, о подготовке к весеннему севу, о практической готовности третьего шлюпа, об изготовлении восьми пушек, о готовности товара для Куруша, о других текущих вопросах. Один из которых подняла Лада:

— Раз построили овчарню на сто голов, то можно приобрести порядка пятнадцати-двадцати овец, тем более у нас один баран подрастает. Его старый уже гонять начинает, чувствует конкурента, — улыбается Лада, а затем наморщив лобик, продолжает: — Нужно еще шесть коров купить...

— И еще шесть волов, — не давая Ладе договорить, вклинивается Николай. — Нам все больше и больше тягловой силы требуется.

— Не забывайте, что дети растут, а поскольку Володя, ты запретил, чтобы младшие донашивали одежду старших, нужно много кожи и овчины, — включается в разговор Эвика.

Выждав секунд тридцать, но больше о нуждах Усадьбы никто не высказался, излагаю план действий на ближайшее время:

— Как с Ольховки сойдет лед, спускаем три шлюпа на воду и отправляюсь в городище Ибырь, где обмениваем зерно ячменя на соль и соду, продаем водку, чипсы, подсолнечное масло, кукурузные хлопья и покупаю кожу, шкуры и овчину. Тем более надо наши новые деньги прорекламирровать, — выкладываю на стол стопки золотых монет, серебряные рубли и копейки. — Наш ювелир Борис, новые формы монет придумал и уже отштамповал.

Ребята берут монеты, рассматривают, переводят взгляд на меня, а потом обратно на монеты, переглядываются между собой. Первой не выдерживает Эвика:

— Володя! На монете вылитый ты, — и смотрит на меня с восхищением.

Остальные старички, восторженно поддакивают Эвике, которая торжественным голосом продолжает:

— Все должны знать Божественного Короля Руссов Владимира I и наше королевство Руссов!

Все ребята встают и низко мне кланяются.

Выждав паузу, прошу ребят сесть, а сам продолжаю:

— После возвращения из городища Ибырь, загружаемся товаром для городища Имень, куда должны дойти и вернуться до начала посевной. После посевной уже пойдём на встречу с Курушем.

— Володя, а почему не совместить поход в городище Имень и встречу с Курушем, — как всегда наморщив лобик, задается резонным вопросом Лада.

— Когда в городище Имень придет Куруш, за ним могут прийти и другие купцы его конкуренты, да и римляне могут в мае тоже появиться. Так, что лучше не рисковать и прийти в Имень на месяц раньше.

Последующие дни занимался подготовкой агрегатов к посевной, а затем доводкой стоячего и бегущего такелажа на новом шлюпе, а также конопатили и просмолили старые

шлюпы. Одновременно проходили тренировки на слаживание экипажей шлюпов. Новый шлюп взял себе, а на мой старый поставил капитаном Семёна.

В мой экипаж вошли Аршак, Ракс, Опис, Оре и новичок в экипаже Гнур. В экипаже Михаила — Савлий, Виктор, Петр и новички в экипаже Анна и Дарья. В экипаже Семёна — Денис, Олег и три новичка — Алексей, Андрей, Василий.

Утром 2 марта Николай доложил, что все двенадцать пушек готовы. Решил, пока стоит лёд на санях перевезти пушки в Форпост. Загрузив пушки на двенадцать саней, под управлением мальчишечьей части экипажей шлюпов, за исключением Михаила и Семёна, довели по льду Ольховки и просеке их до Форпоста, где с помощью стрелового деревянного крана их разгрузили и в этот же день вернулись обратно в Усадьбу.

Весна оказалась ранней. 5 марта приступили к сбору живицы и березового сока, 10 марта прошёл ледоход, а на следующий день спустили шлюпы на воду. Шлюпы загрузили товаром для городища Ибыр и продовольственные и кормовые запасы для крепости Кунгур.

Утром 12 марта, приняв на борт двенадцать ребятишек новой смены, отправились в путь. Провожать нас вышло всё племя. И как всегда, Эвика махала платком нам вслед, пока шлюпы не скрылись за поворотом реки.

Вечером, как раз к ужину пришли в Кунгур. Смена защитников крепости, выстроенная Борисом в шеренгу, поклоном приветствовала меня, а Борис как всегда кратко доложил:

— Володя, в крепости происшествий не было. Все здоровы. Больных нет.

Пока ребята разгружали привезенный для крепости груз, я сбегал к вечному огню. По дороге обратил внимание, что лес от бурелома очищен еще на триста метров. Вечный огонь горел и моего вмешательства не потребовалось. Вернулся к крепости как раз к окончанию разгрузки шлюпов и к ужину, на котором угощали фирменным кунгурским блюдом — тушеной крольчатиной с тушеными овощами.

— Борис, а у вас крольчатиной постоянно кормят?

— Володя, фирменное блюдо только когда гости приезжают, — смеется Борис. — А так питание такое же как в Усадьбе, только разбавляем ещё крольчатиной.

— Ребят, закончивших смену, оставляю у тебя, заберу их по возвращению из городища Ибырь. Сейчас утки возвращаются с юга, ребята помогут в их добычи, да и рыбные запасы пополнят, на всякий случай нужно в леднике побольше продовольствия накопить.

— Володя, мне шестерых ребят в помощь достаточно будет, может половину возьмешь с собой в плавание, лишние навыки им не повредят.

— Можно и взять. У тебя персональные кандидаты есть?

— Есть. Александр, Константин, Григорий, Вера, Надежда и Любовь просились.

— Хорошо. У меня по кандидатам возражений нет. Завтра, чуть начнет светать, сразу уходим. Борис, будь начеку. Если кто будет приплывать к крепости и захочет переговорить, в крепость не впускай, к прибывшим не подходи, говори в рупор со стены. Если приплывет больше одной долбленки, либо галера, без разговоров, сразу стреляй на уничтожение.

— Володя, я всё понял, — уверенно с серьёзным выражением лица говорит Борис и ведет меня в мастерскую. — Пока похвастаться нечем, расчёты дают только один результат, крутящий механизм для подъёма воды должен быть наверху, а, следовательно, и вол должен быть наверху. По расчетам вола можно поместить наверху воротной башни, но тогда там не будет места для стреломётов.

— Борис, а если использовать ременную кожаную передачу или металлическую цепную, тогда вола возможно оставить на земле?

Борис задумывается, чешет затылок, а потом смотрит на меня просветленным взглядом: — Володя, мы подъём воды с помощью ременной передачи вообще не рассматривали. А ведь может получиться. Нужно посчитать.

— Вот и будет для ребят практическое задание по механике.

— Володя, огранку камней показывать сейчас не буду, она пока не окончена, после твоего возвращения покажу.

— Хорошо. Боря, я с огранкой тебя не тороплю, твори в своё удовольствие.

Утром, в предрассветных сумерках на трех шлюпах пошли в городище Ибыр. К себе на шлюп в качестве юнг взял Константина и Веру, на шлюп Михаила в качестве юнг назначил Александра и Надежду, а на шлюп Семёна — Григория и Любовь.

В пути отрабатывали взаимодействия трех шлюпов в боевых построениях, маневрировании, дважды провели стрельбы по проплывающим по Каме здоровенным глыбам льда.

В последний день перед прибытием в городище Ибыр, управление шлюпом передаю Аршаку. Есть время подумать, как защищаться от римских боевых галер.

Галеры пойдут через Дон, а потом по мелким рекам попадут в Оку, в Волгу, а затем и в Каму. Из Дона в бассейн рек Оки в реку Шат возможно галеру придется тащить волоком. Значит галеры будут небольшие. Как я помню из школьной программы самая маленькая римская боевая галера в длину была тридцать метров, шириной пять метров, весел по одиннадцать штук с каждого борта, на веслах по два-три гребца. Гребцы не рабы, а легионеры, плюс экипаж и абордажная команда, всего не менее двухсот, а то и двухсот пятидесяти легионеров, то есть половина когорты. Вооружены катапультами и скорпионами. В полную силу гребцы могут разогнать галеру до двенадцати узлов. И это только одна галера. Но одну галеру не пошлют, их будет не менее трех, а то и пять. Считаю по максимуму, а это больше тысячи воинов, и не просто, а воинов, закаленных в боях, умеющих воевать на суше, море и штурмовать крепости. Тысяча легионеров захватит Кунгур на раз-два. Значит уничтожать их надо на воде.

Если встречать их на воде, то это тоже проблема. У них дальнобойные скорпионы и катапульты. С опытом стрельбы на море, качку на реке они даже не заметят и точность выстрелов будет почти стопроцентной. Плюс скорость двенадцать узлов и манёвренность. Если не будет сильного попутного ветра, то и удрать от них не сможем.

И что остается? Как в известном фильме — переговоры. Но требования римлян известны мне и так — отдать Аршака. Если я отдаю Аршака, то сохраняю остальное племя и даже возможно получу преференции от Рима, да и ещё торговлю. Но, тогда ко всем чертям летит один из основных столпов на чем держится племя — «Один за всех и все за одного». Доверие среди ребят рухнет в ноль, а мои действия по передаче Аршака римлянам будут воспринято как предательство. Да я и сам на дух не переношу постулат — «жертвуй меньшим ради большего» — это лозунг торговцев, а не воинов.

Я не должен жертвовать никем!

Стоп. А если на галерах будет мать Аршака, что тогда делать?..

А ничего не делать. Царица сбежала к исконным врагам своей страны. То есть она предала свой народ и своё царство, да и своего сына — принца. Теперь она марионетка в руках врагов Персии-Парфии. Такая же участь ждет и Аршака.

Ещё один неприятный вопрос: Аршак, так же, как и Опис, стрелки стреломётов. Если при стрельбе Аршак увидит и узнает мать... Аршака из стрелков нужно убирать, а, чтобы его

не обидеть, будет в битве помогать мне управлять шлюпом, а следовательно в случае нашей победы на досмотр галер не попадет.

И ещё, я знаю, что в 235 году императора Александра Севера убьют и на нем прекратит существование его династия. Дальше в Риме начнется полный беспредел, когда императорами стали провозглашать себя военачальники. Некоторые из них не проживали после коронации и дня. Рим ждет пятьдесят лет гражданской войны, вторжения варваров и крах экономики. Не думаю, что Аршак и его мать в этих условиях даже год проживут.

Аршак должен возвращать трон сам, а не на штыках армии врагов, да и армия дружеского государства ему популярности на родине не прибавит.

Выход только один, принимать бой на воде, используя скорострельность наших стреломётов, уповать на сильный попутный ветер, да и на знание того, что, боясь убить Аршака, римляне не будут стрелять из катапульта зажигательными снарядами. Такой план оптимизма у меня не вызывает, как-то много условий должны сложиться, и ветер, и гуманизм римлян. Но другого пока нет.

В девять часов утра 18 марта подошли к городищу Ибыр. У причальной стенки ни ладей, ни галер не было, на песчаной косе на половину вытащенные на берег наличествовали лишь с десяток долбленок и пара насадов. А вот на берегу былолюдно, нас встречало около пятидесяти жителей городища. В прицел среди встречающих, разглядел мытаря и почти всех торговцев солью и содой. Пока швартовались, людей становилось всё больше и больше. По их настроению и выражению лиц было понятно, что они действительно рады нас видеть.

— Приветствую тебя Божественный Король Руссов! — как только я вступил на сходни, громко и торжественно приветствует меня мытарь, а все находящиеся вокруг жители городища, кланяются мне в пояс. — Что ты привез для торговли в городище Ибыр?

«Похоже слухи о моих подвигах и божественной силе докатились до городища Ибырь», — проскакивает мысль, а в слух отвечаю: — Я рад приветствовать жителей славного городища Ибыр, а привез я ячмень, ржаную и пшеничную муку, солнечное масло, чипсы, зерновые хлопья, огненную воду и сладкие леденцы.

После моих слов, толпа загомонила, со всех сторон слышались радостные возгласы одобрения. Достая серебряные рубли, чтобы расплатиться за швартовку, но мытарь их не берёт:

— В городище Ибыр нехватка зерна, старейшины приказали не брать мыто с торговцев, привозящих зерно и другие продукты. Что ты хочешь взамен за зерно и муку.

— Я готов обменять зерно и муку на соль, соду, шесть коров, шесть волов, восемнадцать овец, оленью и бычью кожи, овчину, волчьи, лисьи и заячьи шкуры. мех горносталя, соболя, рыси, куницы готов купить за серебро и золото.

Мытарь подзывает торговцев солью и содой. К нам подходят два человека лет по сорок, хотя я так и не научился определять возраст здешних жителей по их внешности. Как-то после двадцати-двадцати пяти лет они быстро начинают стареть. С торговцами договариваемся быстро, сойдясь на прошлогодней цене, только беру в полтора раза больше. Шесть тонн имевшегося на трех шлюпах ячменного зерна и сто килограмм ржаной муки обменял на две тонны соды и полторы тонны соли. Продавцы соли и соды тут же организовали людей на погрузку и разгрузку шлюпов.

Пока шли погрузочно-разгрузочные работы, прошел на торг, где с трудом выбрал из худящих коров, волов и овец, по шесть дойных коров и молодых волов, а также восемнадцать двухлетних овец. За которых заплатил также, как и в прошлом году. За всех коров и волов заплатил по шестьсот килограмм пшеничной и ржаной муки, двадцать четыре бочонка с подсолнечным маслом и сто двадцать килограмм чипсов. За все восемнадцать овец заплатил триста килограмм пшеничной и триста килограмм ржаной муки.

Коров загоняем на мой шлюп, волов на шлюп Михаила и овец на шлюп Семёна. В остатке у меня две тонны сто килограмм пшеничной муки и одна тонна девятьсот килограмм ржаной, на которые прямо со шлюпов покупаю у жителей городища оленью кожу за восемь килограмм муки за шкуру, коровьи, бычьи, воловьи и овчину по пять килограмм муки за шкуру, мех зайца за три килограмма, лисы за восемь килограмм, волка за десять килограмм. Мука распродается моментально, а трюмы практически полностью заполняются шкурами.

Дальше дежавю, но не в лице торговцев рабами, а в лице торговцев солью. Впрочем, в городище Ибыр, деньги есть только у них. Торговцы солью построили корчму и также полностью выкупили у меня всё спиртное, чипсы, солнечное масло, кукурузные хлопья и даже двести пятьдесят леденцов в форме петушков, по той же цене, что и торговцы в городище Имень, заказав на следующий год такой же ассортимент.

Называется прорекламиривал монеты королевства, вообще ни одной не потратил, еще и получил мешок драхм, а прибыль как минимум триста процентов. Дорогие меха никто за деньги не продает, а только за еду, но требуют слишком много. Понятно, что деньгами сыт не будешь, если еду купить на них проблематично.

К окончанию торгов появляется старый знакомый охотник Чоткар из рода Волка, который принес два мешка шкурок горноста и соболя. Торговались недолго, мех купил за сто золотых королевства Руссов и один пятилитровый бочонок подсолнечного масла из запасов для экипажа.

Программа по торговле в городище Ибыр выполнена полностью. В отсутствии конкурентов, расторговались практически моментально, всего за четыре часа. Сэкономленное время нужно использовать с толком, пора отправляться домой.

Только хотел отдать команду к отходу, как увидел приближающую группу старейшин, за которыми идут девять ребятишек, шесть мальчиков и три девочки, не больше трех, максимум четырех лет отроду. Ожидаю их на верху сходней. Группа останавливается в пяти метрах и старший подходит к сходням. Приветствует меня поклоном головы.

— Я, Тар, глава клана и старейшина городища Ибыр приветствую доблестного Божественного Короля Руссов Владимира I в нашем городище.

— Приветствую тебя достопочтимый старейшина Тар, — также приветствую поклоном головы.

— Я наслышан о твоей доблести и благодарю тебя за привезенное зерно и муку. У этих детей погибли родители, ни одна семья рода не берет их к себе, в городище голод и им не выжить. Прошу возьми их себе.

— Я их возьму, — и протягиваю старейшине девять золотых монет. Но старейшина

денег не берет.

— Я их не продаю, а прошу тебя их воспитать и быть им отцом, а в знак признательности возьми от меня в дар три камня, — делает знак рукой.

К нам подходят три старейшины, у каждого в руках по небольшому туеску. Старейшина по очереди берет туесок, открывает крышку и передает мне. А в туесках три огромных необработанных округлых камня размером с мелкое куриное яйцо — два красных рубина и сине-зеленый сапфир. Полученный камни я принимаю с королевским достоинством и передаю, стоящему за моей спиной Гнуру.

— Старейшина Тар, я воспитаю этих детей, как своих, — сопровождая слова поклоном головы.

Тар кланяется мне в ответ, разворачивается, подходит к детям, что-то им говорит и с остальными старейшинами уходит.

После того как дети поднялись на борт, шлюпы отдают швартовы и медленно отходят от причальной стенки городища. На удивление ребяташки чистые, холщовая одежда на них хотя и старенькая, но тоже чистая, на ногах новые лапти. А вот выглядят они плохо, тельца худющие, взгляд глаз потухший, настроение упадочническое. Имен никто своих не знает. Потихоньку начинаем откармливать и поднимать жизненный тонус.

Через пару часов после отхода, погода испортилась, температура с плюс десяти градусов опустилась практически до нуля, пошёл мокрый снег, только одно радовало — сильный северный ветер, который дул три дня, что дало возможность идти курсом бакштаг и поднять спинакер, практически с постоянной скоростью четырнадцать узлов. В результате сэкономили одни сутки. Через три дня ветер поменялся на западный и резко потеплело почти до десяти градусов.

В пути домой продолжаем отрабатывать совместные действия трех шлюпов, синхронность смены галсов, переходы с одного курса на другой, повороты и развороты, движение в кильватерном строю и в ряд.

22 марта к обеду пришли в Кунгур. При подходе отсемафорили, что стоянка будет пять минут, шлюпы заберут оставшихся от предыдущей смены шесть человек и уйдут в Усадьбу, а я останусь.

Быстро приняв на борт шестерых ребят, даю указания Михаилу, Семёну и заменяющему меня Аршаку:

— Приходите в Усадьбу, после разгрузки мой шлюп и шлюп Михаила загружаете товаром для городища Имень и с самого утра идёте в Кунгур. Семён, ты остаешься в Усадьбе. На шлюпе курсируешь между Усадьбой и просекой в Форпост, перевозишь к просеке двенадцать повозок для пушек и всех овец. В Форпосте помогаете Александру, Кириллу, Григорию, Вере, Надежде и Любви обустроить лагерь, в котором они будут жить и следить за отарами овец. Проследи, чтобы ребята взяли с собой собаку. Михаил, в Кунгур также привези одну собаку.

После ухода шлюпов, кратко обрисовываю Борису ситуацию с возможным нападением на нас римских галер.

— Володя, как мы сможем их остановить? — с тревогой в голосе спрашивает Борис.

— Борис, ты вокруг Кунгура практически всё обошёл и облазил, в открытом бою нам римлян не победить, нужно найти место для засады и не дать легионерам высадиться на берег, а уничтожить их на воде.

— Володя, так искать не надо. В четырёхстах метрах от крепости вниз по течению

Сылвы по правому берегу имеется небольшая скала метров в десять высотой. Мы вдоль неё мишени ставим и из стреломётов на точность стреляем с западной и северной башен. Наверху скалы ровная площадка, там хоть двадцать стреломётов установить можно.

— Тогда сейчас на долбленки туда подплывем и на месте посмотрим.

Гранитная скала высотой десять метров на половину перекрывает прямое течение Сылвы, в связи с чем река вынуждена её огибать, делая небольшой зигзаг влево, образуя на противоположном левом берегу широкий пляж. У подножья скалы, обращенной к крепости, разбросаны разбитые доски, использованные в качестве мишеней. Наверху скалы широкая скальная площадка, с края которой как на ладони просматривается река и противоположный галечно-песчаный берег. Ширина реки в этом месте метров триста. Идеальное место для засады. Только вопрос, попадут ли в засаду римляне.

Что римляне знают либо не составит им труда узнать о королевстве Руссов? Знают, что есть каменная крепость, как минимум два парусных судна, вооруженных стреломётами, есть взрослый король и пара сотен детей, а также, что мы разгромили семь купеческих судов и убили пятьсот сираков при их нападении на городище Арын. Да, ещё король Руссов является духом огня. Хотя к последнему римляне отнесутся скептически, да и к уничтожению сираков и купеческих судов тоже. В их понимании, дети с одним взрослым на такое не способны, а рассказы лишь сказки аборигенов. Поверят только в крепость, два судна и стреломёты, поскольку это укладывается в их миропонимание.

Что я знаю о римлянах и их боевой тактике? При военных действиях в глубине чужих территорий римляне строят каструм. Но это если боевые действия предстоят на суше. С моря крепости, вначале обстреливают с галер из скорпионов и катапульты зажигательными снарядами и крупными камнями, а потом штурмуют. На небольших галерах катапульты небольшой мощности, так что стены их снарядами не разбить, стреляют зажигательными. Скорпионы и катапульты бьют на триста метров. Но они понимают, что наши стреломёты, находясь на стенах, за счет высоты, стреляют дальше. Значит останутся в четырёхстах метрах от крепости. В этот момент их и надо уничтожать.

Римляне сюда придут не крепости штурмовать, а за ребенком. То есть в начале будут переговоры и нападения они ожидать не будут. А вот если они высадутся на берег и в серьёз будут готовиться к штурму, строить каструм и большие катапульты, благо леса вокруг полно, нам хана.

— Борис, засаду будем готовить на этой скале. Семён на шлюпе, после завершения перевозок в Усадьбе, будет сюда подвозить необходимое оборудование. А сейчас возвращаемся в крепость.

После ужина Борис показал новые чертежи винтовой трубы для подъёма воды. На этот раз в конструкции предполагалось использование ременного привода от вала, находящегося на земле. А главное, место для вола также было на земле.

— Володя, по расчетам получается, что сможем поднять воду. Угол подъёма трубы сорок пять градусов, длина трубы семьдесят метров, удерживать трубу будут шесть деревянных опор.

— Борис, по чертежам на бумаге ладно выглядит. Вопрос только к материалам. А из чего ты трубы и винт предполагаешь делать?

— Трубы керамические есть, а винт также керамический будет.

— С трубами понятно, а вот как ты семидесятиметровый винт из глины сделаешь, а если сделаешь, не развалится ли он под тяжестью поднимаемой воды.

— Володя, ты как всегда прав, — задумавшись на пару десятков секунд, грустным голосом отвечает Борис. — Мне такой длинный винт из глины не слепить и его не обжечь. Для винта нужен другой материал.

— Борис, оснований расстраиваться нет. Ты и ребята на верном пути. Может винт делать деревянным и составным?

— Володя, мы с ребятами ещё посчитаем, — воодушевляется Борис. — скорее всего с деревянным составным винтом у нас всё получится.

А потом, сделав небольшую паузу, Борис, бросив на меня мимолетный загадочный взгляд, продолжает:

— Володя, пока огранка камней не закончена, так, что и сегодня я тебе камни не покажу.

— Боря, я же тебя не тороплю, твори без спешки.

Общение с Борисом закончили уже в наступившей ночной темноте. Перед сном, поднялся на северную башню донжон и прожекторной связью передал для Николая и Ивана инструкции по подготовке оборудования для обороны Кунгура.

Весь следующий день до прихода двух шлюпов, досконально обследовал площадку на скале, место будущей засады, близлежащую территорию, а также пляж на противоположном берегу Сылвы. Шлюпы подошли к шестнадцати часам. Чтобы понапрасну не тратить и так поджимающее нас время, ночевать в крепости не остались. Быстро выгрузив провизию, корма, боеприпасы, а также оставив Борису собаку, пошли в городище Имень.

До городища Имень дошли без происшествий 2 апреля в районе часа дня. На берегу у причальной стенки нас встречал торговец рабами и совладелец корчмы Гачет. Скорее всего нанял наблюдателя, чтобы первым узнать о нашем прибытии. А вот мытаря не наблюдалось.

— Владимир! Как я рад, что ты приехал на месяц раньше. Весь твой товар распродали ещё два месяца назад. Покупаем всё, что ты привез.

Со стороны городища доносится топот копыт, гиканье возчиков, которые разгоняют запряженных в два десятка телег лошадей, чуть ли не в галоп. На двух телегах, вырвавшихся вперед, в качестве возниц замечаю еще двух совладельцев Гута и Обыру, а на пяти телегах, несущимися последними еще и ребяташек.

«Похоже дела у новоявленных владельцев общепита идут в гору, даже рабов на телегах к покупателю подвозят», — ухмыляюсь про себя, а в слух:

— Гачет, я тоже рад тебя видеть. Привез товар, как мы и договаривались, — в это время подъезжают Гут и Обыра, которые спрыгивают с телег, низко кланяются мне в пояс, и я продолжаю уже для троих: одну тысячу бутылок водки, по триста виски и бурбона, каждая керамическая бутылка по десять серебряных драхм, одна тысяча бутылок солнечного масла по две драхмы, две тысячи упаковок чипсов по две драхмы за упаковку.

Гачет, Гут, Обыра не сговариваясь, кивают головами.

— Да, берем всё, — чуть ли, не переходя на крик, практически хором, восклицают торговцы.

— Владимир, а у тебя на продажу еще что-либо есть? Мы возьмем весь товар, — за всех с горящими от вожделения спрашивает Гачет.

— Есть тысяча бутылок водки, по двести виски и бурбона, пятьсот солнечного масла, пятьсот упаковок чипсов, а также пятьсот упаковок зерновых хлопьев, очень вкусно их есть с молоком, по две драхмы за упаковку и триста сладких леденцов в виде петушков за три драхмы за штуку.

— Мы возьмем всё. У нас тридцать девять детей рабов, которых мы продадим тебе, как и в прошлый раз за пять бутылок водки за раба.

— Надеюсь дети здоровы?

— Здоровы, их только вчера привезли, — отвечает Обыра.

Бьём с торговцами по рукам, закрепляя сделку.

— Товар совершенно свежий, крепкие мужчины и сладкие, еще не тронутые девы, может и их купишь, — с ехидной ухмылкой интересуется Гут.

— Нет.

Дальше началась разгрузка шлюпов и погрузка товара на телеги. Прибывшие с торговцами мужики, выстроившись в цепочку, буквально за полчаса закончили разгрузочно-погрузочные работы. Полностью освободив трюмы от товара, привезенного в Имень. Тепло распрощался с торговцами, которые попросили привезти на следующий год в два раза больше спиртного.

Распределив новых трех-четырёх летних подданных королевства Руссов по шлюпам — двадцать одного мальчика на мой шлюп и восемнадцать девочек на шлюп Михаила, погрузив два увесистых мешка с драхмами на свой шлюп, я отправился на торг покупать двух дойных коров по одной на шлюп для откармливания молоком ребятишек.

На торгу продавцов много, а вот покупателей кот наплакал. Как только я появился на торгу, большинство взоров торговцев сразу же были обращены на меня и каждый из них пытался, кто криками, а кто и просто хватая за рукава, завлечь меня к своим товарам. Поняв, что спокойно поторговаться и купить коров, а также шкур и меха у меня не получится, громко объявил, что покупаю двух лучших дойных коров, шкуры крупного рогатого скота, овчину, меха на своем шлюпе и быстро ретировался с торга.

Только вернулся на шлюп, как потянулись с торга торговцы. Выбрав двух дойных коров, заплатил за каждую по два золотых королевства Руссов. Шкуры, овчину и меха покупал за серебряные рубли и копейки, до тех пор пока практически не заполнил трюмы двух шлюпов.

Уже собирался отдать команду на отход, как увидел, расступающихся торговцев, еще остававшихся у причальной стенки с надеждой продать мне свой товар, которые образовали живой проход к моему шлюпу, по которому чинно и с достоинством в окружении десятка воинов проследовали старейшины городища Имень, за которыми, поглядывая на меня со страхом в глазах, приклонив головы шли с десятков следопытов моих бывших рабов.

Старший из старейшин, подойдя к сходящим, обратившись ко мне, низко склонил голову:

— Я, Пожум, старейшина городища Имень, приветствую тебя Божественный Король Руссов Владимир I!

— Приветствую тебя достопочтимый старейшина городища Имень Пожум!

— Я, глава рода и все старейшины городища предлагаем тебе дружбу и наше почтение! В знак наших добрых намерений мы освобождаем тебя и твоих людей от оплаты мыта за торговлю в нашем городище, а также возвращаем тебе сто ауреусов, — старейшина делает знак рукой и ко мне подходит один из стоящих за его спиной старейшин и протягивает мне мешочек с золотыми ауреусами, выплаченных мной в прошлом году мытарю.

— Благодарю тебя старейшина Пожум! Я принимаю Вашу дружбу.

— Да будет так, — старейшина бьет посохом о землю, разворачивается и делегация уходит.

Я же команду:

— Отдать швартовы, — шлюпы медленно, а затем набирая скорость отходят от

городища Имень. Нужно спешить домой.

Весна полностью вступила в свои права. Дневная температура стабильно держалась в районе пятнадцати градусов. По берегам Камы дружно распускали листву деревья, прибрежные луга покрылись молодыми травами, вот-вот зацветет черёмуха. Световой день резко увеличивается, а вечерние и предрассветные сумерки становятся с каждым днем длиннее, крадя у темноты ночи по пять минут в сутки.

Домой идем без дневных остановок, полный световой день и фактически полностью захватываем сумерки. На ночь, прячась за островами, становимся на четыре с половиной часа.

В пути как всегда постепенно откармливаем ребятишек, начиная с молока и на третий день переходя на нормальное питание. Ребятишки из угорских племен, но словарный запас у них маленький. Пытаюсь познакомиться, но как всегда имен своих они не знают. Скорее всего имена им присваивают родители в более старшем возрасте. В очередной раз придется их нарекать мне. Потихоньку начинаем с ними заниматься, развиваем моторику, учим русскому языку, да на пальцах пытаемся считать.

К Кунгуру подошли в полдень 15 апреля, но швартоваться не стали. С Борисом коротко переговорили через рупор. В вечерних сумерках пришли в Усадьбу. Эвика и Лада после приветствий, сразу же занялись обхаживанием новеньких ребятишек, кудахта как курицы насадки, пытаясь каждого из них прикрыть своим крылом. Экипажи быстро разгрузив с помощью встречающих шлюпы, отдраили трюмы и палубу, и только глубоко за полночь легли спать.

16 апреля 233 года, вот и прошло восемь лет с момента моего попадания. К этому времени количество подданных королевства Руссов, не считая меня, достигло двухсот шестнадцати человек, 115 мальчиков и 101 девочка.

С самого утра начали вспашку полей, их боронование и сев. Как всегда, я работал от зари до зари, а старшие ребятишки по три часа посменно, а к севу подключались уже и младшие ребятишки.

27 апреля начали загрузку двух шлюпов, моего и Михаила, товарами для Куруша. Шлюп Семёна оставался в Усадьбе, будет продолжать курсировать между просекой к Форпосту, Усадьбой и Кунгуром. Грузов ему ещё возить, не перевозить. На два шлюпа также загрузили по стреловому разборному деревянному крану, для установки их на площадке скалы перед Кунгуром.

С рассветом 28 апреля отправляемся на встречу с Курушем. С собой на борт берем новую усиленную смену в Кунгур из двадцати ребятишек, уже бывших ранее на смене по охране крепости. В Кунгур пришли к шестнадцати часам.

Встречали меня, экипажи и новую смену, выстроившиеся в шеренгу одиннадцать ребятишек во главе с Борисом. На северной башне оставался лишь один наблюдатель. Приветствуя меня, ребята поклонились в пояс.

— Володя, в крепости происшествий не было. Всё здоровы, больных нет, — как всегда командирским голосом докладывает Борис.

— Борис, я рад тебя видеть, а также рад видеть и вас ребята, — обнимаю Бориса. — Принимай новую усиленную смену. Все ребята ранее уже побывали в охране крепости, так,

что в курс дела войдут быстро. Старую смену через пару дней заберет Семён на своём шлюпе. Мы же с тобой на шлюпах сейчас отойдем к скале, на верхней площадке которой установим два стреловых разборных деревянных крана.

— Володя, там для подъёма груза наверх мы уже установили кран-балку и лебедки.

Подъём стреловых кранов на площадку скалы много времени не занял, больше потратили времени на сборку стреловых кранов и установку противовесов. А дальше подняли на площадку скалы четыре деревянных лафета и четыре пушечных деревянных ствола, ранее доставленных на шлюпе Семёна. Всего на площадке установим восемь пушек, больше не помещается. Оставшиеся четыре пушки Николаем уже изготовлены в Усадьбе и ждут своей очереди доставки шлюпом Семёна.

На площадке с помощью крана установили лафеты на позиции, затем на них установили стволы. У пушки есть только один выстрел, поэтому сразу же устанавливаю пушки по выбранному для каждой из них оптимальному с наибольшей зоной поражения сектору обстрела. Закончили затемно.

На следующий день на шлюпе подошёл к пляжу левого берега Сылве, расположенного напротив скалы с местом засады. Высадившись, взял конец четырехсотметрового каната, ранее доставленного туда Семёном, и спустившись вниз на пятьдесят метров по берегу реки накрепко закрепил его за многовековое дерево. Второй конец каната закрепили на шлюпе и перетащили на правый берег, в пятидесяти метрах за скалой, с помощью блоков и лебедок закрепили на исполинском дереве на высоте двадцати метров, прикрепив на конце каната канатную сетку с грузом. При выбивании стопора, канат, лежащий на дне поперек реки Сылвы, при его натяжении поднимется над водой на полметра, тем самым преградит галерам возможность отхода вниз по течению. Там же определил две позиции для установки стреломётов, пригодится для уничтожения выживших римлян, после пушечного залпа.

К ужину в Кунгур пришёл шлюп Семёна. На шлюпе привезли очередные лафет и пушечный ствол, которые подняли на площадку скалы, собрали и установили на позицию.

В вечерних сумерках, Борис потащил меня в свою мастерскую, где за разговорами об обороне крепости и хозяйственных вопросах засиделись допоздна. В ходе общения, Борис продемонстрировал очередной чертёж винтового подъёма воды. Пока я его рассматривал, Борис давал свои пояснения.

— Володя, винты решили делать деревянными секционными длиной два метра. Между собой они будут крепиться стыковым соединением с усилением крепления нагелями. Винт будет в керамической трубе длиной два метра, которые будут соединяться паз в паз. Труба, чтобы не провисала под своей тяжестью, находится в деревянном жёлобе, который будет опираться на опоры.

— Борис, я тебя поздравляю, в чертежах всё вполне жизнеспособно, — замечаю, как с Бориса спадает напряжение, и он довольно улыбается. — С Семёном передай чертёж винта Николаю. Если сможет изготовить, то пусть потихоньку делает, но не в ущерб другим изделиям.

Уходил от Бориса уже в полной темноте. В этот раз Борис даже не заикнулся об огранке камней.

«Что же он такое делает?» — но развивать мысль не стал. Вставать через два часа.

Утром, в предрассветных сумерках я и Михаил на двух шлюпах пошли на встречу с Курушем, а на шлюпе Семёна в Усадьбу отправилось двенадцать ребяташек, сдавших смену в крепости.

11 мая дошли без происшествий к острову в двадцати километрах от городища Имень. В пути случилось одно знаковое событие. Проходя мимо места впадения в Каму реки Иж, заметили долблёнку, с которой нам махали руками пара человек, как бы приглашая зайти в городище Арын. Но времени у нас в обрез, поэтому прошли мимо не останавливаясь.

«Похоже старейшины городища Арын осознали осенний невежливый приём своих спасителей», — отметил лишь про себя.

Куруш был на месте. В этот раз в караване было восемь галер. Рассматривая в прицел караван, обратил внимание, что на всех галерах установлены катапульты и баллисты. Видимо, последствия прошлогоднего чуть не случившегося на него нападения, заставили Куруша основательно вооружиться и усилить свою охрану. По берегу острова шесть слуг выгуливали шесть лошадей иноходцев. Корпус всех лошадей напоминал треугольник — широкая грудь и узкий таз, головы горбоносые с широко расставленными глазами.

Когда шлюпы медленно заходили в бухточку острова, с одной из галер на остров сошёл Куруш и уже на берегу, даже не скрывая нетерпения, стал ожидать швартовки шлюпов. Как только со шлюпа спустили сходни, Куруш, чуть ли не бегом, поднялся на палубу.

— Здравствуй друг Владимир! Я жду тебя два дня и уже начал волноваться, что с тобой могло случиться непоправимое.

— Здравствуй мой друг Куруш! Как видишь, я жив и здоров. Ветер бывает переменчив, сложно точно рассчитать время прибытия. Так, что за меня не следует переживать.

Куруш быстро оглядывает палубу шлюпа и экипаж, на секунду задерживает взгляд на Раксе, а затем на пару секунд на Аршаке и снизив громкость голоса, почти шёпотом обращается ко мне.

— Владимир. Я привез очень тревожные вести, — Куруш делает паузу, всматривается внимательно мне в глаза и пытается продолжить, но я его жестом останавливаю и приглашаю проследовать в каюту, где, после того, как Куруш сел на койку, а я напротив него на другую и не давая ему возможности продолжить, смотря прямо ему в глаза, тихим будничным голосом говорю:

— Куруш, я знаю, что ты мне хочешь сказать. Я ЗНАЮ, что ко мне идут боевые галеры римлян, которые через месяц вторгнутся в мои владения. Я ЗНАЮ, что через два месяца в мои владения вторгнется степное племя в несколько тысяч всадников, которых нанял шахиншах Арташир. Я ЗНАЮ, что ты и твой дядя шах Мидии Вардан рассказали шахиншаху Арташиру, что у меня находится наследный принц Парфянского царства Аршак и за эту весть шахиншах снизил тебе процент налогов с торговли практически до минимума, — после этих слов, лицо Куруша стало мертвецки бледным, на лбу выступили холодные капли пота, его стал трясти озноб, во взгляде полная обреченность, но страха в глазах не было.

— Ты меня убьёшь?.. — замогильным хрипящим, от пересыхания глотки, голосом, не отводя от меня глаз, спрашивает Куруш.

— Нет. Я тебя Куруш не убью, — продолжаю смотреть в глаза Куруша, а затем в гранёный стакан из керамического кувшина наливаю клюквенный морс и протягиваю стакан Курушу, который смотрит на стакан с морсом вождленным взглядом, но взять его не решается. Отпиваю из стакана глоток морса и вновь протягиваю его Курушу. — Там яда нет и твоя смерть мне не нужна.

Куруш осушает стакан парой глотков, смотрит мне в глаза.

— Почему ты мне оставляешь жизнь?

— Я ЗНАЮ, что на твоих галерах были и есть шпионы шахиншаха и если бы твой дядя

не сообщил шахиншаху о выжившем Аршаке, то ему бы об этом всё равно стало известно. А так шах Мидии в очередной раз защитил свой род, не даром же род Каренов существует столько столетий. При этом, твой дядя допускает, что Аршак может выжить, не просто так он прислал в отдарок мне лошадей иноходцев, которых я увидел выгуливавшихся на берегу острова. На таких лошадях в бой не идут, это царские лошади, предназначенные для церемониальных выездов либо для подчеркивания статуса наездника.

— Владимир, откуда ты это всё знаешь? Я до встречи с тобой был в городище Имень, где о тебе распространяются различные слухи. Что ты сын Богов, что дух огня, что чуть ли ты и сам Бог, спустившийся с небес. Но я этим слухам не верю. Кто ты Владимир?

— Мой друг Куруш, я уже тебе отвечал на этот вопрос. А то, что обо мне распространяют различные слухи, так это слухи и каждый решает для себя сам, верить слухам либо нет.

Смотря в глаза Куруша, замечаю в его взгляде толику сомнения и неуверенности.

«Ну, что же, клиент созрел, пора добивать», — мыслю про себя, а вслух продолжаю:

— Куруш, я многое знаю, я много вижу, я многое умею! Через десять лет в последний месяц лета Парфянское царство возродится и в него на коне иноходце под звуки фанфар и дробь барабанов въедет наследный принц много вековой царской династии Аршакидов Аршак. А Аршаку не понравится, если семь знатнейших родов, окажутся не на его стороне и не дадут ему вассальную клятву. Я надеюсь, что размер полученных сумм от снижения налогов, за предательство наследного принца династии Аршакидов, будет сохранен его вассалами из рода Каренов и через десять лет эти деньги будут вручены Аршаку. То, что Аршак займет по праву принадлежащий ему трон — правда. А, чтобы этому поверили помимо рода Каренов и другие знатнейшие роды Парфии, я скажу два обязательных события, которые произойдут в будущем. Первое, через два года будет убит император Рима Александр Север и его мать. Династия Северов прекратит свое существование. Дальнейшие пятьдесят лет во власти Рима будет полная неразбериха. Сенат Рима будет назначать императорами военачальников, некоторые из которых и суток не проживут после коронации. Риму будет не до Парфянского-Персидского царства. Им бы удержать земли от набегов варваров. Второе, через шесть лет шахиншах Ардашир I умрет.

Куруша проняло, смотрит на меня обалдевшими глазами, сделав небольшую паузу, продолжаю:

— Куруш, мы сейчас с тобой вдвоём и тут нет шпионов шахиншаха. Тебе и твоему дяде решать, сохранить ли сказанное мной в тайне или сообщить об услышанном шахиншаху. Ты сегодня лично видел Аршака, и убедился воочию, что он очень похож на своего царственного отца и царственного дядю. А в качестве еще одного доказательства, можешь посмотреть на амулет, — передаю Курушу амулет, полученный от старейшины городища Ибыр.

Куруш, рассматривает амулет и по его выражению лица становится понятно, что амулет им опознан, а в его голове идет бурный мысленный процесс. Забираю у Куруша амулет и возвращаю купца к текущим делам.

— Куруш, не пройти ли нам на палубу, отведать моих угощений и заняться торговыми делами.

Куруш, встряхнув пару раз головой, выходит из оцепенения, поднявшись из каюты на палубу и устроившись в полукресле за столиком, выпивает залпом два стакана клюквенного морса, а затем полстакана водки и закусив чипсом с аджикой, окончательно взяв себя в руки,

возвратился в свой привычный образ купца.

— Владимир! Прежде всего благодарю тебя за моё спасение! — Куруш встает и низко кланяется мне в пояс, а затем продолжает:

— Я привез тебе половину от продажи семи судов купцов, их товара и от выкупа одного оставшегося в живого купца двести тысяч золотых динаров. Тридцать процентов от продажной цены трех зеркал в сумме четыреста пятьдесят тысяч золотых динаров. Тридцать процентов от продажи трехсот стекол, продал по две тысячи динаров за стекло, сто восемьдесят тысяч динаров. Тысячу шестьсот бутылок с томатной пастой и столько же с аджикой продал за пятьсот динаров за бутылку, тридцать процентов четыреста восемьдесят тысяч динаров. За три тысячи двести стаканов тебе причитается триста двадцать тысяч динаров. Тысячу упаковок чипсов и столько же хлопьев продал за восемь драхм за упаковку, тридцать процентов составляет четыре тысячи восемьсот серебряных драхм. Всего составляет один миллион триста шестьдесят тысяч золотых динаров и четыре тысячи восемьсот серебряных драхм.

Пока Куруш перечислял вырученные суммы от продажи моего товара, я одновременно записывал на бумаге позиции и, считая в столбик, проверял расчеты Куруша.

— Всё верно. Куруш, как и договаривались, я привез товара в том же объёме, как и в прошлом году, только зеркал не три, а шесть штук. А также пять тысяч листов белой бумаги и одну тысячу леденцов.

— Очень хорошо, я готов почти за весь товар тебе сразу заплатить. Только три зеркала, бумагу и леденцы возьму на реализацию. За тысячу восемьсот бутылок спиртного, как и в прошлый раз расплачусь тканями из хлопка, шелка и хлопком сырцом, а поскольку лошадей на продажу нет, то вместо двадцати, пятьюдесятью тысячами золотых динаров. За остальной товар так же один миллион триста шестьдесят тысяч золотых динаров и четыре тысячи восемьсот серебряных драхм.

— Я согласен, Куруш.

А дальше начались погрузочно-разгрузочные работы, с которыми почти сотня рабов оперативно справилась. Ткани, хлопок сырец загрузили на мой шлюп. Лошадей иноходцев, двух коней и четырех кобыл, загрузили на шлюп Михаила, сундуки с двумя миллионами девятьсот семьдесят тысяч золотыми динарами загрузили поровну в два шлюпа и одним сундуком с девятью тысячами шестистам серебряными драхмами на мой шлюп.

По окончании погрузо-разгрузочных работ договорились с Курушем в следующем году в это же время встретиться на острове.

— Владимир, если не сложно привези в следующем году ещё и в дешёвой таре спиртное, особенно водки побольше, аджики и томатной пасты. Они сами по себе и без стеклянных бутылок спросом пользуются.

— Привезу. А мне также, как и в этот раз привези ткани и хлопок сырец.

И уже перед самым прощанием, Куруш отводит меня в сторону.

— Владимир, я выкупил двенадцать рабов маленьких детей трех-четырёх лет казненных парфянский аристократов, не возьмешь ли ты их себе? Они уже около двух лет в рабстве, о себе кроме имен, ничего не знают. Вот их имена с родословными, — Куруш, достает из-за пазухи своего необъемного халата двенадцать пергаментов скрепленных печатями и передает мне.

— Возьму, Куруш, — после этих слов, Куруш начинает громко прощаться, нарочито показательно для окружающих обнимает меня.

— Дорогой Владимир! В знак нашей дружбы прими от меня в дар двенадцать рабов, — громким голосом вещает Куруш и по его знаку к нам на борт заводят двенадцать парфянских детишек, шесть мальчиков и шесть девочек.

Также показательно благодарю Куруша, и команду:

— Отдать швартовы.

Днем 24 мая пришли в Кунгур. В пути происшествий не было, только при проходе мимо впадения реки Иж в Каму, опять увидели долбленку с машущими нам людьми. Времени, нет, не реагируя на приглашение ходко прошли мимо.

В пути знакомился с ребятишками. Все знают свои имена и возраст. Всем шести мальчикам и двум девочкам по четыре года, Четирем девочкам — три. Разговаривают на парфянском языке и как я понял еще на фарси. Голодными ребятишки не выглядели, Куруш в дороге их откормил. Сразу начинаем кормить нормальным питанием, в пути в основном уха, картошка, морковка, капуста, лук, зерновые каши, взвары, клюквенный морс, да ещё пеммикан. Также учили русский язык и навыки счета, а Аршак и Ракс, восполняли знания парфянского языка. Я же впитывал в себя фарси, хотя у ребятишек был небольшой словарный запас, но тут главное начать изучение языка хотя бы с малого.

— В крепости происшествий нет. Все здоровы. Больных нет, — как всегда бодро и торжественно доложил Борис, выйдя из строя из девятнадцати защитников крепости, приветствуя меня. — На северной башне остался только наблюдатель.

Пришвартовавшись в Кунгуре, приступили к разгрузке сундуков с золотыми динарами, которые грузили на повозки и затем перевозили на нижний ярус подвала, а оттуда я переносил их на последний подвальный этаж донжона, где была оборудована сокровищница. Закончили за полночь.

В таком количестве здесь золотые монеты мне не нужны, за глаза хватит золотых монет своей чеканки. Золото в Кунгуре оставляю на длительное хранение и в дальнейшем всё полученное от Куруша, а в будущем и возможно и от других купцов, буду хранить в подвалах донжона. Если моим долгосрочным планам суждено сбыться, то золото в больших количествах понадобится как Аршаку, так и сиракскому принцу, которой своей родословной и знатностью не уступает, а то и превосходит почти всех глав сарматских племен.

Утром, пересадив ребятишек на шлюп Михаила, а также перегрузив туда ткани и хлопок сырец, отправил его в Усадьбу, а сам со своим экипажем и шлюпом остался в крепости. Из экипажа Михаила, в крепости также остался Савлий. Не теряя времени, подогнал шлюп к скале, где на верх подняли привезенные ранее Семёном три деревянные пушки и установили их на позиции. А затем за скалой в пятидесяти метрах ниже по течению, выбрав позиции, смонтировали два стреломёта.

Вернувшись в Кунгур, взяв с собой пятерых ребят, прихватив ведра, трепки, мыло, направились к вечному огню. Огонь горел всё тем же синем пламенем, а вот зеркала были загажены мошками. Вместе с ребятами устроили генеральную уборку, отмыли зеркала и плафон, проверили работу крышки с задвижкой и вернулись в крепость. По дороге в лесу выкопал с корнями с десятков небольших кустиков и одну полуметровую ёлку.

Под вечер на долбленке вновь подхожу к скале, поднявшись на верх маскирую жерла пушек, выкопанными в лесу кустами и одной ёлкой. Спустившись, выхожу на долбленке на середину реки, осматриваю маскировку. Выглядит не очень, стволы пушек виднеются из-за кустов, но ведь это надо знать, что это пушки, а так выглядят, как простой валежник, заросший мелким кустарником.

Утром 26 мая собираю всех защитников крепости и в очередной раз проверяю готовность к обороне. По моим расчетам сегодня, в крайнем случае завтра, римляне должны

подойти к Кунгуру.

— Всё помнят, что делать? — ребята утвердительно кивают. Но я еще раз подробно разъясняю и даю конкретные указания каждому защитнику. — А главное помните, ни при каких обстоятельствах свою боевую позицию не покидать. Если в вашем секторе обороны ничего не происходит, это не значит, что врага там нет. Стоит покинуть позицию, как моментально в секторе обороны появится враг и спокойно преодолет стены крепости, её захватит и всех убьёт. А теперь по местам.

Остается только ждать. В крепости на каждой башне по пять ребяташек, на северной башне донжоне находится также и Борис. Шлюп под командованием Аршака стоит в устье реки Шаква. Савлий и Гнур за стреломётами на правом берегу реки Сылвы в пятидесяти метрах ниже по течению скалы. После прохода вверх по течению последней галеры Савлий должен выбить опору груза для поднятия каната через Сылву, чтобы отрезать путь отступления по реке. Я на скале у пушек. Четыре пушки заряжены четырехкилограммовыми зарядами картечи, другие четыре пушки восьмикилограммовой поражающей частью. Запальные шнуры соединены вместе, а затем расходятся к каждой пушки. Время горения запала рассчитано на пятнадцать секунд.

Время тянется невероятно долго. Когда стрелки часов приблизились к четырем часам дня, подумал, что римляне сегодня не появятся, но в этот момент наблюдатель с северной башни донжона подает сигнал о приближении римских галер. Со скалы в прицел в пяти километрах на прямом участке Сылвы наблюдаю сначала одну боевую галеру. Через минуту, замечаю вторую галеру, следующую за первой на расстоянии около двухсот метров, за которой друг за другом идут, держа дистанцию около двадцати метров, ещё две галеры.

Галеры с двумя мачтами, на каждой прямой парус, а вот весел с каждой стороны не одиннадцать, а двенадцать. На первой галере, видимо заметив крепость, убивают паруса и идут на веслах со скоростью около пяти узлов. На носу галеры обслуга засуетилась вокруг скорпиона, а на палубе начали взводить две катапульты. На остальных трех галерах также спустили паруса, идут на веслах чуть увеличив скорость, догоняя первую галеру, экипажи также готовят к стрельбе носовые скорпионы и катапульты.

Первая галера, как я и предполагал останавливается в четырехстах метрах от крепости почти на середине реки. От скалы с пушками до нее около ста двадцати метров. Вторая галера становится в ряд с первой, но ближе к пляжу левого берега, остальные галеры образуют второй ряд, становясь в шахматном порядке за первыми двумя галерами.

С первой галеры спускают шлюпку, а я поджигаю фитили пушек, убеждаюсь, что огонь принял на всех фитилях, отбегаю на пятнадцать метров назад и ныряю за заранее возведенную бревенчатую стенку высотой около метра. Открываю рот и зажимаю ладонями уши.

Через десять секунд происходят оглушающие выстрелы двух центральных пушек, а через секунду раздается громовая канонада остальных шести. Уши моментально закладывает, краем глаза замечаю падающее на меня верхнее бревно защитной стенки и только в последний миг успеваю отскочить перекатом в сторону, как бревно сваливается на место, где я только, что лежал. Пытаюсь, зажав нос, продуть уши, но ничего не получается, слуха нет.

Поднимаюсь и пытаюсь рассмотреть результаты пушечных выстрелов, но из-за порохового дыма ничего не видно. Да и вокруг резко потемнело. Задираю голову, а небо полностью закрыто одновременно взлетевшими тысячами птиц, часть из которых

сталкиваются в воздухе и камнем падают вниз. Не слышу, но представляю какой в небе стоит громогласный гомон.

Постепенно дым начинает рассеиваться. Начинаю различать силуэты пушек, вернее, что от них осталось. Отдача отбросила пушки на три-пять метров, все лафеты разрушены, почти на всех стволах полопалась ременная кожаная обмотка, но стволы целы, а значит смертоносный груз доставлен по назначению.

Подползаю к краю скальной площадки и передо мной открываются последствия пушечного залпа. На четырех галерах на палубах как минимум пара сотен трупов легионеров, от крови палубы окрасились в красный цвет. На гребной палубе гребля веслами не осуществляется, весла, висая в уключинах, растопырившись в разные стороны.

Слух постепенно начинает возвращаться, но пока только по поднимающимся облачкам порохового дыма с гребной палубы, понимаю, что с северной башни донжона крепости из стреломётов идет обстрел нижней палубы первой галеры, а с западной из стреломётов обстреливают гребную палубу второй галеры. Из находящихся во втором ряду, обстреливается из одного стреломёта расположенного в пятидесяти метрах за скалой, только дальняя от скалы галера. Второй стреломёт выстрелы не производит. Галеры первого ряда медленно сплавляются вниз по течению, выходя из-под обстрела крепости. Тут замечаю, что канат, который должен перегородить реку, над водой не натянут, а второй ряд галер от места его должного натяжения, находится в десяти метрах и с каждой секундой приближается всё ближе.

До моего еще слабого слуха, из-за скалы, с места нахождения противовеса для натяжения каната, доносится чуть слышный хлопок, по поднявшемуся облаку порохового дыма, понимаю, что взорвалась граната и в тот же момент, натянутый струной канат, поднимается из воды, а через пару секунд второй ряд галер в него упирается и течение начинает разворачивать галеры поперек реки. Тут же из-за скалы, ближайшую к ней галеру, начинает обстреливать второй стреломёт. Нос этой галеры, разворачиваясь поперек течения, приблизился ко мне, стоящему на скале, на семьдесят метров, и я начинаю пращей забрасывать её палубу гранатами.

Замечаю, что из устья реки Шаквы выходит шлюп и набирая скорость, приближается к первому ряду галер. С расстояния триста пятьдесят метров начинает по гребной палубе стрелять носовой стреломёт. Шлюп сократив расстояние до двухсот пятидесяти метров, становится по диагонали относительно течения Сылвы и в стрельбу включается кормовой стреломёт.

Обстреливаемую шлюпом галеру, течение постепенно разворачивает поперек реки. Галера приблизилась к скале на расстояние восьмидесяти метров, и я также начинаю из пращи забрасывать её палубу гранатами. Видя это, шлюп переносит огонь стреломётов на дальнюю от меня галеру первого ряда, а Гнур и Савлий переносят огонь на дальнюю от них галеру второго ряда.

Все четыре галеры течением прижимает к канату, который под давлением галер натягивается в струну, но выдерживает и галеры останавливаются. Ребята со шлюпа и из-за скалы продолжают обстрел дальних от меня галер, а я забрасываю две ближние ко мне галеры гранатами. Продолжаем обстрел ещё не менее десяти минут. Галеры нещадно дымят. Понимаю, что живых там нет. Подаю знаком сигнал прекратить огонь. Через три минуты резко светлеет, поднимаю голову, птицы начинают разлетаться, открывая голубое небо, яркие солнечные лучи освещают поле речного боя.

Спускаюсь со скалы, сажусь в долблёнку и гребу к шлюпу, который убрав стаксель, медленно идет вниз по течению, приближаясь ко мне. Не дойдя ста метров до галер, шлюп поднимает меня на борт.

Ребята в экипаже радостно приветствуют меня, кричат во весь голос здравицы победы, но я резко их останавливаю.

— Всем оставаться на местах! Полная боевая готовность! Ещё ничего не закончено. Оре, продублируй команду «симофором» в крепость, — смотрю на башнях в крепости ребяташки машут руками и начинают обниматься. Однако, после «симофора» там тоже успокаиваются. — Аршак, медленно подводи шлюп к галерам, но в плотную не подходи, останавливайся в пяти метрах от них и вставай на кормовой якорь.

— Володя, что это, — Оре указывает пальцем на воду, где через толщу воды на дне реки просматриваются светлые пятна.

— Оре, это, отражающие солнечные лучи доспехи, надетые на утонувших римских легионерах.

Пока приближались к галерам, насчитал не менее сотни утонувших римлян, которых пушечным залпом вымело с палуб галер, а тяжелые доспехи утянули легионеров на дно реки.

В пяти метрах от первой галеры шлюп, встав на кормовой якорь, остановился. Перекинув на галеру сходни, раздаю экипажу команды:

— Стрелки стреломётов Опис и Ракс, внимательно контролировать другие галеры, Аршак и Оре прикрывают меня с арбалетами.

По сходням перехожу на галеру, на верхней палубе с десятков трупов, вся палуба красная от крови, на гребной палубе месиво из сотни человеческих тел, живых нет. Обследую три другие галеры, на которых такая же картина, все мертвы. Но чувствую облегчение, так как среди убитых нет женщин. Если на борту галер и была мать Аршака, то теперь она покоится на дне реки. Хотя на галерах излишеств нет, что указывает на спартанское проживание легионеров. Каких-либо следов нахождения на галерах женщины не обнаружил.

Убедившись, что на галерах, выживших нет, приступаю к более подробному их обследованию, а вернее к сбору трофеев. На первой галере в каюте нахожу сундук доверху заполненный золотыми ауреусами, два сундука с римскими серебряными динариями и один в два раза меньшего размера сундучок с драгоценными камнями, в основном рубинами и сапфирами. Сундуки в четыре захода переношу на шлюп.

На каждой галере под гребной палубой в трюме имеются отдельные отсеки, с хранящимися там запасами продуктов и вина, пригубив которое, сразу же выплюнул, ну да хорошее вино солдатам не наливают. Другие отсеки с запасом стрел для скорпионов, каменных снарядов и глиняных горшков с зажигательной смесью для катапульта. Отдельное помещение с доспехами, шлемами, щитами и прочей защитной амуницией, а также оружием на сто человек, как я понимаю, гребцов. Значительная часть оружия и доспехов от взрывов стрел стреломётов поломаны, но как минимум одна треть из них повреждений не имеет, так же, как и три десятка луков. На палубах галер все скорпионы и катапульти посечены свинцовой картечью, но повреждения не критичны и все они пригодны к стрельбе.

Задумываюсь, стоит ли это добро переправлять в Кунгур. Чтобы снять все пригодное стационарное вооружение, а также гору неповрежденных доспехов, щитов, оружия как минимум на сто пятьдесят человек, галеры нужно подогнать к крепости, где приступить к разгрузке и демонтажу с креплений катапульта и скорпионов. Поскольку основную тяжелую работы выполнять мне одному, то займет это несколько дней. Конец мая и дневная

температура уже давно перевалила за двадцать пять градусов. Уже завтра трупы начнут разлагаться, а там и заразу подхватить легко. На выкидывание трупов с галер в реку, тоже уйма времени потребуется.

С этими мыслями сажусь в долбленку и отправляюсь за Савлием и Гнуром. Ребята молодцы, находились на самом близком расстоянии от врага, не стушевались, хотя в начале была заминка с натяжением над водой каната.

— Почему канат так долго не поднимали и почему вначале стрелял только один стреломёт? — делаю серьезное лицо, хотя в душе готов их обнять, но расслабляться нельзя.

— Володя, после залпа пушек, взрывной волной заклинило рычаг снятия стопора на лебедке, удерживающей груз. Вручную сил не хватило его разблокировать. Не сразу сообразил его гранатой взорвать, — оправдывается Савлий, а через пару секунд поднимает на меня взгляд горящий глаз с ещё не прошедшим азартом боя.

Не выдерживаю, сгребаю ребят в охапку и крепко прижимаю к себе.

— Молодцы! А теперь бегом в долблѐнку и гребѐм к шлюпу. Стреломѐты заберем позже.

Поднявшись на шлюп, по сходням возвращаюсь на галеры, где внимательно осматриваю взведенные торсионные скорпионы и катапульты, схематично зарисовываю механизмы себе в блокнот. С галеры, смотрящей носом в сторону пляжа произвожу выстрел стрелой из скорпиона. Целюсь в дерево, растущее на расстоянии около трехсот метров от галеры за береговым пляжем. Выстрел удачный, стрела вонзается в ствол дерева на полтораметровой высоте от земли. Пробую взвести скорпион для повторного выстрела, но получается долго, более тридцати секунд. Мои стреломѐты лучше. Далее тестирую катапульту, заряжаю двадцатикилограммовым круглым камнем. Стреляю. Камень вылетает под углами в сорок пять градусов, летит по баллистической траектории. В верхней точке достигает высоты тридцати метра и падает на расстоянии двухсот пятидесяти метра, врезаясь в песок пляжа, поднимая в воздух столб песка. Катапульты оружие серьезное, но для штурма крепостей, что даже в средне срочной перспективе не предвидется.

До захода солнца перетаскиваю на шлюп защитную амуницию и мечи гладиусы. А затем заливаю галеры бензином, на долблѐнке плыву за скалу, где освобождаю от груза канат, который медленно опускается на дно реки, а я возвращаюсь на шлюп. Вместе с экипажем запускаем из пращи бензиновые бомбы в сторону медленно уходящих вниз по течению галер.

Вернувшись в крепость, всех ребятишек, выстроившихся в шеренгу, поздравил с победой.

— Молодцы! Сегодня мы победили сильного врага! Победа достигнута благодаря четким и слаженным действиям каждого из вас, — ребятишки вытягиваются в строю, с довольным выражением лиц улыбаются и смотрят на меня горящими глазами. — Помните — в единстве сила! Один за всех...

— И все за одного!!! — раздаётся стройный хор двадцати глоток.

Поднявшись на северную башню донжон, прожекторной связью передал в Усадьбу сообщение о полной победе, отсутствие жертв с нашей стороны и наказал Михаилу, взяв на борт смену новичков в составе двенадцати человек, идти в Кунгур, а Семёну приступить к перевозке лошадей и волов к Форпосту.

Утром разгрузили шлюп, оставив только на борту большую часть медной хозяйственной утвари, включая три из четырех больших, литров на тридцать, снятых с галер медных котлов. Все мечи, шлемы, доспехи, поножи, наручи, щиты перенесли на второй этаж донжона, где обустроил оружейную. Сундук с золотыми ауреусами пополнил сокровищницу, а вот камни и два сундука с римскими серебряными динарами перенес в мастерского Бориса.

— Боря, эти римские динары, только называются серебряными, а на самом деле серебра в них от силы половина веса наберётся. Неспешно их переплавь в наши настоящие серебряные рубли и копейки.

— А с примесью, что делать?

— В примесях скорее всего медь, можешь использовать её в своих поделках, как и эти камни, — передаю Борису сундучок с рубинами и сапфирами, который внимательно осматривает камни, а затем с хитринкой в глазах смотрит на меня.

— На всех камнях ладная огранка получится, а пять камней после огранки будут отменными.

Поговорив немного о камнях, понадеялся, что Борис покажет результаты огранки предыдущих камней, но надеждам не суждено было сбыться, об их огранке в очередной раз ничего сказано не было.

Солнце в зените. Взяв в экипаж Савлия, на шлюпе отправились за стрелометами. С вчерашнем бое ничего не напоминало. На спокойном гладе воды играли солнечные блики, вдоль берега от легкого ветерка шуршали заросли рогоза, откуда периодически раздавалось утиное кряканье, а из лесной чащи — щебетание птиц.

Только светлые пятна, проглядывавшиеся через толщу воды со дна реки, и то только для посвященных, указывали на произошедшее накануне речное побоище. В общей сложности насчитал около двухсот трупов, покоящихся на дне реки, облаченных в защитную амуницию. Под ногами, вернее под водой на глубине десяти метров, как минимум три тонны меди. Но сейчас смысла, да и времени на подъём нет, через годик по дну бреднем пройду, скелеты всё-таки легче на берег вытаскивать, чем мертвые тела.

Подойдя за скалу к месту засады Савлия и Гнура, установили разборный деревянный стреловой кран и погрузили два стреломёта на борт шлюпа, разобрали краны, после чего вернулись в крепость. Стреломёты установили на стене между восточной воротной и южной башнями. За работой время пролетело быстро. Не заметили, как из Усадьбы подошел шлюп

Михаила с новой сменой из двенадцати уже на год подросших шестилетних ребятишек, впервые попавших в Кунгур.

Быстро разгрузив шлюп, доставивший запасы продуктов, кормов, боеприпасов, отправились ужинать. Смена уже закаленных битвой шести-семилетних ребятишек наперебой рассказывали новичкам о разгроме римлян, а новички, открыв рты с горящими огнем глазами, затаив дыхание внимали пока еще нескладному, но пафосному повествованию.

После ужина, новички в сопровождении старой смены, отправились знакомиться с крепостью. Я же с Борисом также осматривал помещения крепости, но на предмет возможного размещения всего племени, на случай возможной эвакуации из Усадьбы.

— На первом этаже казармы уже готовы и установлены двухъярусные кровати для ста человек на втором сделали половину, но заготовки есть на все кровати, — Борис проводит меня по жилым помещениям и обстоятельно рассказывает о каждом из них. — На вторых этажах над помещениями кухни и мастерских можно разместить пятьдесят человек, а еще постольку же в южной и западной башнях. У леса есть два сруба, а также амбары, конюшни и коровник. Запасы поместятся в подвалах крепости. Силос можно в ямах хранить, в которые раньше золу собирали.

— Боря, а в донжоне на верхних этажах, что?

— Там ещё не всё сделано. Володя, я тебе после полной готовности покажу.

Сделав паузу, Борис смотрит мне в глаза, а потом с тревогой в голосе спрашивает:

— Володя, а разве тебя можно победить?

— Меня нельзя! Но если меня призовут на небо, я должен знать, что в моё отсутствие мои подданные будут в безопасности, — задирая голову и закатывая вверх глаза, выкручиваюсь на ходу.

Борис смотрит на меня и понимающе кивает.

«Опять не слежу за словами. Божественного короля победить невозможно. Эвакуации быть не может, может быть только военная хитрость в виде заманивания противника мнимым отступлением в засаду», — мысленно ругаю и поучаю себя.

Утром, тепло простившись с Борисом, на двух шлюпах с двадцатью ребятами победителями римлян, отправляемся в Усадьбу. Пришли домой к ужину. Встречало нас, выстроившись по десяткам, всё племя. Двадцать победителей, приосанившись, колонной по два попытались пройти вдоль строя, но под восторженные крики встречающих, победители сбились с шага, их колонна расстроилась и в конечном итоге растворилась среди встречающих, выбежавшим к ним и торжественный марш превратился в обнимашки.

«Надо барабаны сделать и для таких торжественных случаев научить ребят строем маршировать под барабанный ритм, да и барабанным боем можно сигналы передавать», — беру себе мысленно на заметку.

После ужина в мезонине собрались старички, которым я рассказал об уничтожении римлян, а они поведали о текущем состоянии дел в Усадьбе, о видах на урожай, который ожидается больше прошлогоднего как минимум на двадцать процентов, а садовых плодов на все сто, о приплоде скота и лошадей, об увеличении пасеки еще на пятьдесят пять ульев, о производстве глиняных изделий и кирпичей, пряже и тканей, стеклах и зеркалах, о предметах необходимых в хозяйстве и повседневной жизни ребятишек.

— Завтра ухожу в Форпост, будем строить небольшую деревянную крепостицу, со мной идут Савлий, Гнур, двадцать ребят из последней смены Кунгура и еще десяток шестилетних

пацанов. Коля, на тебе изготовление еще одиннадцати стрелометов, шесть из которых Семён по готовности будет перевозить в Кунгур, для установки на стены, а пять в Форпост, а также пушек, сколько успеешь изготовить, которые по готовности Михаил и Аршак доставляют в Форпост. Ваня, на тебе обеспечение боеприпасами. Лада, на тебе в Форпосте организация питания и контроль за гигиеной. Эвика остаётся на хозяйстве в Усадьбе.

Засиделись за полночь, обсуждая различные детали текущей и ближайшей деятельности, а также нужд королевства.

— Мои дорогие Эвика, Лада, Николай, Ваня и Михаил, времени у нас мало, нужно много успеть в Форпосте, а потом готовить оборону на броде реки Барда. А в вас я верю! Нас ждут великие дела! — на мажорной ноте закончил совещание.

29 мая ещё до полудня прибыли в Форпост. При подходе к Форпосту на просеке встретили идущую на водопой отару овец, погоняемую Надеждой.

— Здравствуй Володя! — низко кланяясь, радостно приветствуем меня девочка овчар.

— Здравствуй Надя! Как вы тут обустроились?

— У нас всё хорошо. Мальчишки, как лошадей пригнали, табунщиками заделались, от лошадей их не оторвать, даже ночуют с ними. А девочки за двумя отарами овец приглядывают, да кашеварят.

— Сложности есть какие-либо?

— В первый день тяжело было, овцы в разные стороны разбредались, а бараны, вместо того, чтобы за ними следить, между собой норовили подражаться. Но хаски быстро их к порядку привела, пару раз цапнула баранов, так теперь они к друг другу ближе чем на сто метров не подходят, да и за овцами следить стали, чтобы от отары не отбивались.

В Форпосте сразу же приступили к подготовительным работам. Под руководством Лады большая часть ребятишек сложили очаг, возвели из жердей легкую кухню, коровник на двух коров и шесть волов, курятник на тридцать куриц, из шамотных кирпичей сложили кухонную печку и коптильню, сбили обеденный стол и лавки, а также установили шатры и шалаши. Пятерых ребятишек отправил на добычу косуль с конной повозкой, а еще с четырьмя я собрал четыре стреловых разборных деревянных крана и четыре кран-балки.

За следующие две недели работая от зари до зари, используя весь длиннющий световой день, утренние и вечерние сумерки, с посильной помощью ребятишек, возвел четырехметровый частокол со сторонами двадцать метров с четырьмя шестиметровыми угловыми башнями, каждую с площадкой под один стреломёт, внутри крепостицы, поставил два сруба, амбары, курятник, конюшню, коровник, кухню. Вырыл колодец. Баню и туалеты установили за пределами крепостицы.

13 июня, в составе конного поезда, состоящего из двадцати повозок, с двенадцатью деревянными пушками, двумя стреломётами, сборными керамическими трубами общей длиной пятьсот метров, бочками с бензином, шанцевым инструментом и двумя разборными стреловыми деревянными кранами, прожектором дальней связи, а также с запасом провизии и овса, отправились к броду на реке Барда. Со мной двадцать ребятишек, прошедших боевое крещение в Кунгуре, а также Савлий и Гнур. Я и Савлий идем на двух конях иноходцах.

В пути сделали одну часовую остановку и подъехали к броду уже в вечерних сумерках. Обустроили лагерь на холме, возвышающемся над рекой Бардой на высоту двух метров в пятидесяти метрах ниже брода.

С рассветом стали оборудовать место засады. На пляже вдоль брода по правому берегу реки прокопали трехсотметровую неглубокую канавку, в которую уложили собранную

керамическую трубу длиной около четырехсот метров. Начало трубы находилось на холме, где был обустроен лагерь, конец трубы был закупорен пробкой.

Установив на пляже разборные краны, подгоняя к ним повозки с пушками, которые опускали на пляж, поверх находящейся в канавке проложенной керамической трубы. Пушки сразу же устанавливали по секторам обстрела на расстоянии двадцати пяти метрах друг от друга, забив клинья, устанавливаю угол ствола в пятнадцать градусов. Далее разбираем два стрелового крана и вновь их собираем на двух новых позициях для двух пушек и так еще четыре раза. На установку пушечной засады затратили весь световой день, закончили уже в вечерних, вернее ночных сумерках.

Следующим утром отправляю Савлия и Гнура на иноходцах на разведку.

— Ребята, ваша задача проехать на восток пять километров, найти высокий холм, рядом с которым обязательно должен быть ручей для питья коням, и с холма вести наблюдение. Как только заметите первых разведчиков степняков, на всех парах летите назад. С собой берете сухой паек на три дня и запас воды. Вопросы есть?

— Всё понятно, вопросов нет, — хором отвечают ребяташки, вскакивают на коней и переправившись через брод, кони иноходью уносят их на восток.

С остальными ребятами занимаемся косьбой. Из скошенных луговых трав вяжем под сотню снопов, которыми накрываем пушки. На маскировку затратили весь день.

С утренней зарей 16 июня отправляю всех ребят на девятнадцати повозках обратно в Форпост. В лагере осталась только одна повозка со стреломётом и бочонки с бензином. После отъезда конного поезда с ребятами, приступаю к зарядке пушек. Четвертую и восьмую пушки заряжаю зарядом из восьмисот шариков свинцовой картечи весом восемь килограмм и увеличиваю угол ствола до двадцати градусов, путем подбития дополнительных клиньев. Остальные десять пушек заряжаю зарядом из четырехсот шариков весом четыре килограмма. На четвертой и восьмой пушках чуток уменьшаю длину запала. Эти пушки должны выстрелить первыми и снести в трёхстах метрах всадников, стоящих на противоположном берегу и тех, кто бросится форсировать брод, тем самым убрав первые ряды степной орды, освободив пространство для уничтожения следующих рядов всадников дальнобойной картечью.

На всем протяжении керамической трубы выдавливаю пятисантиметровую пластину, по ранее сделанным Иваном алмазным резцом продольным надрезам. Возвращаюсь на холм и из бочонков в трубу заливаю бензин, который стекая сверху по уклону заполняет трубу по всей её длине, чуть не выплескиваясь через борта, образовавшиеся, после выдавливания надрезанной пластины. Теперь остается только ждать.

Времени зря не теряю, нахожу с пяток небольших кустов, которые выкапываю и обустроиваю на холме позицию для повозки со стреломётом, перед которой в качестве маскировки высаживаю выкопанные кусты. Лопатой равняю площадку под повозкой, чтобы не качалась и подкладываю под колеса небольшие камни, подобранные у реки, для предотвращения скатывания её с холма. Подбираю на берегу более-менее крепкие плавуны в виде жердей, которые за холмом вкапываю в землю и делаю, что-то похожее на коновязь, к которой привязываю лошадь. Через брод перехожу на противоположный берег, внимательно всматриваюсь в холм, но ни лошади, ни повозки со стреломётом не вижу, наблюдаю только холм с растущими на нём кустами.

На следующий день в районе шестнадцати часов возвращаются Гнур и Савлий.

— Володя: Около сотни степняков в пяти километрах за нами. Скачут к броду, —

переправившись через брод, на ходу спрыгивая с коня, кричит Савлий.

— Ребята, уводите коней за холм, а сами к стреломёту. Если я к вам не успею, а степняки попытаются перейти через брод, Савлий открывай огонь на поражения, а ты Гнур, запускай из пращи в воздух в сторону степняков бензиновые бомбы.

Сам же взяв двадцатилитровый бочонок с бензином, стал им заливать сверху снопы и пушки в месте расположения запала. Бензина лью по полтора литра на пушку, надеюсь за сутки не испариться. И бегом возвращаюсь на холм к ребятам.

Степняков пока нет. В прицел наблюдаю как сотня степняков на лошадях крутятся вокруг нашего пограничного столба — идола, стоящего в пятистах метрах от брода. Слов не слышно, но по жестам видно, что они бурно обсуждают изображение на столбе. Минут через пять, видимо старший, взмахивает рукой в нашу сторону и пару десятков степняков поскакали к броду. Где также останавливаются у пограничного столба, долго что-то обсуждают, но переходить по броду на противоположную сторону реки не решаются и возвращаются обратно к первому столбу.

Следует как минимум десятиминутное бурное обсуждение, после чего половина всадников во главе со старшим ускакивают назад на восток, а вторая половина остается рядом с первым пограничным знаком.

Часа четыре практически ничего не происходит. За исключением того, что оставшиеся пятьдесят воинов, отойдя на триста метров на восток от столба, устроили привал.

Время близится к двадцать одному часу. Вряд ли на ночь глядя орда будет переправляться через брод. В подтверждение моих догадок, к передовому отряду подскакал один всадник, коротко переговорил и ускакал обратно. Передовой же отряд стал готовиться к ночлегу, распрягли лошадей и отправили их пастись, в седле осталось только три человека.

В сумерках замечаю подходящую орду в несколько тысяч всадников, которые в трех километрах от брода разбивают лагерь. Значит всё интересное откладывается на утро.

Спустившись со всей предосторожностью к реке в ведра набрал воды, напоил лошадей и отсыпав им овса, вернулся к ребятам. Пора и нам готовится ко сну. Перекусили пеммиканом, распределили дежурство. Первые два часа дежурит Савлий, вторы Гнур, рассветные дежурю я.

Солнце вошло в четыре часа и только в пять часов утра на левом берегу в ордынском лагере началось движение. Так, что ребята еще могут минут сорок поспать. Я спускаюсь к реке и набираю в ведра воды, неизвестно сколько всё продлится, а возможность набрать воды может долго не представиться.

Через сорок минут бужу ребят, быстро перекусываем пеммиканом, запрягаем гуннскую лошадь в повозку, на случай быстрого бегства, вернее манёвра отхода с целью заманивания в засаду у Форпоста, седлаем коней, ребята надевают под маскировочную накидку кожаные доспехи с металлической вставкой на груди, к сожалению полностью металлические доспехи слишком для них тяжелы. Я облачаюсь в ламинарные доспехи, поверх которых надеваю парадный фиолетовый плащ с алой шелковой подкладкой, наплечную накидку из меха горностая и уже втроём продолжаем наблюдение.

К авангардной полусотне к первому пограничному столбу прискакали во главе со старшим пять десятков всадников, и вся сотня степняков неспешной рысью продвинулась вперед к броду и остановилась у второго пограничного столба. Форсировать брод так же, как и вчера не решаются.

От лагеря ордынцев, вытянувшись в ряд по триста всадников двинулась вся орда. Сколько их, точно определить не могу, но не менее трех, а то и четырех тысяч воинов. Чуть впереди орды скачет с десятков всадников. Поравнявшись с первым пограничным столбом, первый десяток всадников останавливается, их примеру следует и вся орда, которая встаёт, не доехав до знака двадцати метров.

Рассматриваю первую десятку в прицел. Кто среди них хан, определяю сразу. Хан восседает на жеребце восхитительной стати, сам хан выглядит немного грузноватым явно имеет лишний вес, волосы черные прямые, разрез глаз немного узковат, сами глаза темные, смотрит с прищуром, цвет лица смуглый, само лицо уплощенное, на лице бороды либо усов нет, немного выступающие скулы и низкое переносье. Десяток его ближников, что-то ему поочередно высказывают, он слушает каждого не перебивая.

«Пора. Мой выход», — мысленно даю себе команду, а в слух:

— Гнур, когда я подниму руку вверх, поджигай бензин в трубе. Савлий, сразу открывай огонь из стреломета по ханской группе из десяти всадников, расстояние предельное, стреляй навесом с учётом силы ветра. Если после пушечного залпа стрелять будет не в кого, то из пращи запускайте в высь над бродом бензиновые бомбы.

Вскакиваю в седло иноходца, метров двести двигаюсь на запад, а потом на север и заворачиваю на восток, двигаясь медленным шагом к центру брода. Передовой отряд степняков замечает меня в двухстах метрах от брода. От их группы отделяется всадник, который галопом мчится к хану. Орда приходит в движение и во главе с ханом рысью движется к броду. Я до минимума снижаю свою скорость движения и к броду каждый со своей стороны, подходим практически одновременно.

«Самое время стрелять, но кто же тогда сообщит выжившим имя короля, уничтожившего их хана», — проскакивает мысль.

— Я, Божественный Король Королевства Руссов Владимир I! Еще один шаг и все будут убиты по воле Богов! Уйдите с миром!

— Я, Великий хан Вязовуй, самый могущественный правитель степи! Ты мелкая букашка не смеешь мне указывать, что делать. Здесь моя земля и моя власть, — визгливым голосом, брызгая слюной, заверещал хан, а его тысячи шавок подхватили визг предводителя.

— Да свершится воля Богов! — поднимаю руку вверх, разворачиваю коня, пытаюсь как можно дальше убраться от пушек, но при этом в полуоборот смотрю в их сторону.

По трубе со скоростью курьерского поезда вдоль брода проносится полоса сплошного пламени, за секунду достигнув оконечности трубы. Тут же вспыхивают, пропитанные еще не испарившимся бензином, пушки и соломенные снопа. Я успеваю преодолеть не более пятнадцати метров, как раздается зал двух, четвертой и восьмой, пушек, а буквально через секунду следует одновременный громовой раскат выстрелов остальных десяти пушек.

Дальше мне становится не до созерцания последствий пушечных выстрелов. Уши моментально заложило, а конь насмерть перепуганный, так же с заложенными ушами взвился на дыбы, хорошо, что я был к этому готов, а затем иноходец беспорядочно стал бросаться в разные стороны, взбрыкивать передними и задними ногами.

Краем глаза замечаю над бродом на высоте тридцати метров огненный шар с протуберанцами. Главная цель достигнута, теперь спокойно можно заниматься конем и приводить его в чувство.

Перестав брыкаться, конь понёсся, не разбирая дороги в южном направлении фактически параллельно реке Барда. Несется в сторону месторасположения нашей будущей крепости прямо к спуску в реку. Коня не отпускаю, а наоборот посылаю его вперед, сильно прижимая пятки к бокам с секундной периодичностью, давая ему понять, что я продолжаю им управлять. Конь несется прямо в реку, влетает в неё, пытается двигаться вперед, но вода его тормозит, и когда вода доходит ему практически до груди, иноходец останавливается.

Хотя на дворе вторая половина июня, но долго разгоряченную лошадь в воде держать нельзя. Конь дрожит, у него частое дыхание, глаза ошалелые. Пытаюсь успокоить его голосом, но понимаю, что конь моего голоса не слышит, в прочем, как и я. Щеткой начинаю расчесывать гриву, шею, холку, бока. Конь постепенно успокаивается, дыхание становится ровным, да и взгляд осмысленным, если так можно выразиться о взгляде лошади. Потихоньку направляю поводом на разворот и вывожу его из воды. С коня не слезаю, продолжаю показывать, что именно я им управляю и посылаю его шагом к нашему лагерю.

Осматриваю на ходу уши коня, крови нет, надеюсь, что барабанные перепонки не повреждены. Над бродом в воздухе продолжают взрываться огненные шары. Прибыв в лагерь, понимаю, что и с оставшимися лошадьми не всё в порядке. Савлий поочередно успокаивает, то одну, то другую лошадь. А Гнур из пращи продолжает запускать в воздух бензиновые бомбы, команды же отбой не было. Спрыгнув с коня, передаю вожжи Савлию.

— Ребята, как вы тут? — как можно громче кричу. Уши у меня еще заложены, полагаю так же и у ребят.

— Лошади сильно испугались пушечных выстрелов, сейчас почти успокоились, а вот после залпа, со страха чуть не сорвались и не умчались. Хорошо, что гуннскую запрягли в повозку и камни под колеса положили, не смогла лошадка с перепугу повозку сдвинуть. А если бы осталась у коновязи, то побили бы лошади друг дружку копытами, — хотя и с трудом, но улавливаю звуки голоса Савлия.

Дальше осматриваю в прицел результаты пушечного залпа. На правом нашем берегу догорают остатки пушек, бензин в трубе уже практически выгорел. Левый берег за бродом

на площади триста на триста метров просто выкошен. Там месиво из тел людей и лошадей. Если и есть раненые, то вряд ли они доживут до утра. За этим сплошным месивом метров на триста на восток лежат еще достаточно большое количество трупов, но чем дальше от берега, тем их становится меньше. Переносу взгляд дальше на восток. Ордынский лагерь, как стоял в трех километрах от реки, так и стоит. Только движения людей там не видно. А вот левее лагеря на северной стороне табун лошадей отсутствует, как и отара овец. Перевожу взгляд дальше на север и в четырех километрах вижу овец, а еще на километр дальше, вытянувшееся в дугу на пару-тройку километров, уходящих на север лошадей. Переведя прицел на восток, на пределе видимости, километрах в пяти наблюдаю силуэты убегающих трех-четырех сотен уже бывших воинов. Всадников не видно, скорее всего уже скрылись на востоке за горизонтом.

— Ребята, у меня две новости, хорошая и плохая. С какой начать?

— С хорошей, — не сговариваясь хором отвечают Савлий и Гнур.

— Мы победили! Пора собирать трофеи!

Ребята разом приосанились, глаза загорелись, уже забыли о заложенных ушах и готовы немедленно приступить к сбору трофеев. Но тут Савлий на секунду задумывается, взгляд становится озабоченным, и он озадачивается вопросом:

— Володя, а какая плохая новость?

— А плохая новость ребятки, в том, что на той стороне реки тысячи трупов людей и лошадей. Если мы за два, максимум три дня их не похороним либо не сожжем, то будет беда. Эта территория и вода в реке на долгие годы превратятся в источник заразы, от которой погибнут большинство обитающих здесь животных, да и нам об охоте на косуль придется навсегда забыть.

— Их всех надо бензином облить и поджечь, — вскинув голову, бодрым голосом о пришедшей ему самой простой и очевидной мысли, чуть ли не кричит Гнур.

— Можно, бензин из Усадьбы завтра к вечеру могут доставить, но если жечь прямо на месте, то от такого количества бензина разгорится такой пожар, который подгоняемый западным ветром пойдет на восток и выжжет всё на многие сотни километров, не оставив после себя ничего живого. Так, что это самый крайний вариант. А более безопасный, надо искать поблизости глубокий овраг или балку, туда скидывать трупы и уже в овраге их сжигать, тогда возможность распространения огня будет минимальной. Ещё можно прокопать вокруг этой территории с трупами широкий ров, а затем трупы сжечь, как ты Гнур предлагаешь, но на такие земляные работы сил у нас нет.

— Что же делать? — ребята спрашивают практически одновременно.

— Ещё не знаю. Посмотрим пока, что есть интересненького в лагере степняков. Лошади вроде отошли. Гнур, возницей на повозке, я и Савлий верхом на конях, через брод двигаемся к лагерю степняков. Всем быть на чеку, если увидите раненых, близко не подходить, добывать из лука либо арбалета.

Снимаю накидку из горносталя, упаковываю её обратно в вещмешок с одеждой. Крови и грязи впереди немерено, не нужно портить хорошую вещь. Для подчеркивания моего статуса фиолетовой накидки с капюшоном и алой шелковой подкладкой будет достаточно, да и фляжка с керосином с изнанки у плеча к ней приторочена.

Переправляемся в брод прямо к месту где находился хан. Хан фактически первым принял на себя картечный выстрел. На его теле насчитал не менее двух попаданий. Забираю ханский меч, пояс, инкрустированный драгоценными камнями кинжал. С шеи снимаю с

десяток, находящимся на нем амулетов. Какие, что обозначают буду разбираться позже.

У десятка его приближенных забираю только пару составных луков, а еще снимаю амулеты, наверняка среди ближников были и сыновья хана, один молоденький, соответствующий двенадцати-тринадцати летнему возрасту, так наверняка. Мечи и кинжалы ближников из простого железа, притом не очень хорошейковки. Их оставляем на трупах.

Ребята смотрят, выпучив глаза на огромное месиво трупов. Первым не выдерживает Савлий:

— Ты их всех убил за две секунды!!!

В Кунгуре ребята столько трупов не видели, там картечь снесла всех находящихся на верхних палубах за борт, а трупы внутри галер они не видели, на галерах был только я.

«Что им отвечать, сказать, что это пушки, так на это у них будет ответ один, как их сделать, подсказали боги», — думаю про себя. Ответ им не даю, а просто задираю голову в небо и закатываю вверх глаза.

Савлий и Гнур пытаются пасть ниц прямо в воду. Успеваю их остановить:

— Стоять! Мы на войне! Почести будете отдавать в мирное время!

В этот момент в двадцати метрах один из раненых пытается подняться, я выхватываю из разгрузки нож и метая его в шею степняку. Ребята моментально оборачиваются, а степняк с пронзенной шеей падает замертво.

— Ну, что убедились! На войне от боевых действий отвлекаться нельзя! Как и в пути, и на посту!

Ребята потупившись склонили передо мной голову и стали вертеть головами по сторонам, выискивая опасность.

Двигаемся дальше по воде вдоль левого берега на север. Дойдя до конца брода выходим на берег, обходим место побоища с левой северной стороны и направляемся в сторону лагеря степняков. Пытаюсь подсчитать количество убитых. По самым скромным подсчётам получается, что мы убили не менее тысячи воинов и не менее двух тысяч лошадей. Сбежало порядка трех тысяч воинов. Но теперь это скопище полностью деморализованных людей. В отсутствии хана и прочего командного состава, как боевая единица ничего из себя не представляющее.

Обогнув побоище едем к лагерю. Проехав пятьсот метров, обнаруживаем глубокий овраг, как раз подходящее место для захоронения. Останавливаемся в трехстах метрах от лагеря. Внимательно рассматриваю его в прицел. В лагере около пятисот шатров. В центре три самых больших и богатых. По периметру лагеря около трёхсот кибиток. Но в самом лагере полная тишина. Слева от лагеря примерно в пяти километрах пасется, уже успокоившийся огромный табун, в котором по самым грубым подсчётам не менее восьми тысяч лошадей, да еще рядом отара овец под тысячу голов. Ни чабанов, ни табунщиков не наблюдается.

Объезжаем лагерь по периметру, на противоположной стороне лагеря замечаем десяток клеток на колёсах, в которых содержатся около шестидесяти крепких мужчин, по их виду явно не рабы и не пленники, их внешний вид и одежда указывает на принадлежность их к степным воинам, только что побежденного мной племени.

Ребята страхуют, а я подъезжаю поближе. Держу в руке зажигалку таким образом, чтобы создалось впечатление, что пламя горит из пальца. Зажигаю огонь, народ в клетках и так сидевший тихо, практически онемел, наступила полная тишина. Набрав через соломинку в рот керосин, выдуваю его над пламенем, и шестиметровая огненная стрела летит вдоль

клеток. Народ ахает и массово падает ниц.

Выдерживаю паузу и через минуту громко представляюсь:

— Я, Дух Огня, Божественный Король Королевства Руссов Владимир I.

Делаю еще одну паузу, даю им осознать услышанное и продолжаю:

— Есть ли еще кто-нибудь в лагере?

— Кроме нас в лагере никого нет, — один из заключённых, возрастом около 25–28 лет, видимо наиболее смелый либо отчаянный, а может и главный среди заключённых в клетках, после тридцатисекундной тишины, отвечает на мой вопрос. — После раздавшегося громового раската, оставшиеся в лагере, увидев в панике бегущих воинов, кто в чем был побежали из лагеря за воинами, которые кричали: «Спасайтесь, Бог грома и огня спустился на землю». Лошади, испугавшись грохота, понеслись на север, так, что из лагеря все убежали без лошадей.

— Все вы, как и всё вокруг является моей добычей! Скоро я скажу, что с вами будет! — пыхаю огненным шаром, разворачиваю коня и направляюсь в центр лагеря к трем богатым шатрам. Присоединившимся ко мне Савлию и Гнуру даю указания:

— Савлий, осматриваешь кибитки и шатры, ищешь шанцевый инструмент и что-то типа кухни. Гнур, на повозке следуешь за мной к большим шатрам.

В самом большом шатре обнаружил сундук с драгоценными камнями и второй весом двадцать килограмм доверху заполненный римскими ауреусами. Понятно, что шахиншах расплатился чужими монетами, зачем себя подставлять. Сундук с камнями погрузил Гнуру на повозку, а с деньгами пока оставляю в шатре. Обстановка в шатре бедненькая, похоже племя не из богатых, вот хан и согласился на авантюрный набег на север. Кроме двух сундуков в шатрах больше ничего интересного для себя не обнаружил.

— Володя, в лагере людей нет, в двух кибитках пятьдесят деревянных лопат с железной окантовкой, тридцать железных кирок. Есть различная кухонная утварь, в основном глиняная, немного железной и медной, а также кибиток сто с продовольствием, в основном зерном и крупами.

— Ребята, отправляйтесь через брод к месту нашего лагеря, ночью передайте сообщение на Маслёную гору о победе и отправки к нам верхом десяти ребят и одну собаку. Я немного тут задержусь.

— А зачем нам десять ребят, да ещё с собакой, мы ведь справляемся? — с недоумением в глазах смотрит на меня Гнур.

— Отару овец и небольшой табун, нам втроём домой не отогнать.

После отъезда Савлия и Гнура, прихватив оружие хана, возвращаюсь к людям в клетках.

— Кто такие?

— Я Хелхал младший брат хана, а это мои люди, — встает с колен, всё тот же отчаянный либо главный среди заключенных. Приглядевшись, замечаю сходство с убитым ханом, такие же черные прямые волосы, смуглый цвет лица, узковатый разрез глаз, чуть выступающие скулы и низкое переносье.

— Почему ты и твои люди заперты в клетках?

— Я был против набега на север ради убийства мальчика. Чести в том нет. Я предупреждал брата, что за это нас могут покарать Боги и хотел со своими людьми уйти из племени. Брат назвал меня трусом, посадил меня и моих людей в клетки, что бы я увидел его триумф и, что Боги на его стороне, — посмотрев на меч хана, Хелхал перевел взгляд на меня. — Но я оказался прав, а он нет.

— Я могу тебе, твоим людям и оставшейся части теперь уже твоего племени даровать жизнь... — делаю паузу и смотрю в глаза Хелхалу.

Хелхал поднимает голову, смотрит мне в глаза, в его взгляде соседствует безнадежность и тут же теплится надежда.

— А, что взамен?

— Практически ничего. Ты, твои дети, внуки, правнуки и праправнуки вплоть до тридцатого колена будут восхвалять в молитвах меня и королевство Руссов за дарованную жизнь. Ты с племенем вернёшься в степь и расскажешь другим племенам о последствиях вторжения в королевство Руссов. Ты и твое племя будете в степи пресекать силой тех, кто попытается повторить набег твоего неразумного брата.

Пока я перечислял условия оставления его и племени в живых, во взгляде Хелхала все больше и больше загоралась надежда, но после третьего условия, надежда во взгляде улетучилась.

— Как же я смогу остановить силой другое племя, если у меня всего шестьдесят воинов и нет лошадей?

— Больше половины твоего племени убежало на восток, но не думаю, что дальше чем на десять километров. А огромный табун, испугавшись божественного грома, ускакал не далеко, всего на пять километров на север. Там же и отара овец. Я думаю собрать людей и лошадей тебе труда не составит, — мечом перерубаю нехитрый замок клетки.

Хелхал встает передо мной на колени:

— Я клянусь... — но я его останавливаю:

— Мне и Богам клятвы не нужны. Просто скажи слово.

— Я, шах Хелхал, даю слово, что все условия будут выполнены мной и моими праправнуками вплоть до тридцатого колена, а также всем племенем, — смотрит мне в глаза уверенным и благодарным взглядом, а шестьдесят его ближников, подтверждают слова шаха и также опускаются на колени.

Передаю шаху Хелхалу меч, пояс и кинжал убитого шаха, а также снятые с его шеи амулеты.

— Я оставляю тебе сундук римского золота, найдёшь его в шатре шаха, распорядись золотом во благо своего племени. После захоронения трупов в качестве жертвоприношения приведёшь к броду пятьдесят лучших лошадей и отару из сотни голов.

Разворачиваю коня и шагом отправляюсь в лагерь, к ожидающим меня Савлию и Гнуру.

Надеюсь, что ближайшие три года будут спокойными для Королевства Руссов.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Послесловия автора

За исключением главного героя, в племени Владимира на конец второй книги состоит 229 человек, 122 мальчиков и 107 девочек.

Возрастной состав племени следующий:

21 год. Один человек. Владимир I глава рода Руссов, Король Королевства Руссов.

13 лет. 1 человек. Эвика.

12 лет. 3 человека. Николай, Борис, Лада.

10 лет. 1 человек. Иван.

9 лет. 1 человек. Михаил.

7 лет. 24 человека. В том числе Савлий, Липоксай (Лепо), Гнур, Дана, Опис, Сенамотис, Томирас, Аршак, Денис, Олег, Виктор, Петр, Семен, Алексей, Андрей, Василий, Анна Дарья.

6 лет. 59 человек. В том числе Ракс, Оре, Колоксай (Коло), Атей, Нап, Талестрис, Амага, Александр, Константин, Григорий, Вера, Надежда, Любовь.

5 лет. 57 человек.

4 года. 55 человек.

3 года. 26 человек.

1 год. 1 человек. Скил.